А. Хрущовъ

Андрей Ивановичъ ШИНГАРЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Изданіе Комитета по увѣковѣченію памяти
Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева.

МОСКВА—1918.

А. Хрущовъ

Андрей Ивановичъ ШИНГАРЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Изданіе Комитета по увѣковѣченію памяти
Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева.

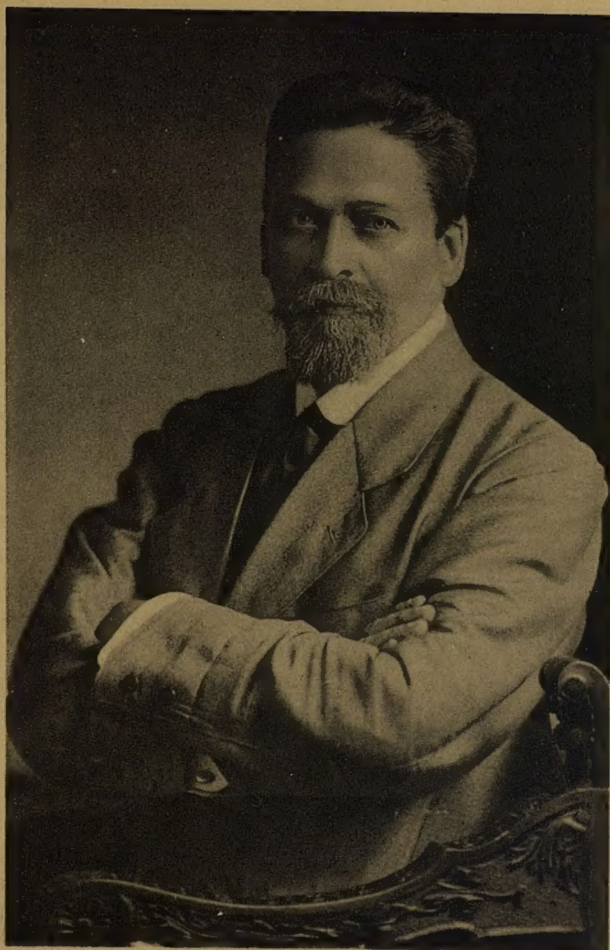
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.

МОСКВА — 1918.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА — 1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ мою задачу не входитъ дать исчерпывающій очеркъ дѣятельности А. И. Шингарева.

Слишкомъ велика и многогранна была эта дѣятельность, и въ своемъ очеркѣ я хотѣлъ бы коснуться, главнымъ образомъ, его субъективныхъ, внутреннихъ переживаній, показать, какъ складывалась его жизнь, какъ формировалось его міровоззрѣніе, какимъ онъ вошелъ въ жизнь, и какъ онъ на разныхъ ступеняхъ своей общественной жизни отъ вольнопрактикующаго врача въ глухой деревнѣ до народнаго представителя и министра Временнаго Правительства оставался вѣрнымъ своему идеалу—служенію народу, въ среду котораго онъ неустанно несъ всю силу своихъ знаній, своего ума, своей вѣры въ него и любви къ нему.

Я зналъ его со студенческихъ лѣтъ, всѣ студенческіе годы мы прожили вмѣстѣ и съ тѣхъ поръ почти не разставались. Моя работа переплеталась съ его дѣятельностью, и на скамьяхъ правительственныхъ мы были вмѣстѣ, я въ качествѣ его неизмѣннаго товарища по Министерству Земледѣлія, а потомъ и Министерству Финансовъ; и въ избирательныхъ спискахъ по Учредительному Собранію отъ партіи Народной Свободы по Воронежской губ. мы стояли съ нимъ рядомъ.

Слишкомъ глубоко чувствовалъ, думалъ и переживалъ А. И., и настолько ярко и образно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто умѣлъ передавать свои мысли и чувства и въ публичныхъ выступленіяхъ, и въ печатномъ словѣ, и въ письмахъ, и въ дневникѣ, что едва ли надо много прибавлять къ тому, что онъ самъ писалъ

и говорилъ. Чужія слова никогда не смогутъ такъ вѣрно охарактеризовать его, какъ его собственныя мысли, его собственныя слова и рѣчи.

И вотъ передо мной его юношескія письма къ брату моему К. Г. Хрущову, письма студенческихъ лѣтъ, когда онъ входилъ въ жизнь, и его дневникъ изъ тюрьмы, гдѣ оборвалась его жизнь.

Эти двѣ грани жизни—начальная и конечная—опредѣляютъ нравственный обликъ А. И., какъ удивительно цѣльнаго, кристально-чистаго человѣка во всей его трогательной простотѣ и нетребовательности къ благамъ личной жизни. Юношей 20 лѣтъ, создавъ себѣ опредѣленное народническое міровоззрѣніе, онъ оставался вѣрнымъ ему до конца дней своихъ и ушелъ изъ жизни такимъ же убѣжденнымъ идеально-чистымъ народникомъ, какимъ входилъ въ жизнь.

Характеръ и направленіе всей дѣятельности А. И. такъ ярко изображены имъ самимъ въ слѣдующей страничкѣ его дневника отъ 14 декабря 1917 г. За три недѣли до своей смерти, сидя въ одиночномъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, въ Трубецкомъ бастіонѣ, вспоминая декабристовъ, онъ писалъ:

«Они тоже почти сто лѣтъ тому назадъ были здѣсь въ этихъ казематахъ Петропавловки, и нашъ бастіонъ носитъ имя одного изъ нихъ. Они умирали съ вѣрой въ свое дѣло. Наше поколѣніе живетъ, теряя вѣру въ то, что оно сдѣлало. Какой урокъ для нашихъ преемниковъ, если мы сами не сумѣемъ имъ воспользоваться.

«Когда меня спрашивали: «стоило ли дѣлать революцію, если она привела къ такимъ результатамъ?» я отвѣчаю двумя соображеніями:

«Наивно и близоруко думать, что революцію можно дѣлать или не дѣлать: она происходитъ и начинается внѣ зависимости отъ воли отдѣльныхъ людей. Сколько разъ ее пробовали «дѣлать» и погибали отъ равнодушія окружающихъ и преслѣдованія враговъ. Она приходитъ, какъ ураганъ, и уходитъ чаще всего тогда, когда никто не подозрѣваетъ ея близости, или всѣ вѣрятъ въ ея прочность. Задержать революцію—такая же

мечта, какъ и продолжить или углубить ее. Кто задержитъ бурю и кто ее остановитъ? Многіе предчувствовали ея возможность, многіе предвидѣли и предугадывали ея появленіе у насъ, особенно начиная съ осени 1916 года; никто не воленъ былъ ни ее предупредить, ни даже измѣнить ея форму. Всѣ, кто себя упрекаетъ или собою гордится за время революціи, могутъ это дѣлать лишь по отношенію себя самихъ. Измѣненіе ихъ поведенія ничего не смогло бы измѣнить въ ходѣ развитія революціи. Это не фатумъ и не детерминизмъ. Это логическое развитіе событій въ громадномъ масштабѣ подъ вліяніемъ громадной величины движущихъ силъ. Сожалѣніе, раскаяніе, упреки и обвиненія интересны и, быть можетъ, умѣстны въ индивидуальной жизни, въ личныхъ характеристикахъ или личныхъ переживаніяхъ. Для революціи они ничто, они такъ же безцѣльны, какъ гаданіе на тему: что было бы, если бы то-то и то-то не случилось, если бы такой-то не сдѣлалъ того-то.

«Революція была неизбѣжна, ибо старое изжило себя. Равновѣсіе было нарушено давно, и въ основѣ русской государственности, которую недаромъ мы называли колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, лежали темныя народныя массы, лишенныя государственной связи, пониманія общественности и идеаловъ интеллигенціи, лишенныя часто даже простого патріотизма. Поразительное несоотвѣтствіе между верхушкой общества и его основаніемъ, между вождями государства въ прошлыхъ его формахъ, а также вождями будущаго и массой населенія— меня поразило еще въ юности, съ первыхъ лѣтъ университетской жизни. Оно представляло не только опасность для существующаго порядка, это была бы не бѣда, оно представляло громадную опасность для государства. Тогда эти мысли привели меня къ заключенію о необходимости сближенія верха съ низомъ, установленія связи прочной и реальной. Тогда мнѣ казалось все безполезнымъ—наука, искусство, политика, если они не преслѣдовали только эту цѣль. Вотъ почему тогда я бросилъ свои первоначальные планы отдаться наукѣ, которая меня притягивала, и пережилъ свой первый кризисъ, бросивъ занятія ботаникой и поступивъ на медицинскій факультетъ,

чтобы уйти въ народъ врачомъ. Отвергнувъ второе искушеніе—остаться при клиникѣ Остроумова, я пошелъ даже не земскимъ врачомъ, я думалъ, что это отдаляетъ отъ народа по положенію, а просто вольнымъ врачомъ. Долгіе годы потомъ показали мнѣ, какъ трудно что-либо сдѣлать на той дорогѣ, на которую я пошелъ, и какъ старый режимъ заграждалъ тысячами препятствій эту дорогу, по которой и безъ его упрямаго и безумнаго сопротивленія можно было двигаться лишь очень медленно и съ огромнымъ трудомъ. Тѣ же мысли, тѣ же соображенія всегда руководили мною и въ политической работѣ. «Вотъ почему я всегда стоялъ за эволюцію, хотя она идетъ такими тихими шагами, а не за революцію, которая можетъ хотя и быстро, но привести къ неожиданной и невѣроятной катастрофѣ, ибо между ея интеллигентными вождями и массами—непроходимая пропасть».

И вотъ, чтобы заполнить эту пропасть, онъ на протяженіи всей своей жизни это сближеніе народа съ интеллигенціей ставитъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ и цѣлью своей работы.

Всѣ этапы его жизни въ предлагаемомъ очеркѣ я старался освѣтить, главнымъ образомъ, по имѣвшимся у меня фактическимъ матеріаламъ, а таковыми были его письма къ женѣ, къ его отцу и дѣтямъ, къ моему брату К. Г. Хрущову, ко мнѣ, его дневникъ заграничнаго путешествія, его дневникъ въ тюрьмѣ, воспоминанія его сестры Александры Ивановны Шингаревой, его рѣчи и публицистическія выступленія и отчеты фракціи Народной Свободы въ третьей и четвертой Думахъ, составленные въ области бюджета самимъ Андреемъ Ивановичемъ.

I.

Андрей Ивановичъ Шингаревъ родился 19-го августа 1869 года, вблизи г. Воронежа, на хуторѣ около села Борового, Воронежскаго уѣзда. Съ 1877 года семья поселилась въ Воронежѣ. Андрей Ивановичъ былъ старшимъ въ семьѣ, состоявшей изъ шести человѣкъ дѣтей.

Отъ матери своей, Зинаиды Никаноровны, онъ унаслѣдовалъ тѣ обаятельныя качества, которыя такъ привлекали къ нему всѣхъ впослѣдствіи, всю любовь къ людямъ, умѣніе пробуждать въ каждомъ человѣкѣ лучшія стороны его души, стремленіе объединять всѣхъ во имя общественныхъ интересовъ. Происходя изъ глубоко-культурной дворянской семьи, мать не ограничивала свои заботы о дѣтяхъ только любовнымъ отношеніемъ къ нимъ, но старалась развить въ нихъ духовно-гражданскія чувства. Она всѣмъ своимъ существомъ проявляла горячій интересъ къ общественной жизни, дѣла личныя и житейскія у нея всегда отходили на второй планъ, и это рѣдкое качество—забывать себя во имя общаго блага, всю себя отдавать интересамъ общимъ—она сумѣла передать и дѣтямъ.

Отецъ его, Иванъ Андреевичъ Шингаревъ, обладалъ здоровымъ практическимъ умомъ, который такъ отличаетъ всѣхъ даровитыхъ людей, вышедшихъ изъ народной среды. Липецкій мѣщанинъ, приписавшійся потомъ къ купеческому сословію, онъ личнымъ трудомъ пробилъ себѣ дорогу въ жизни. Человѣкъ трезваго и сильнаго ума и уравновѣшеннаго характера, нетребовательный къ удобствамъ личной жизни, онъ глубоко цѣнилъ всѣ блага культуры, и, несмотря на свой скромный заработокъ отъ торговли, стремился дать дѣтямъ широкое образованіе и пробуждалъ въ нихъ интересъ къ знанію.

Эти цѣнныя качества обоихъ родителей гармонично соче-

тались у А. И., и ребенкомъ десяти лѣтъ, помѣщенный въ воронежское реальное училище, онъ выдѣлялся среди сверстниковъ проявленіемъ своихъ индивидуальныхъ качествъ. Въ товарищеской средѣ его звали адвокатомъ обиженныхъ и угнетенныхъ, такъ какъ онъ всегда въ училищѣ становился на защиту слабыхъ школьниковъ отъ нападенія сильныхъ, причемъ дѣйствовалъ не силой и расправой съ нападавшими, а пылко доказывалъ и убѣждалъ въ ихъ неправотѣ. Этимъ умѣньемъ убѣждать, уговорить и доказать правильность своей мысли онъ славился еще въ стѣнахъ реальнаго училища.

Глубокія духовныя силы, которыя были заложены въ талантливомъ ребенкѣ, получили надлежащее развитіе и благодаря родителямъ, и благодаря тому высоко-культурному уровню преподавательскаго персонала, который былъ тогда въ воронежскомъ реальномъ училищѣ.

Общественная жизнь Воронежа того времени, какъ и всюду въ провинціи, замыкалась въ опредѣленныхъ кружкахъ. Центромъ такого интеллигентско-народническаго кружка была Елизавета Васильевна Федяевская, жена извѣстнаго въ Воронежѣ врача К. В. Федяевскаго. Она группировала у себя прогрессивно-культурное общество, около котораго ютилась и молодежь. А. И. становится усерднымъ посѣтителемъ этого кружка, гдѣ встрѣчается съ семьей Аносова, управляющаго Государственнымъ банкомъ, съ семьей Вашкевичъ, управляющимъ Казенной Палатой и другими. Эти лица имѣли сильное вліяніе на духовное развитіе А. И. въ его молодые годы, и надолго со всѣми ими онъ сохранилъ дружескія отношенія.

Окончивъ воронежское реальное училище, А. И. рѣшилъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, чтобы поступить въ университетъ. Въ одинъ годъ въ Ельцѣ онъ успѣлъ подготовиться къ экзамену, на что тогда требовалось знаніе двухъ древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго, и, успѣшно его выдержавъ, поступилъ въ 1887 году въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ по естественному отдѣленію и сразу обратилъ на себя вниманіе своими способностями, пытливостью своего ума.

Онъ весь уходилъ въ науку, она охватила его всего; стремленіе войти въ существо предмета, разобраться въ немъ и отдать себѣ отчетъ въ воспринимаемомъ знаніи, представить

себѣ ясную картину того, что даетъ наука, умѣть популярно передать свои знанія другимъ составляло съ юношескихъ лѣтъ особенную черту способностей А. И. Онъ въ молодые годы въ особенности увлекался ботаникой, которую зналъ въ совершенствѣ, и лѣтнія каникулы проводилъ въ ботаническихъ экскурсіяхъ, составивъ себѣ богатѣйшій гербарій. Эта любовь къ природѣ никогда не покидала А. И. Онъ безошибочно могъ опредѣлить каждую травку, каждое растеніе, и на своихъ прогулкахъ, бывало, всегда любовно подходилъ къ каждому цвѣтку, къ каждому камешку, къ каждой раковинкѣ, и будь то въ Крыму или на Кавказѣ, онъ всю свою жизнь проявлялъ себя талантливымъ естествоиспытателемъ. Обладая колоссальной памятью, онъ о каждомъ растеніи или попавшемся случайно красивомъ камнѣ могъ прочесть блестящую лекцію и по ботаникѣ, и по геологіи, и по физикѣ. Усиленныя занятія въ химической лабораторіи, которыми онъ тоже увлекался, сдѣлали его не менѣе хорошимъ спеціалистомъ по химіи. Этотъ періодъ его молодыхъ студенческихъ лѣтъ я бы охарактеризовалъ, какъ ненасытную жажду знанія, которая охватила А. И. и заставляла его всѣми способностями его пытливаго ума стремиться къ чистой наукѣ, къ свѣту знанія. Проф. Горожанкинъ ему предлагалъ остаться при университетѣ по каѳедрѣ ботаники, но талантливаго юношу, блестяще окончившаго естественный факультетъ въ 1891 году, уже не могла удовлетворять одна чистая наука, его умственный и моральный горизонтъ все ширился и ширился, онъ не могъ оставаться въ роли безучастнаго наблюдателя надъ окружающимъ.

Отъ изученія природы его потянуло къ изученію человѣческихъ взаимоотношеній, къ исканію «правды жизни».

Еще съ дѣтства онъ обычно проводилъ лѣто на хуторѣ своего отца въ с. Грачевкѣ, Усманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, и тамъ-то начались его первыя знакомства съ деревней, условіями жизни и быта крестьянъ, которые съ самаго его въѣзда въ деревню начинаютъ приковывать его вниманіе. Юношей 20-ти лѣтъ онъ въ своихъ письмахъ къ моему брату К. Г. Хрущову такъ описываетъ свои впечатлѣнія. Письма эти такъ опредѣленно характеризуютъ его начинающееся складываться міровоззрѣніе, что я останавливаюсь на нихъ подробнѣе и привожу выборки изъ нихъ. Пусть А. И. говоритъ самъ за себя.

Грачевка, 1889 г., 6-го августа.

«...у насъ волею судебъ нѣтъ хлѣба... положеніе окружающихъ крестьянъ ужасное. У нихъ нѣтъ даже хлѣба на посѣвъ. Что же ѣсть зимой? Чѣмъ и откуда платить подати, коли нѣтъ заработка? Чѣмъ кормить скотину, когда трава выгорѣла?.. Вѣдь если теперь нѣтъ сѣмянъ, то почему пусты общественные магазины? Вѣдь если скоро будетъ страшный голодъ у насъ, то почему кругомъ винныхъ лавочекъ всегда толпа? Вѣдь если выборы крестьянъ свободны, то почему ихъ старшины и старосты душатъ и грабятъ ихъ, пользуясь ихъ невѣжествомъ?.. Не оттого ли пусты магазины, что нѣтъ малѣйшаго понятія объ общественности и общественныхъ интересахъ? Вѣдь оттого около кабака толпа, что нѣтъ разумной семьи, правильно понятыхъ обязанностей; въ старосты попадаютъ міроѣды, потому что голоса бѣдныхъ забиваются, потому что ведро водки стоитъ на первомъ планѣ... Въ семьѣ мужикъ и его сынъ, баба и ея дочь—это что-то разное... Ни въ мужѣ, ни въ женѣ нѣтъ правильнаго взгляда на общность интересовъ... И много, много неурядицъ и неустроицъ теперь у крестьянъ, всѣхъ и не перескажешь...

«Ты спросишь, для чего это я тебѣ пишу. А для того, чтобы сейчасъ кое-что по этому поводу сказать и попросить отвѣта.

«Можно ли послѣ этого итти не-крестьянамъ крестьянствовать, итти добывать свой хлѣбъ. Это можно дѣлать только тѣмъ, которые къ тому себя подготовили. Человѣкъ долженъ знать все, что только относится до быта крестьянъ, все, что ни писали на всѣхъ языкахъ про положеніе низшаго класса, все, чѣмъ и гдѣ нужно помочь крестьянину. Вѣдь не для себя же идти крестьянствовать. Вѣдь не столпничество же это (примѣръ страшнаго эгоизма людей вѣры): я уйду-де отъ несправедливой тунеядной жизни цивилизованныхъ людей и буду ѣсть свой хлѣбъ, мною добытый. Нѣтъ, ты учись, думай, работай, какъ помочь бѣдной спинѣ, какъ просвѣтить нагнутую голову крестьянина,—вотъ тогда ты желанный гость, вотъ тогда ты великій человѣкъ, вотъ тогда ты любишь крестьянина, тогда ты братъ его, тогда ты ѣшь свой хлѣбъ и кормишь имъ братьевъ своихъ.—А иначе на кой чортъ крестьянству твое гнилое прѣсное зарабатываніе для себя хлѣба. На кой

чортъ при такомъ ужасномъ положеніи крестьянъ еще ничего немыслящіе, ничего незнающіе члены...».

Грачевка, 1889 г., 23 августа.

«...Ты говоришь, очередь за наукой доказывать, что не для собственнаго удовольствія или самоудовлетворенія занимается она глубокомысленными вопросами и тратитъ столько силъ и средствъ, а для улучшенія быта всего человѣчества... Разъ человѣкъ, движимый любовью къ ближнему, хочетъ ему помочь—естественно онъ хочетъ помощь свою по мѣрѣ силъ своихъ сдѣлать настоящей, существенной, а если такъ, то чѣмъ больше силъ и знаній у такого человѣка, тѣмъ больше онъ и сдѣлаетъ... Что бы сдѣлалъ ты, если бы послѣ 8 класса остался въ деревнѣ и сталъ бы добывать свой хлѣбъ, пересталъ быть дармоѣдомъ, паразитомъ—и что сдѣлаешь ты, если будешь докторомъ и будешь жить въ деревнѣ. Сколькимъ спинамъ поможешь ты тѣмъ, что добыто наукой, сколько сиротъ не будутъ сиротами? Ты будешь давать столько человѣчеству, сколько дала тебѣ силъ мать-природа, насколько ты развилъ эти силы. Сколько семей спасешь ты, если разумной рѣчью и энергіей убѣдишь хотя одну деревню содержать запасной хлѣбъ въ исправности, сколько добра будетъ, если ты защитишь своимъ развитіемъ и знаніемъ крестьянскую темную голову. А что будетъ, если ты бросишь лучъ свѣта въ эту голову, озаришь кулачество, міроѣдство, дикій, недостойный человѣка самосудъ, массу темныхъ сторонъ, недостойныхъ любви къ человѣчеству... Связать дорогіе идеалы науки съ идеалами любви—въ этомъ прогрессъ и цѣль существованія человѣка [1].—Такъ съ Богомъ же! Вотъ цѣль жизни—освободить науку изъ недостойныхъ рукъ и силу ея раздѣлить по-братски всѣмъ братьямъ...».

Такъ писалъ юноша 20-ти лѣтъ, не желавшій проходить равнодушно мимо ни одного изъ явленій жизни. Все его привлекало и останавливало на себѣ вниманіе, его чуткость и отзывчивость къ людямъ трогали всѣхъ насъ, его товарищей по

[1] Наиболѣе характерныя мѣста писемъ, какъ здѣсь такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, отмѣчены мною разставленнымъ шрифтомъ.

Примѣч. автора.

университетской скамьѣ. Получая отъ отца 25 рублей въ мѣсяцъ, онъ такъ умѣлъ сокращать свои жизненныя потребности, такъ легко переносилъ всѣ лишенія, что еще умѣлъ отчислять отъ своего содержанія и на стипендію для учащихся и вообще отзываться на окружающую бѣдноту. И дѣлалъ это онъ радостно, легко забывалъ самого себя, былъ трогательно простъ. Его умъ работалъ постоянно въ направленіи помощи людямъ. Для него дѣйствительно всѣ люди были братья, и вотъ почему онъ не считалъ себя въ правѣ отгораживаться отъ нихъ, и какъ ни увлекала его наука, она не оторвала его отъ дѣйствительной жизни. И въ немъ все болѣе и болѣе крѣпло желаніе сочетать науку съ практической дѣятельностью. Вотъ почему, окончивъ естественный факультетъ и имѣя всѣ данныя сдѣлаться незауряднымъ ученымъ, онъ рѣшаетъ въ 1891 году поступить на медицинскій факультетъ. Вотъ что онъ пишетъ;

Воронежъ, 1891 года, 23 іюня.

«Ты, конечно, знаешь, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ постоянно меня занималъ вопросъ, какъ и что дѣлать съ моей собственной особой, и есть ли у меня какія обязательства по отношенію къ кому или чему-либо, которыя направляли бы мою дѣятельность въ опредѣленную сторону. Ты знаешь приблизительно, какъ я рѣшилъ это—я дѣлаюсь вольнопрактикующимъ сельскимъ врачомъ; моя цѣль—создать въ народѣ помощью рекомендаціи моего докторства интеллигентный кружокъ-артель, членами которой были бы и крестьяне. Эта артель дастъ средства существовать и артельной больницѣ, и артельной школѣ, и многому другому, что желательно у насъ въ селѣ, а главное дастъ возможность стать интеллигенту въ прочныя отношенія къ народу, не исключая и самого себя изъ его среды. Пайщикъ-докторъ, пайщикъ-учитель, пайщикъ-агрономъ— вотъ тѣ члены, которыхъ я помѣщаю въ свою горсть интеллигентовъ. Я не буду говорить объ учителяхъ; что бы они сдѣлали, это понятно. Но о врачѣ я прибавлю нѣсколько словъ. Врачъ ближе всего подходитъ къ человѣку, какъ къ человѣку. Врачу легче всего столковаться съ народомъ, который очень недовѣрчивъ ко всѣмъ новшествамъ, особенно къ чужимъ для него барамъ въ непривычной для него обстановкѣ. Значитъ, если нужны попытки сближать народъ и интеллигента, то легче все-

го это сдѣлаетъ врачъ. Врачъ является основнымъ камнемъ-фундаментомъ будущей артели. Присмотрѣвшись къ врачу, они скорѣе привыкнутъ и сойдутся съ людьми, которые придутъ за врачами,—учителя, агрономы, техники. Вотъ почему я хочу быть врачомъ и чего я вообще хочу. Теперь, когда я, такъ сказать, объяснился по поводу того, что я хочу дѣлать, я скажу, что я теперь предпринимаю. Во-первыхъ, учиться и учиться. Учиться, какъ создается артель и каковы ея законы и формы въ народѣ. Во-вторыхъ, пріучиться возможно точнѣе выражать и писать свои мысли, чтобы имѣть возможность сказать большему количеству людей то, что считаешь за истину».

Какъ видите, своеобразная идея коопераціи уже тогда зародилась въ головѣ отзывчиваго юноши, а въ то время слово это еще не было въ обиходѣ. А вотъ другое письмо 1891 года, оно написано студентомъ-Шингаревымъ 27 лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ такъ близко касается переживаемаго нами сейчасъ:

Воронежъ, 1891 г. 1-го іюля.

«Читать я продолжаю такъ же много, то-есть почти цѣлый день. Читаю иностранную беллетристику 30—50 г.г. Гюго, Бальзакъ, Шпильгагенъ, Ауербахъ, начну скоро Жоржъ Зандъ. Со всѣмъ этимъ я былъ мало знакомъ, а между тѣмъ эти книги—отраженіе соціальныхъ идей тѣхъ лѣтъ, идей возникновенія борьбы съ капиталомъ рабочаго, идей устройства ассоціацій. Особенно сильно меня занялъ Шпильгагенъ своимъ «Одинъ въ полѣ не воинъ».... Возможно ли стремиться навязать громадной массѣ свои планы. Не дерзко ли по своей модели вылѣплять колосса... До тѣхъ поръ, пока масса не доросла до идеи, никакой талантъ не въ силахъ ее поднять до нея. Масса дѣлаетъ то, до чего она сама доросла... Пусть будетъ какая угодно пропаганда, если масса доросла до идеи—будетъ великая реформація, въ противномъ случаѣ— идея заглохнетъ на время и будетъ какъ-бы дремать, ожидая роста человѣческаго. Не широкая пропаганда ее убьетъ, она сама заснетъ въ окружающей массѣ, ея не понимающей...

«Прибавлю выраженіе, которое я очень люблю въ Еванге-

ліи: «Оставьте, если это дѣло человѣческое, оно разрушится и безъ васъ, а если Божеское, то вы не остановите его!»—это именно я и думаю...».

Годы студенчества проходятъ у А. И., помимо общей подготовки къ врачебной практической дѣятельности, въ попыткѣ пропагандировать среди студенчества созрѣвшую у него идею—идти работать въ народъ. Онъ пытается создать среди студенчества кружокъ лицъ, сочувствующихъ этой идеѣ, и какъ выборный курсовой староста, и какъ дѣятельный членъ землячества, единственной студенческой организаціи, допускаемой въ то время администраціей, онъ зоветъ всю молодежь примкнуть къ этому народническому движенію:

Воронежъ, 1891 годъ, 20 декабря.

«Сегодня мнѣ хочется поговорить о нашей группѣ въ кассѣ—группѣ, громко названной народниками. Что и въ какомъ направленіи мы будемъ дѣлать сами для себя и что мы намѣрены давать нашимъ товарищамъ? Пока мы только въ томъ и сходимся, что работать надо въ народѣ и для народа. Но какъ работать, какова цѣль и направленіе работы? Къ разработкѣ этого и будутъ направлены наши занятія. Понятно, что тутъ наша земляческая группа можетъ явиться искусственной единицей, и хорошо было бы вообще составить кружокъ съ этой цѣлью. Думается, что хорошо бы какъ-нибудь разъяснить тотъ путь, по которому мы сами пришли къ рѣшенію работать въ народѣ; хорошо бы показать, почему мы считаемъ это основнымъ вопросомъ данной исторической минуты, почему думаемъ, что сюда должны быть направлены силы интеллигента».

Сколько чуткихъ молодыхъ жизней погибало тогда, не находя правильнаго разрѣшенія мучительнаго вопроса о цѣли жизни. Къ числу такихъ жертвъ, погибшихъ подъ бременемъ неразрѣшимыхъ сомнѣній, принадлежалъ и братъ А. И.—Михаилъ Ивановичъ Шингаревъ, студентъ Горнаго института, не смогшій разобраться въ мучившихъ его вопросахъ жизни и кончившій жизнь самоубійствомъ. Онъ умеръ на рукахъ у А. И., отравившись ціанистымъ кали.

Вотъ что пишетъ А. И., переживая это горе:

«Сегодня 40 дней какъ умеръ Миша, и я все еще съ трудомъ разбираюсь въ путаницѣ обрывковъ мыслей въ моей го-

ловѣ. Теперь мнѣ тяжело, очень тяжело, но личное горе такъ перепутывается съ окружающимъ, такъ отождествляется съ нимъ, а окружающее такъ требуетъ помощи и утѣшенія, что стыдно сидѣть сложа руки и ныть. Работы... такъ и стоитъ въ головѣ. И теперь я сильнѣе, чѣмъ когда-либо, хочу ѣхать и учиться, чтобы хоть милліонную каплю этого горя окрестъ постараться уничтожить». (Воронежъ, 1891 г., 24 августа).

Въ 1892 году онъ на каникулахъ работаетъ на холерѣ въ Усманскомъ уѣздѣ и пишетъ:

«Въ головѣ такое, что, право, нельзя писать. Съ утра до вечера занятъ, утромъ пріемъ съ 8 до 1 часа, потомъ объѣздъ села, потомъ въ другія села моего участка, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ насъ холера, и я каждый день торчу тамъ, лѣчу, хороню, мою и т. д. Тутъ же моя земская аптечка...» (Грачевка, 1892 г., 2 августа).

«У меня масса новыхъ впечатлѣній и знакомыхъ. Ближе я теперь къ нутру народной жизни, смѣлѣе мои планы...». (Грачевка, 1892 г.).

«Я хочу въ качествѣ врача быть культурнымъ центромъ для деревни, хочу дать возможность устроиться многимъ лицамъ также, чтобы работать не одному, чтобы отчасти питать городомъ воспитанныя потребности въ культурномъ обществѣ и тѣмъ самымъ быть болѣе способнымъ къ упорной и долгой работѣ въ деревнѣ...». (Грачевка, 1893 г., 17 августа).

«Я согласенъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ возникновеніе, осложненіе или плохое теченіе болѣзни народа зависитъ отъ его экономическаго благосостоянія, что земство очень мало и неумѣло пыталось измѣнить это экономическое состояніе,—съ этимъ я согласенъ. Но винить земство я не могу и думаю, что это ошибка. Развѣ можно что-либо сдѣлать въ земствѣ, когда ему не давали даже поговорить какъ слѣдуетъ, а его лучшіе проекты возвращались съ выговоромъ... Да могло ли что-либо сдѣлать земство, въ которое не пустили «умственнаго пролетаріата», а потребовали лишь ценза имущественнаго. Какъ видишь, у меня другой виновникъ всего нашего жалкаго строя. Ты скажешь, что же дѣлать? Не выступать же прямо противъ правящаго меньшинства, какъ предлагаютъ это оппозиціонисты. Конечно, нѣтъ. Для меня все рѣшеніе вопроса заключается въ пробужденіи самосознанія

массъ. Это единственное, на что я могу надѣяться, а слѣдовательно, единственная работа въ ускореніи этого пробужденія, въ помощи этому самосознанію. Нельзя винить искалѣченное, вѣчно покорное земство, это все равно, что винить хромого, слѣпого и глухого въ томъ, что онъ сбился съ дороги и нескоро идетъ. Виновато то, что сдѣлало его хромымъ, слѣпымъ и глухимъ, что лишило его чуткости, зрѣнія, слуха и силы, собственныхъ здоровыхъ и честныхъ ногъ. Задача обязательной интеллигентной работы, по-моему, теперь состоитъ въ томъ, чтобы всѣ свои силы и душу положить въ пробужденіе самосознанія народа. Какъ это сдѣлать? Не думаю, чтобы въ Римъ вела одна дорога. Я съ каждымъ шагомъ убѣждаюсь, что можно пріобрѣсти и довѣріе народа и вліяніе на него, будучи сельскимъ врачомъ. Всѣ остальныя занятія тоже удобны, и тутъ, по-моему, и лежитъ задача нашей интеллигенціи: она должна образовать кружки-артели докторовъ, учителей, агрономовъ, юристовъ, чтобы со всѣхъ сторонъ врываться въ народную жизнь, изучать ее, помогать ея неурядицамъ, а главное, будить самосознаніе. Все иное мнѣ кажется тяжелой и безцѣльной работой. Давно еще не поступая на медицинскій факультетъ, я говорилъ тебѣ о томъ, что я не лѣчить собираюсь; это лишь средство легче сойтись съ народомъ. Теперь я думаю то же и не желаю прикладывать благодѣтельнаго пластыря голодному и безграмотному народу». (Воронежъ, 1894 г., 3 іюня).

Въ 1894 году онъ кончаетъ курсъ медицинскаго факультета и вотъ какъ описываетъ свою квартиру:

«Тутъ я устроился славно (пока не знаю только, гдѣ обѣдать). Комната небольшая, но высокая, свѣтлая, окно выходитъ на заднiй дворъ, заросшій молодыми тополями, скрывающими, правда, помойную яму; квартира «англичанина» теплая и удобная. Хозяйка—милая старушка-чиновница съ тремя сыновьями и дочерью; взрослые всѣ. Прислуги нѣтъ, почему ходить за хлѣбомъ, чистить сапоги надо самому; самоваръ подаетъ хозяйка, очень заинтересованная тѣмъ, что въ Воронежской губ. растутъ арбузы, про которые она говоритъ съ особенной нѣжностью въ голосѣ. Плата—семь рублей въ мѣсяцъ...». (Москва, 14-ое августа 1894 г. Б. Вражскій пер., д. Ермолаева, кв. № 7).

Прежде чѣмъ осуществить свою идею вольнопрактикующаго врача въ деревнѣ, А. И., по окончанiи курса и лѣтней работы въ земствѣ, ѣдетъ въ Петербургъ на повторительные курсы для врачей по хирургiи и глазнымъ болѣзнямъ. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ въ качествѣ запаснаго земскаго врача въ Землянскомъ уѣздѣ, Воронежской губернiи.

Въ 1895 году онъ женится на дѣвушкѣ-курсисткѣ, которую зналъ давно и которой помогалъ еще со временъ студенчества. Его жена—урожденная Евфросинiя Максимовна Кулажко—была человѣкомъ, вполнѣ раздѣлявшимъ всѣ взгляды Андрея Ивановича, на протяженiи всей своей жизни она была вѣрнымъ спутникомъ и другомъ А. И. Оставаясь всегда въ тѣни, безропотно неся всѣ неудобства жизни, на которыя ее обрекали ихъ общiе планы идти въ народъ, она имѣла громадное влiянiе на А. И. Глубокiй семьянинъ по природѣ, страстно любившiй дѣтей и своихъ и чужихъ, онъ нашелъ въ Евфросинiи Максимовнѣ дѣйствительно любящаго товарища-жену, которая никогда не только не мѣшала его общественнымъ стремленiямъ, но всячески поддерживала ихъ, сама глубоко интересуясь ими. Она создавала въ семьѣ тотъ разумный семейный уютъ, въ которомъ отдыхалъ А. И. въ немногiе часы, свободные отъ общественной работы.

Онъ пишетъ:

«Отъ Васъ я жду выбора для меня мѣста въ уѣздѣ, ибо съ женитьбой ничто не измѣнится, но становится еще болѣе прочнымъ. Фроня хочетъ быть учительницей въ земской школѣ. У меня такъ много хорошихъ плановъ о нашей работѣ и такъ много надеждъ на нее, что я не хочу говорить объ этомъ кратко...». (С.-Петербургъ, 1895 г. 11 марта).

II.

Съ такимъ міровоззрѣніемъ онъ вошелъ въ жизнь. Никакія жизненныя блага его не прельщали. Онъ пошелъ въ народъ, въ его темную среду, полный силъ, энергіи и знанія, готовый всего себя отдать на благо этого народа, и началъ подвижническую жизнь въ глухой деревнѣ, извѣстную немногимъ, его близко знавшимъ; большое общество не знаетъ этой стороны его жизни, гдѣ проходили его лучшіе молодые годы. Только крестьяне, бабы да ребятишки, которыхъ лѣчилъ онъ, да призрѣвалъ въ своихъ ясляхъ-пріютахъ, помнятъ врача-безсребреника, отдававшаго имъ всѣ свои силы, и уже послѣдніе годы при выступленіи его въ Думахъ при чтеніи газетъ эти крестьяне съ гордостью говорили: «Мы его знаемъ. Это нашъ Андрей Ивановичъ».

Мѣстомъ работы онъ избираетъ Землянскій уѣздъ, Воронежской губерніи, село Малую Верейку. Для начала онъ поручаетъ мнѣ купить ему хату въ нашей деревнѣ; хата-изба была куплена ему за 60 рублей. По деньгамъ можно судить о ея размѣрахъ и условіяхъ жизни въ ней. Онъ въѣзжаетъ туда вмѣстѣ съ женой и открываетъ тамъ пріемъ больныхъ съ платой по 5 к. съ каждаго на свое прожитіе, а бѣдныхъ и совсѣмъ безплатно. Лѣкарство даетъ мѣстное земство, вся остальная работа лежитъ на А. И.: онъ развѣшиваетъ лѣкарства, дѣлаетъ порошки, принимаетъ больныхъ, днемъ и ночью ѣздитъ къ тяжело-больнымъ, роженицамъ, въ крестьянской телѣгѣ. Слава объ искусномъ докторѣ-безсребреникѣ быстро распространяется по окружнымъ деревнямъ, и народъ валомъ валитъ, и А. И. нѣтъ ни днемъ, ни ночью покоя. Мои совѣты занять мѣсто земскаго участковаго врача не дѣйствуютъ: А. И. тогда считалъ, что, какъ земскій врачъ, онъ стоялъ бы дальше отъ крестьянъ,

чѣмъ живя среди нихъ общей съ ними жизнью, и рѣшился, наоборотъ, переѣхать въ еще болѣе глухое мѣсто, Б. Верейку. Тамъ онъ открываетъ все тотъ же пріемъ больныхъ въ такой же обстановкѣ, но въ помощь себѣ для отпуска лѣкарствъ онъ уже рѣшается взять земскаго фельдшера. Жизнь его идетъ все въ той же убогой обстановкѣ, помощи онъ ни отъ кого принципіально не хочетъ брать, и жена его раздѣляетъ съ нимъ всѣ матеріальныя невзгоды жизни. А. И., увлеченный все возрастающимъ своимъ авторитетомъ среди крестьянства, не замѣчаетъ этихъ невзгодъ и не тяготится ими. Помню, я пріѣхалъ къ нему: жду конца пріема; за перегородкой фельдшеръ отпускаетъ лѣкарства, записываетъ больныхъ. Слышу голосъ старушки-больной, обращающейся къ фельдшеру:

— Сколько же тебѣ, батюшка, за хлопоты?

— Мнѣ цѣлковый, да и доктору за труды не забудь пятачокъ отдать.

Не много такихъ добровольныхъ пятачковъ собиралъ будущій «министръ-капиталистъ», но ими ограничивалъ свои жизненныя потребности, а фельдшеръ не забывалъ себя и былъ доволенъ скромностью доктора.

Въ такихъ условіяхъ у него родится сынъ. Работа увеличивается и становится не подъ силу. Крестьяне на сходѣ дѣлаютъ постановленіе, въ виду огромной пользы, которую оказываетъ населенію А. И., предоставить въ его распоряженіе 600 рублей въ годъ для найма помѣщенія для больныхъ и амбулаторіи. Такимъ образомъ, медицинская дѣятельность А. И. все расширялась и черезъ три года поневолѣ слилась съ дѣятельностью участковаго земскаго врача, и на мѣстѣ его работы создался имъ основанный земскій медицинскій пунктъ. Память о безкорыстномъ врачѣ, всего себя отдававшемъ интересамъ крестьянства, до сихъ поръ живетъ въ мѣстномъ населеніи.

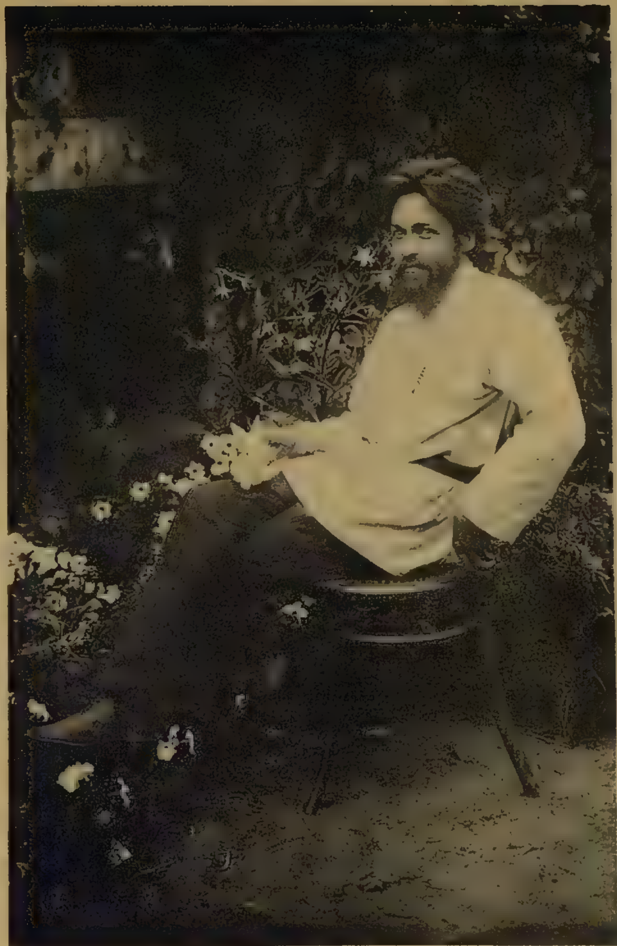
Онъ весь горѣлъ о благѣ этого народа. Урѣзывая въ личныхъ потребностяхъ и самого себя и свою семью, отказывая себѣ во всемъ, онъ все, что только могъ, отдавалъ той бѣднотѣ, среди которой жилъ одной общей жизнью, и, конечно, не одною врачебной дѣятельностью онъ привлекалъ населеніе, а покорялъ всѣхъ своими обаятельными душевными качествами, искренней простотою, любовнымъ отношеніемъ къ другимъ, самозабвеніемъ для общаго блага. Личныхъ интересовъ у него никогда

не было, и та убогая обстановка, въ которой приходилось жить его семьѣ, несмотря на всю его любовь къ женѣ и дѣтямъ, показываетъ, что даже интересы семьи, въ смыслѣ ея элементарнаго комфорта, онъ приносилъ въ жертву той общей идеѣ, которая воодушевляла его и заставляла забывать неудобства жизни и неуклонно идти по разъ намѣченному пути.

Тяжелыя условія работы, суровая обстановка сказались уже на первыхъ шагахъ его работы. Во время одного изъ его людныхъ амбулаторныхъ пріемовъ ему принесли дифтеритнаго ребенка, съ которымъ онъ долго и, какъ всегда съ дѣтьми, любовно возился и вскорѣ самъ заболѣлъ тяжелой формой дифтерита, угрожавшей его жизни. Много тревожныхъ дней и ночей провела у его изголовья его жена, Евфросинія Максимовна, пока онъ поправился. Къ счастью намъ удалось перевести его ко мнѣ въ имѣніе и тамъ создать необходимый уходъ въ тяжелой мучительной болѣзни, отъ которой онъ едва не погибъ.

Весь захваченный идеей, съ неутомимой энергіей неся неимовѣрный трудъ, всегда привѣтливый и жизнерадостный, онъ бодро шелъ впередъ съ вѣрой въ свои силы, съ вѣрой въ русскій народъ. Юношей онъ искалъ «правды жизни» и нашелъ ее въ своемъ служеніи народу.

Помѣщаемый здѣсь портретъ Андрея Ивановича относится къ этому періоду его работы, такимъ онъ былъ снятъ въ 1896 году въ Землянскѣ, Воронежской губ. въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Земскую Управу.

А Шингарев

III.

Три года, проведенные Андреемъ Ивановичемъ на вольной практикѣ въ деревнѣ въ описанныхъ условіяхъ, убѣдили его, что работа его идетъ параллельно съ дѣятельностью земства и что создаются такія условія работы, при которыхъ безъ помощи земства онъ обойтись не можетъ, да и странно было бы ее отвергать, и онъ почувствовалъ, что всѣ его культурныя начинанія для пробужденія самосознанія массъ могутъ быть проведены планомѣрно не отдѣльнымъ кружкомъ лицъ, а только черезъ земство, какъ бы несовершенно оно ни было.

Влiять на работу земства въ желаемомъ для него направленіи, подбирать кружокъ лицъ—единомышленниковъ какъ въ рядахъ такъ называемаго третьяго элемента земства, такъ и среди гласныхъ, естественно, становится задачей послѣдующей дѣятельности А. И. Войдя въ самую толщу народной жизни, окунувшись въ эту тьму невѣжества, безправія и произвола, А. И. понялъ, что слѣдующая стадія его работы должна протекать въ земствѣ, и съ 15 февраля 1899 года онъ становится межуѣзднымъ земскимъ врачомъ Воронежскаго губернскаго земства, Гнѣздиловскаго участка, расположеннаго на берегу Дона, на границѣ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ: Воронежскаго, Землянскаго и Задонскаго.

При его участіи быстро создаются и развиваются въ этихъ уѣздахъ новыя организаціи—санитарные совѣты, игравшіе весьма значительную роль въ дѣлѣ постановки земской медицинской помощи населенію и почти всегда направлявшіе всю работу земства въ этой области. А. И. становится душой этихъ организацій, привлекая въ нихъ все сознательное, живое, и добивается участія въ нихъ представителей и фельдшерскаго персонала. Онъ принимается за детальное обслѣдованіе усло-

вій возможности приближенія медицинской помощи къ населенію, разрабатываетъ новые планы сѣти медицинскихъ участковъ, настаиваетъ на отмѣнѣ платы за лѣченіе, взимаемой съ крестьянскаго населенія нѣкоторыми земствами, вноситъ тотъ живой духъ сознательной творческой работы, которой онъ всегда такъ отличался, и на основѣ точныхъ данныхъ собственныхъ изслѣдованій, подбора фактическаго матеріала и жизненнаго опыта работы въ деревнѣ, онъ черезъ санитарные совѣты предлагаетъ земству цѣлый проектъ планомѣрнаго развитія медицинской организаціи, такъ блестяще защищаемый имъ и сочувствующими ему и объединенными имъ же товарищами—земскими врачами, что и цензовое земство того времени подъ напоромъ его блестящихъ доводовъ, подкрѣпленныхъ цѣлымъ рядомъ цифръ, въ большинствѣ случаевъ становилось на его точку зрѣнія и медленно, но неуклонно шло впередъ по осуществленію его плановъ.

Уже тогда онъ поразительно ясно и просто умѣлъ аргументировать свои положенія и убѣждать своихъ слушателей, которые невольно поддавались логикѣ его доводовъ, его пылкому темпераменту и искреннему воодушевленію, которымъ онъ заражалъ всѣхъ. Мало-по-малу онъ становится вдохновителемъ всѣхъ прогрессивныхъ теченій въ земствѣ. Онъ весь уходилъ въ работу земства и отъ чисто медицинскихъ изслѣдованій его невольно потянуло къ изслѣдованію санитарныхъ условій жизни въ деревнѣ, а отъ нихъ—къ изученію крестьянскаго бюджета и бюджета земства.

Почти съ самаго начала своей общественной работы по цензу своего отца онъ съ 1895 года былъ избранъ гласнымъ Усманскаго уѣзднаго земскаго собранія и состоялъ имъ до послѣдняго времени. Даже его противники по убѣжденіямъ всегда отдавали должное его неутомимой добросовѣстной работѣ, его знанію земскаго хозяйства. Съ того же 1895 года вплоть до 1901 года онъ избирается губернскимъ гласнымъ Тамбовскаго земскаго собранія и тамъ старается проводить вмѣстѣ со своими единомышленниками всѣ прогрессивныя земскія начинанія.

Всегда мягкій и незлобивый и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкій и убѣжденный народникъ,—онъ сталкивается въ Тамбовской губерніи съ группой не менѣе убѣжденныхъ консерваторовъ, съ кн. Челокаевымъ во главѣ. Всѣ они признавали большія за-

слуги А. И. и очень внимательно относились къ его выступленіямъ въ земскомъ собраніи. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ ревизіонной и смѣтной комиссій, внимательно изучая всѣ земскіе смѣты и отчеты. Взявъ любую книжку журналовъ земскаго собранія тѣхъ лѣтъ, почти на каждомъ шагу можно встрѣтить или доклады А. И. или отдѣльныя его предложенія. Онъ работаетъ не только въ самомъ земскомъ собраніи, но главнымъ образомъ во всѣхъ его многочисленныхъ комиссіяхъ, комитетахъ и совѣтахъ, этихъ главныхъ сосредоточіяхъ тогдашней земской и общественной жизни. Вмѣстѣ съ Ю. А. Новосильцевымъ, М. П. Колобовымъ, В. В. Измайловымъ, Л. Д. Брюхатовымъ, Б. М. Петрово-Соловововымъ и другими онъ организуетъ въ Тамбовскомъ земствѣ такъ называемую группу земцевъ-конституціоналистовъ, игравшую весьма видную роль.

И въ Воронежской губерніи онъ группируетъ около себя прогрессивныхъ земцевъ, какъ среди гласныхъ, общественныхъ дѣятелей, такъ и среди врачей и всего такъ называемаго третьяго элемента. И когда наступилъ періодъ работы извѣстныхъ совѣщаній о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, возникшихъ по мысли гр. Витте въ 1902 году, А. И. выдвинулся въ Воронежскомъ комитетѣ своимъ докладомъ вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями: Бунаковымъ, Мартыновымъ, Щербиной, Перелешинымъ и Алисовымъ. Извѣстный земскій съѣздъ 1902 года предопредѣлилъ направленіе работы общественныхъ дѣятелей въ этихъ сельскохозяйственныхъ комитетахъ, къ которымъ земство, какъ цѣлое, какъ извѣстно, не было привлечено. Этими совѣщаніями открывается и выявляется громадный ростъ общественнаго самосознанія, таившагося до тѣхъ поръ и разрозненнаго въ земской и городской прогрессивной средѣ. Какъ и въ другихъ частяхъ Россіи, въ Воронежской губерніи, прозвучали отголоски идей этого съѣзда, и ихъ воплотителемъ и вдохновителемъ былъ Андрей Ивановичъ, выступившій въ Воронежскомъ уѣздномъ комитетѣ съ докладомъ, раскрывающимъ финансовое положеніе края, съ подсчетомъ, что казна взимаетъ съ населенія и что она даетъ ему взамѣнъ того, и съ признаніемъ вытекающей отсюда необходимости привлечь представителей населенія къ обсужденію ихъ сельскохозяйственныхъ и финансовыхъ нуждъ. Но для этого необходимо прежде всего измѣнить общія условія, стѣсняю-

щія общественную жизнь, устранить недостатки современной финансовой и экономической политики государства, въ силу которой насущная потребность мѣстнаго населенія не получаетъ справедливаго удовлетворенія по недостатку на мѣстахъ необходимыхъ для того средствъ.

По-моему, именно съ этой поры предопредѣлился уже вполнѣ естественный поворотъ въ работѣ Андрея Ивановича отъ общественнаго врача къ общественному дѣятелю, отъ санитарнаго изслѣдователя деревни къ изслѣдователю по бюджетному и финансовому вопросамъ.

Результаты выступленія земцевъ въ Воронежскомъ уѣздномъ сельскохозяйственномъ комитетѣ, направленію дѣятельности котораго не противодѣйствовалъ даже губернаторъ Слѣпцовъ, не замедлили сказаться. Въ Воронежъ пріѣхалъ по порученію Плеве товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьевъ и приступилъ къ подавленію «крамолы». Вотъ какъ описываетъ А. И. это событіе.

«...Ты, конечно, знаешь нашу Воронежскую исторію. Возмутительна она до послѣдней степени и ничего подобнаго даже и вообразить было нельзя. Занятіе сельскохозяйственными комитетами кончается официальной провокаціей, и люди, у которыхъ спрашивали откровеннаго мнѣнія Высочайше утвержденной комиссіи, терпятъ наказаніе за свое мнѣніе.—Ты, конечно, слышалъ, что Слѣпцовъ въ отставкѣ [«намъ такого губернатора не надо», кричатъ расходившійся министръ [1]) и его помощникъ [2])]. Алисова [3]) обвиняютъ въ государственномъ преступленіи и предлагаютъ выходить въ отставку. Онъ держитъ себя очень порядочно и пока очень независимо. Жаль только, что не всѣ предводители его поддерживаютъ. Только одинъ Прутченко возражалъ, когда Зиновьевъ выговаривалъ вину всѣмъ собраннымъ вмѣстѣ предводителямъ. Въ невинномъ докладѣ Мартынова увидали покушеніе на самодержавіе и услали бѣднаго чудака въ Архангельскъ, Бунакова за дерзновенныя рѣчи вызвали въ Питеръ для объясненій. «Но этимъ дѣло не кончится», грозитъ Зиновьевъ остальнымъ авторамъ «государ-

---

[1]) В. К. Плеве.

[2]) Зиновьевъ.

[3]) Воронежскій уѣздный Предводитель дворянства.

ственнаго преступленія». Мы были всѣ вызваны къ нему и выслушали, что нашъ докладъ не понравился министру (какъ будто мы могли говорить только то, что понравится Его Высокопревосходительству), что это не серьезная работа, а «хлесткій фельетонъ», въ родѣ подпольнаго фельетона, попавшаго даже въ газеты и возмутившаго всѣхъ вѣрноподданныхъ. Затѣмъ на другой день нѣкоторые, повидимому болѣе серьезные, «преступники» были вызваны къ нему поодиночкѣ въ номеръ. Здѣсь фигурировали: Вашкевичъ, Щербина, Колюбакинъ, Шуриновъ, Тезяковъ, Перелешинъ, Александровъ, А. И. Звегинцевъ, Переверзевъ—податной инспекторъ, какой-то полковникъ Яковлевъ—меня и еще нѣкоторыхъ другихъ не позвали, какъ «шушеру». г. Зиновьевъ внушалъ, грозилъ, издѣвался, высмѣивалъ, не давалъ говорить и т. д. Перелешину заявилъ, что Мартыновъ анархистъ, и что такой докладъ могъ писать только преступникъ или сумасшедшій. На слѣдующій день новый разносъ Щербинѣ, угроза, что его поведеніе отразится на его сибирской экспедиціи, затѣмъ издѣвательства надъ земскими начальниками Воронежскаго уѣзда: «Я понимаю теперь, почему въ уѣздѣ отсутствуетъ правопорядокъ и чувство законности», восклицаетъ онъ, узнавъ, что ихъ ни разу не ревизовали. «Хороши были губернаторы». Потомъ пошелъ разносъ порядковъ губернской больницы, а потомъ я уже ѣхалъ сюда и не знаю, что еще тамъ продолжаетъ твориться. Вѣроятно, всѣхъ насъ постигнетъ «заслуженная кара» и, какъ имъ не разъ указано, будетъ предпринята основательная чистка всей губерніи и земства. Вотъ все происшедшее, похожее на дикій кошмаръ, который едва ли мыслимъ даже во снѣ. Надруганіе надъ общественной мыслью, которую сами же вызвали, издѣвательство надъ личностями, не стѣсняясь ни ихъ положеніемъ, ни возрастомъ, угрозы и кары, уже осуществившіяся, дальнѣйшія обѣщанія, и все это беззастѣнчиво, безбоязненно, съ поразительной самоувѣренностью и нахальствомъ. Ты поймешь, въ какомъ озлобленномъ настроеніи не только мы, призванные къ порядку, но въ гораздо большей степени всѣ мало-мальски порядочные люди въ Воронежѣ. И зачѣмъ понадобилась гг. бюрократамъ такая исторія, въ которой, конечно, не они будутъ пользоваться популярностью? И если бы безъ этого воронежскій докладъ скоро потонулъ бы въ ряду другихъ, прошелъ бы почти незамѣтно, то благодаря имъ онъ теперь дѣйстви-

тельно заинтересуетъ всю Россію, и то, въ чемъ они обвиняютъ насъ, будетъ дѣлаемо ихъ собственными руками. Истинное вырожденіе самодержавной бюрократіи, не вѣдающей, что творятъ». (Воронежъ, 5 ноября 1902 г.).

Какими пророческими были слова русскихъ конституціоналистовъ, къ которымъ принадлежалъ и А. И., примкнувшій къ союзу Освобожденія, когда они писали еще въ первомъ же номерѣ извѣстной газеты «Освобожденіе» въ 1902 году:

« ...общественная жизнь усложнилась настолько, что уже не можетъ умѣститься въ рамкахъ болѣе примитивнаго общественнаго строя. Когда такое время наступаетъ, когда новый годъ исторіи стучится въ дверь, безполезно ставить на пути его препятствія и задержки. Онъ все равно придетъ: осторожно и разумно поступитъ тотъ, кто посторонится и дастъ ему дорогу. Въ исторіи древняго Рима сохранилась одна поэтическая легенда: Сивилла изъ Кумъ пришла къ царю Тарквинію продавать ему книги судебъ. Царю назначенная Сивиллой цѣна показалась дорогой. Тогда Сивилла бросила въ огонь часть книгъ, а за остальныя потребовала ту же цѣну. Царь все еще колебался: Сивилла сожгла еще часть книгъ. Посовѣтовавшись съ авгурами, царь, наконецъ, купилъ по прежней цѣнѣ то, что осталось. Римская легенда даетъ полезный урокъ царямъ и авгурамъ. Съ исторической необходимостью торговаться опасно. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше она уступаетъ. И кто не хочетъ читать таинственную книгу судебъ въ ея естественномъ порядкѣ, тотъ дорого заплатитъ за послѣднія страницы, на которыхъ написана развязка».

Вопросы крестьянскаго быта попрежнему составляютъ главную задачу обслѣдованія А. И. Онъ всесторонне изучаетъ имѣющіеся матеріалы и горячо отстаиваетъ крестьянскую общину.

Еще будучи земскимъ врачомъ Гнѣздиловскаго участка, А. И. приступаетъ къ обширному санитарному изслѣдованію условій жизни находящихся въ его участкѣ бѣднѣйшихъ селеній, получившихъ такъ называемый «нищенскій» надѣлъ, и въ 1901 году появляется его извѣстный трудъ «Вымирающая деревня» (село Животинное и Маховатка, Воронежскаго уѣзда), напечатанный въ «Саратовской Земской Недѣлѣ».

Это глубоко продуманное интересное обслѣдованіе двухъ типичныхъ селеній имѣло большой успѣхъ. А. И. пришлось выпустить свой трудъ вторымъ изданіемъ въ 1907 году. Въ предисловіи къ нему онъ между прочимъ говоритъ:

«Тяжелая картина рѣзкаго санитарнаго неблагополучія, соединеннаго съ поразительной экономической несостоятельностью населенія, дала мнѣ основаніе примѣнить къ этимъ селеніямъ опредѣленіе «вымирающихъ деревень».

«Онѣ не являлись чѣмъ-либо особенно исключительнымъ... Картина физической и матеріальной немощи населенія, почти безграмотнаго, забитаго и лишеннаго стойкой самодѣятельности, была тѣмъ болѣе тяжка, что она являлась какъ бы характеристикой общаго положенія сельскаго населенія обширнаго района Россіи...

«Мнѣ хотѣлось вновь воскресить въ памяти общества картины деревенской нужды, хотѣлось вновь напомнить, какъ живется этому великому русскому страстотерпцу, этому сѣрому безграмотному и безотвѣтному люду, сотни тысячъ сыновъ котораго гибли тогда въ далекой странѣ на чуждыхъ, залитыхъ кровью поляхъ Манчжуріи.

«Мнѣ хотѣлось хотя бы чисто фактическимъ матеріаломъ, голосомъ сухихъ и мертвыхъ цифръ напомнить о живыхъ и страдающихъ людяхъ, очертить, въ какія невыносимыя условія существованія поставлены эти люди у себя дома, въ своей убогой хатѣ, съ своей удручающей темнотой, показать, какъ гнетуща эта мертвящая дѣйствительность ихъ родного села».

Этотъ трудъ положилъ начало ряду его дальнѣйшихъ санитарно-статистическихъ работъ, обратившихъ на себя вниманіе спеціалистовъ, и когда санитарный врачъ Н. И. Тезяковъ, оставилъ службу въ Воронежскомъ земствѣ и перешелъ въ Саратовское земство, общій голосъ всѣхъ земскихъ работниковъ и врачей настойчиво указывалъ губернской управѣ остановить свой выборъ на А. И., и съ 1903 года онъ получаетъ назначеніе губернскаго санитарнаго врача и переѣзжаетъ изъ деревни на работу въ Воронежъ. Оставляетъ онъ свою деревенскую дѣятельность не безъ боли въ сердцѣ и вотъ что пишетъ:

«Я дѣйствительно получилъ отъ Урсула предложеніе занять мѣсто Тезякова, и какъ только его утвердятъ въ Саратовѣ, я могу перебраться въ Воронежъ. П. Я. Ростовцевъ говоритъ, что

лично меня утверждать уже не нужно, ибо это лишь переводъ по службѣ, а не новая служба. Такъ это или нѣтъ, покажетъ будущее, я рѣшилъ взять мѣсто... Кромѣ того, только теперь я понимаю, какъ мнѣ тяжело разставаться съ Гнѣздиловкой и съ деревней вообще. Какъ нимало касался ея я послѣднее время, но все же мнѣ казалось, что я не очень уклоняюсь отъ первоначальныхъ, можетъ быть и «безсмысленныхъ мечтаній». Реальная дѣйствительность притянула меня къ городу, но къ нему не лежитъ сердце, мнѣ жаль деревни и своей амбулаторіи и проч. и проч. Несмотря на то, что я радъ предложенію управы, мнѣ тяжело, какъ давно не было. Точно я ломаю свою жизнь и что дальше будетъ, не знаю». (Гнѣздилово, 9 марта 1903 г.).

Ставши завѣдующимъ Санитарнымъ бюро Воронежскаго губернскаго земства, А. И. сразу же проявляетъ свои яркія индивидуальныя качества. На съѣздѣ земскихъ врачей и предсѣдателей управъ Воронежской губерніи онъ выступаетъ съ обстоятельнымъ докладомъ объ обще-губернской санитарной организаціи. Одобренный съѣздомъ докладъ этотъ былъ принятъ губернскимъ собраніемъ и проводился въ жизнь на мѣстахъ Андреемъ Ивановичемъ.

Ему первому принадлежитъ трудъ по обслѣдованію школъ въ санитарномъ отношеніи, онъ пропагандируетъ идею устройства горячихъ завтраковъ (школьныхъ приварковъ) въ начальной школѣ. Не мало труда и времени отдалъ А. И., еще будучи земскимъ врачомъ, устройству яслей-пріютовъ для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры, и написанная имъ популярная брошюра не мало способствовала распространенію этихъ яслей по цѣлому ряду селеній Воронежской губерніи. Съ 1903 года по 1906 онъ издаетъ журналъ—«Земская Воронежская Врачебно-Санитарная Хроника», печатаетъ «Очеркъ холерной эпидеміи 1892 г. въ губерніи», «Заболѣваемость Воронежской губерніи 1898—1903 гг.», «Малярія въ Воронежской губерніи» и рядъ другихъ санитарно-статистическихъ работъ.

Онъ разрабатываетъ широкій планъ борьбы съ холерной эпидеміей, угрожавшей тогда, въ 1905 году, Воронежской губерніи, энергично защищаетъ свой проектъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, организуетъ совѣщаніе по холерѣ изъ обще-

ственныхъ дѣятелей и врачей, подбираетъ медицинскій персоналъ для предстоящей борьбы съ холерой, встрѣчаетъ большія противодѣйствія со стороны мѣстной администраціи въ утвержденіи этого персонала.

Вся дѣятельность А. И. возбуждала большія подозрѣнія со стороны охраннаго отдѣленія и мѣстныхъ властей, онѣ чрезвычайно подозрительно относились къ новымъ начинаніямъ губернскаго санитарнаго врача и устраиваемымъ имъ совѣщаніямъ какъ по губерніи, такъ и по уѣздамъ и по набору такъ называемыхъ «холерныхъ отрядовъ».

Это неутвержденіе врачей на земской службѣ носило тогда массовый характеръ по Россіи, и одинъ изъ администраторовъ далъ характерный отвѣтъ по поводу неутвержденія врачей:— «Эпидемія не такъ страшна, какъ революція».

Въ связи съ наступившими осенью 1905 г. крестьянскими погромами помѣщичьихъ усадебъ, принявшими въ Воронежской губерніи довольно значительные размѣры, начались аресты «холернаго» персонала.

Тучи на политическомъ горизонтѣ, какъ извѣстно, начали сгущаться еще съ 1904 года.

Реакція, проявляемая правительствомъ, во главѣ котораго былъ В. К. Плеве, достигла тогда своего апогея.

15 іюля 1904 года Плеве былъ убитъ.

Наступаетъ эпоха политики «довѣрія обществу», осуществляемая кн. Святополкъ-Мирскимъ, на которую такъ дружно откликнулись всѣ земства.

8-го ноября 1904 года въ Петербургѣ состоялся историческій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, гдѣ идеи земцевъ-конституціоналистовъ восторжествовали, и съ тѣхъ поръ «правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти» стало лозунгомъ всѣхъ прогрессивно-настроенныхъ земцевъ, выносившихъ постановленія земскихъ собраній о посылкѣ государю «привѣтственныхъ» адресовъ приблизительно одинаковаго конституціоннаго содержанія. А. И. въ это время весь горѣлъ въ новой общественной работѣ и чутко переживалъ все происходящее.

18-го ноября 1904 года онъ пишетъ: «Вчера по почтѣ я отправилъ тебѣ постановленіе петербургскаго совѣщанія, пошли за ними завтра, они очень интересны. Въ субботу въ Грандъ-

Отелѣ вечеромъ будетъ банкетъ для выслушиванія отъ участниковъ совѣщанія отчета въ ихъ поѣздкѣ, а поѣздка была очень интересная. Можетъ быть, ты пріѣдешь въ субботу. Въ Питерѣ собралось 105 человѣкъ, не было только представителя Олонецкой губерніи за невозможностью пріѣхать изъ-за ледохода на Ладожскомъ озерѣ. Журналъ и 11 постановленій подписаны 104 лицами. Одинъ только Стенбокъ-Ферморъ, херсонскій представитель, не подписался. Воодушевленіе было огромное. Прислали массу адресовъ изъ всѣхъ угловъ Россіи. Главные изъ нихъ отъ финляндцевъ, отъ 110 московскихъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, отъ нижегородской интеллигенціи за 400 подписей о конституціи, адресованный прямо въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—въ «Земское совѣщаніе»—и принесенный чиновникомъ изъ министерства.

«По окончаніи былъ устроенъ банкетъ изъ 200 человѣкъ литераторовъ для привѣтствія земцевъ. Предсѣдательствовалъ Короленко. Говорились пылкія рѣчи. Мирскому передали постановленіе съѣзда. Онъ сказалъ, что сочувствуетъ, но «полковникъ» не желаетъ. Впрочемъ, это послѣднее пока по слухамъ. Воронежцы, бывшіе на совѣщаніи, уѣхали раньше и пока ничего не знаютъ. Запрещеніе «Нашей Жизни» за передовицу, въ которой авторъ говоритъ, между прочимъ: «пора признаться, что охранять порядокъ нечего, ибо порядка у насъ никогда не было, пора перестать бояться того, что на полицейскомъ языкѣ зовется безпорядокъ», сочли за призывъ къ возмущенію. «Право» получило предостереженіе за статью Пѣшехонова «Война и отечество». Статья очень сильная и производитъ громадное впечатлѣніе. Авторъ винитъ бюрократію и говоритъ: «нельзя довѣряться механизму, который такъ плохо ведетъ дѣло». Въ Воронежѣ у Покрова была панихида по Бунаковѣ. Послѣ нея на паперти кое-кто пытался говорить, но слабо».

Воронежское губернское земское собраніе, не безъ вліянія группы единомышленниковъ А. И., въ адресѣ Государю послѣ разстрѣла мирныхъ рабочихъ на площади Зимняго дворца 9-го января, писало, что оно «не можетъ не высказать совершенно открыто то, что оно считаетъ правдой по отношенію къ переживаемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ горестнымъ событіямъ, завершившимся на этихъ дняхъ кровопролитіемъ на улицахъ нашей столицы. Глубоко потрясенные этимъ послѣд-

нимъ, являющимся въ существѣ своемъ лишь однимъ изъ проявленій того неустройства нашего, которымъ порождены всѣ означенныя событія, собраніе твердо вѣритъ, что лишь немедленный призывъ свободно избранныхъ представителей всего народа для разработки реформъ, направленныхъ къ устраненію существующаго произвола и безотвѣтственности администраціи и къ водворенію господства права въ нашемъ отечествѣ, можетъ внести надлежащее успокоеніе и устранить распространеніе по всей Россіи кровавыхъ событій, а также установить на незыблемыхъ основаніяхъ тѣ правовые устои, при которыхъ только возможны преуспѣянія и дальнѣйшее развитіе дорогого нашего отечества.

«Сдѣлать это необходимо, тѣмъ болѣе, что историческія условія, при которыхъ сложился современный нашъ строй, существенно измѣнились: внутренняя жизнь Россіи и ея задачи осложнились, общественное правосознаніе выросло. Только переустройство ея на началахъ истиннаго правового государства, съ постояннымъ участіемъ народнаго представительства, въ осуществленіи законодательной власти, позволитъ нашей странѣ идти не позади, а рядомъ съ другими культурными европейскими государствами».

18-го февраля 1905 года былъ опубликованъ Высочайшій указъ Сенату и рескриптъ Булыгину—«привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній».

Такъ предполагалось создать законосовѣщательное учрежденіе, совершенно не удовлетворявшее требованіямъ общества.

20-го марта А. И. выступаетъ въ Москвѣ на Пироговскомъ съѣздѣ, гдѣ принимаетъ дѣятельное участіе въ «холерномъ» засѣданіи, вынесшемъ политическую резолюцію требованія созыва народнаго представительства на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Въ маѣ 1905 года при участіи А. И. въ собраніи служащихъ Воронежскаго губернскаго земства былъ выработанъ проектъ объединенія всѣхъ земскихъ и городскихъ служащихъ въ профессіональный союзъ.

Политическія событія шли быстро одно за другимъ. Идеи Союза Освобожденія, проводимыя А. И., встрѣтили откликъ въ

общественныхъ дѣятеляхъ г. Воронежа и Воронежской губерніи. Событія наростали и захватывали всѣхъ. Извѣстіе о полномъ пораженіи нашего флота при Цусимѣ, земскіе и городскіе съѣзды, депутація къ Государю отъ съѣзда съ кн. С. Н. Трубецкимъ во главѣ, іюльскіе съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей, закончившіеся обращеніемъ къ населенію, опубликованіе Булыгинской законосовѣщательной Думы 6-го августа, сентябрьскій земскій съѣздъ, учрежденіе к.-д. партіи въ октябрѣ и, наконецъ, манифестъ 17 октября 1915 года—вотъ короткій перечень всего происходившаго въ странѣ. На всѣ эти событія откликался А. И. въ мѣстной и общественной жизни и перегруженный колоссальной отвѣтственной спеціальной работой завѣдующаго санитарнымъ бюро, наваленной почти исключительно на его плечи, А. И., за этотъ періодъ полнаго расцвѣта его таланта общественнаго дѣятеля, проявляетъ поразительную работоспособность и со свойственнымъ ему заразительнымъ воодушевленіемъ, удачно сочетаемымъ съ трезвой дѣловитостью, выступаетъ въ публичныхъ лекціяхъ, собраніяхъ, уличныхъ митингахъ на площадяхъ, банкетахъ съ популярнымъ разъясненіемъ населенію происходящихъ событій. Его роль за эти знаменитые октябрьскіе дни въ Воронежѣ была единственна и исключительна; она останавливала на себѣ вниманіе всѣхъ общественныхъ круговъ. Судьба его, какъ будущаго народнаго представителя, была предрѣшена, это былъ общій голосъ всѣхъ.

Съ образованіемъ к.-д. партіи А. И. становится во главѣ мѣстнаго отдѣла въ качествѣ предсѣдателя комитета и задачей своей, какъ и всегда, ставитъ широкое освѣдомленіе населенія. На площадяхъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ онъ выступаетъ передъ громадной толпой съ неизмѣннымъ успѣхомъ, съ разъясненіемъ началъ манифеста 17 октября. Если на выборахъ въ первую Государственную Думу партія Народной Свободы имѣла успѣхъ по Воронежу и Воронежской губерніи, то несомнѣнно главная заслуга въ этомъ принадлежала Андрею Ивановичу. Его поразительное умѣніе изложить общедоступнымъ яркимъ языкомъ всѣ политическія требованія, выявить свое сознательное критическое отношеніе къ переживаемымъ событіямъ, трезво посмотрѣть правдѣ и русской дѣйствительности въ глаза, предостеречь отъ излишнихъ увлеченій и не поддаваться де-

магогическимъ пріемамъ всегда было характерной чертою выступленій А. И.

14-го декабря 1905 года, въ день годовщины возстанія декабристовъ, вышелъ первый номеръ газеты мѣстнаго отдѣла партіи Народной Свободы—«Воронежское Слово», душой котораго, а потомъ и фактическимъ редакторомъ былъ А. И. Большинство передовыхъ статей принадлежало ему, онѣ преслѣдовали ту же цѣль быть понятными широкимъ кругамъ населенія, подготовить населеніе къ предвыборной избирательной кампаніи въ первую Государственную Думу, чтобы оно могло наиболѣе сознательно отнестись къ выборамъ.

На выборахъ по Воронежу въ выборщики въ первую Государственную Думу абсолютное большинство принадлежало партіи Народной Свободы. Въ числѣ выборщиковъ, конечно, однимъ изъ первыхъ былъ А. И. Онъ считался самымъ достойнымъ, самымъ крупнымъ и безспорнымъ кандидатомъ въ первые народные избранники. Онъ уже готовился къ этому. Но мѣстный отдѣлъ партіи рѣшилъ иначе. Было признано необходимымъ во что бы то ни стало сохранить А. И. для мѣстной работы и не отпускать въ Петербургъ въ первую Думу, куда и безъ того партія дала достаточно яркихъ представителей отъ другихъ городовъ. Выражалось опасеніе, что съ переѣздомъ А. И. въ Петербургъ заглохнетъ мѣстная партійная жизнь, такъ блестяще имъ руководимая, и Воронежъ, сознательно цѣня А. И., не рѣшился его отпустить, не далъ его въ первую Думу. Отъ Воронежа партія дала въ первую Думу П. Я. Ростовцева и отъ Воронежской губерніи—пишущаго эти строки. Съ сожалѣніемъ А. И. покорился и остался. Этимъ онъ былъ случайно сохраненъ для будущей продолжительной политической дѣятельности.

72 дня просуществовала первая Дума, а затѣмъ большинство ея, подписавшее Выборгское воззваніе, надолго отстранено было отъ общественнаго дѣла.

Населеніе должно было достойнымъ образомъ отвѣтить на разгонъ первой Думы. Наступили выборы во вторую Думу, и никто не сомнѣвался, что населеніе пошлетъ А. И. Мѣстная администрація употребляла всѣ усилія, чтобы не допустить этого. Еще со времени комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ 1902 году А. И. все время находился

подъ полицейскимъ надзоромъ, а теперь губернаторъ, воспользовавшись только его принадлежностью къ партіи к.-д., отстранилъ его отъ должности, чему предварительно предшествовалъ обыскъ, произведенный у него на квартирѣ.

«Меня посѣтили гости 29-го въ ночь, рыли бумаги, письма, книги. Ничего не взяли, написали протоколъ, что ничего преступнаго не обнаружено, на другой день былъ вызванъ къ допросу, и допросъ писался о принадлежности къ партіи к.-д. А виновность въ томъ, что состою ея предсѣдателемъ въ Воронежѣ. Что будетъ дальше—не знаю; повидимому, это выборный маневръ, но куда онъ поведетъ, къ высылкѣ или высидкѣ, или еще чему-либо, не знаю». (Воронежъ, 8 января 1907 г.).

«Наконецъ я попалъ въ разрядъ бывшихъ людей. Уволенъ вслѣдствіе политической неблагонадежности. Это явилось послѣдствіемъ обыска и допроса. А теперь возникаетъ судебное дѣло. Конечно, дѣйствуя по инструкціи свободныхъ выборовъ, мѣстная административная юстиція намѣрена предать меня суду. Когда и по какой статьѣ это будетъ сдѣлано, я еще не могу сказать, ибо не получилъ офиціальнаго увѣдомленія, но думаю, что статья будетъ соотвѣтствующая, чтобы получить исключеніе изъ списка избирателей—это все, что имъ нужно.

«Въ управѣ еще два-три дня для сдачи дѣлъ. Ты спрашиваешь, что я буду дѣлать,—еще самъ точно не знаю. Ѣхать некуда, вездѣ санитарія рушится и мѣстъ, соотвѣтствующихъ моей дѣятельности, нѣтъ. Брать участковую больницу трудно. Думаю постепенно начать зарабатывать литературной работой. Но это путь медленный и колеблющійся. Думаю начать практику въ Воронежѣ, но,—Боже!—какъ мнѣ это тяжело и не по душѣ. Мѣсяца на 2—3 у меня хватитъ денегъ на житье. Моя надежда двояка: или общественный кризисъ затянется, темныя силы будутъ торжествовать и разгонятъ Думу, такъ какъ я увѣренъ, что она будетъ прогрессивная. И тогда еще придется долгіе годы пробиваться разными дѣлами и дѣлишками. Надѣюсь, что въ 3 мѣсяца кое-какъ устрою себѣ заработокъ. Или одолѣетъ общественная самостоятельность, реакція наклонитъ голову, и тогда снова я могу найти общественную работу по душѣ.

«Настоящее злоключеніе въ духѣ манифеста 17 октября я встрѣтилъ совершенно спокойно и бодро. Оно даже придаетъ

мнѣ энергію. Какъ-то тяжело и неловко было оставаться среди общаго крушенія честныхъ людей отъ нахлынувшаго дикаго праваго терроризма. Теперь этого чувства нѣтъ. Приходится взяться за непривычную и нежеланную работу, но на душѣ ясно и бодро. Твердо мы вѣримъ, что будетъ еще и у насъ настоящая прежняя культурная работа, широкій расцвѣтъ общественныхъ силъ и полное торжество освобожденнаго народа. И время это близко. Повѣрь, что наши жалкіе враги тогда будутъ еще болѣе жалки и презрѣнны». (Воронежъ, 1907 г. 14 января).

IV.

Еще въ студенческіе годы, въ Воронежѣ, въ тѣсномъ кругу друзей, молодежь, въ томъ числѣ и А. И. и его будущая жена Е. М. Кулажко, гадали въ ночь подъ Рождество, кто чѣмъ будетъ, и А. И. вынулъ свой жребій, написанный рукою его невѣсты—«будетъ первымъ депутатомъ русскаго парламента». Это было, кажется, въ 1893 году, и тогда всѣ смѣялись—такимъ отдаленнымъ, невѣроятнымъ и несбыточнымъ казалось это.

И вотъ предсказаніе сбылось. А. И. нашелъ свою судьбу и вошелъ народнымъ избранникомъ во вторую Государственную Думу и съ тѣхъ поръ на протяженіи 10 лѣтъ во всѣ Думы—вторую, третью и четвертую А. И. избирается неизмѣннымъ депутатомъ.

Вторая Дума существовала всего 102 дня, проживъ немного дольше, чѣмъ первая. Она собралась 20 февраля 1907 года. Депутатъ отъ Воронежской губ.—А. И.—сразу занялъ въ ней одно изъ видныхъ мѣстъ, какъ яркій представитель партіи Народной Свободы. Онъ считаетъ необходимымъ прежде всего укрѣпить въ народномъ сознаніи, въ широкихъ массахъ идею народнаго представительства и съ этою цѣлью продолжаетъ писать популярныя статьи въ «Воронежскомъ Словѣ» подъ заглавіемъ «Дневникъ депутата» и дѣятельно сотрудничаетъ въ «Думскомъ Листкѣ».

Редакція «Воронежскаго Слова», получивъ извѣщеніе объ избраніи А. И. во вторую Государственную Думу, вывѣсила въ окнѣ своей конторы написанный жирнымъ краснымъ карандашомъ бюллетень выборовъ. Не прошло и получаса, какъ въ контору редакціи является чиновникъ мѣстной администраціи и требуетъ, чтобы бюллетень, написанный к р а с н ы м ъ карандашомъ былъ снятъ и замѣненъ бюллетенемъ, написаннымъ чернымъ карандашомъ.

А. И. въ одной изъ своихъ статей въ «Думскомъ Листкѣ» такъ опредѣляетъ задачи второй Государственной Думы:

«Вновь собирается Государственная Дума, вновь начинается работа народныхъ избранниковъ.

«7 мѣсяцевъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ первая Государственная Дума безвременно принуждена была прекратить свою работу.

«Эта прерванная работа была вся проникнута горячимъ желаніемъ вывести родину на путь мирнаго развитія.

«Задачи, стоявшія передъ первыми народными представителями, были чрезвычайно трудны и многосложны. Дума должна была установить законность и право въ странѣ, порабощенной вѣковымъ произволомъ. Ей было необходимо защитить всѣхъ гражданъ русской земли отъ беззаконія и насилій безотвѣтственныхъ властей, обезпечить жизнь и свободу. Она стремилась всѣми силами какъ можно скорѣе придти на помощь обнищавшей стомилліонной массѣ крестьянъ путемъ дополнительнаго надѣленія землей...

«Расшатанное государственное хозяйство, громадная задолженность и затруднительное положеніе государственной кассы принуждало немедленно приступить къ пересмотру росписи доходовъ и расходовъ, установить точный учетъ и контроль собираемыхъ съ народа денегъ.

«Раскрытіе и обнаруженіе цѣлаго ряда тяжкихъ преступленій, попустительствъ, нарушенія законовъ и нерадѣнія властей привело къ неизбѣжному требованію отвѣтственнаго министерства, т.-е. къ такому порядку, при которомъ министры, управляющіе дѣлами государства, отвѣчали бы передъ Государственной Думой и не могли бы оставаться на своихъ мѣстахъ безъ одобренія ихъ дѣятельности народными представителями.

«Таковы были наиболѣе важныя, наиболѣе неотложныя задачи первой Думы. Вся охваченная сознаніемъ тяжелой отвѣтственности передъ страной, передъ многострадальнымъ народомъ, пославшимъ въ нее своихъ лучшихъ представителей, первая Дума работала изо дня въ день, не щадя силъ, не зная отдыха, отбросивъ въ сторону все, кромѣ блага народа.

«Темныя силы не давали ей довершить великое дѣло—устроенія русской земли. Злобствуя за обличеніе беззаконій и насилій, встревоженные и испугавшіеся за свои преимущества земли и

капитала, забывъ о страданіяхъ народа и корыстно заботясь только о своемъ благополучіи, они добились роспуска первой Думы.

«Горячая работа народныхъ представителей, направляемая главнымъ образомъ членами партіи Народной Свободы, прервалась сразу. Надолго замолкли смѣлые и честные голоса лучшихъ людей русской земли.

«Наступила тяжелая полоса бездумья.

«Стономъ и кровью казненныхъ пошла она по лицу необъятной родины. Попали подъ судъ прежніе работники первой Думы.

«Десятки тысячъ невинныхъ людей были ввержены въ заточеніе, сосланы въ мѣста далекаго сѣвера, оторваны отъ своего дѣла, отъ своихъ семействъ. Издававшіеся временные законы шли какъ разъ напротивъ завѣтамъ первой Думы. Тяжкіе, гнетущіе семь мѣсяцевъ, наконецъ, прошли.

«Вновь собраны народные представители, вновь заговоритъ ихъ устами народъ, вновь начнется нить прерванной работы.

«А работа, лежащая передъ ней, попрежнему также громадна и также настоятельно необходима. Освобожденіе русскихъ гражданъ отъ насилій и произвола, надѣленіе крестьянъ землею, защита рабочихъ путемъ законовъ, упорядоченіе государственнаго хозяйства и учетъ доходовъ и расходовъ, устроеніе мѣстнаго самоуправленія городовъ и земствъ, проведеніе въ жизнь отвѣтственности министровъ... Словомъ, все то, чего добивалась и что защищала первая Дума.

«Приходится вновь воскресить созидательную работу партіи Народной Свободы, доканчивать ее новыми руками, поддержать завѣты первой Думы».

Общее политическое положеніе того времени А. И. характеризуетъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Рѣчи» 22 апрѣля 1907 года, «Трагизмъ современности»:

«Россія переживаетъ одинъ изъ мучительнѣйшихъ переходныхъ моментовъ своего политическаго бытія.

«Острая грань между кошмарнымъ отживающимъ прошлымъ и медленно нарождающимся будущимъ еще не преломилась. Вспыхнувшая въ 1905 году стихійная волна пробужденія народа еще не улеглась въ закономѣрныя рамки мирнаго теченія обновленной жизни правового государства.

«Старый порядокъ» не только не отошелъ въ вѣчность,

неохотно уступая мѣсто новой жизни, но всячески еще цѣпляется за свои прошлыя права и привилегіи.

«Туманная завѣса будущаго безпорядочно волнуется, колышется подъ напоромъ противоположныхъ теченій, но никто еще не можетъ сказать, что уже видитъ ясно стоящія за ней очертанія.

«И ту же полосу сомнѣній, вспыхивающихъ надеждъ и повседневной, частью случайной, мелочной борьбы переживаетъ Государственная Дума.

«Она такъ далеко непохожа на первую Думу. Первая Дума появилась, какъ первая весенняя гроза надъ оживающей землей, и исчезла, какъ уходящая въ даль, озаренная радугой туча.

«Вторая, рожденная въ хмурое ненастье безвременья, окутана туманомъ и сѣрой мглой. Ей выпадаетъ на долю тяжелая повседневная работа, долгая, медленная, упорная работа. И пока она въ мукахъ и страданіяхъ борется за эту работу.

«Въ ея составѣ совершается длительный процессъ взаимнаго тренія, взаимныхъ укоровъ, взаимныхъ обидъ и настроеній.

«Трудные дни переживаетъ Государственная Дума. Острая грань, раздѣляющая прошлое, еще не минувшее, отъ будущаго, еще не наступившаго, далеко не пройдена ни Великой Россіей, ни ея представителями въ Таврическомъ дворцѣ.

«И давитъ и рѣжетъ эта острая грань, и съ тяжкими муками переходитъ ее великій народъ. Исторія идетъ медленно, и ея колеса, совершивъ могучій размахъ, находятся на мертвой точкѣ передъ планомѣрнымъ движеніемъ. А уставшій народъ ждетъ обновленія жизни, мира и творческой работы.

«А правое и крайнее лѣвое крыло Думы еще жаждутъ борьбы, еще вызываютъ другъ друга на бой... И въ этомъ трагизмъ современности».

Въ своемъ «Дневникѣ депутата», помѣщенномъ въ «Воронежскомъ Словѣ», А. И. шагъ за шагомъ описываетъ свои впечатлѣнія и переживанія въ каждомъ засѣданіи Государственной Думы, старается быть въ постоянномъ общеніи и единеніи съ народомъ, его избравшимъ. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ первомъ дневникѣ отъ 20 февраля 1907 г.:

«Телеграфъ и газеты принесутъ въ Воронежъ раньше меня точный отчетъ работъ второй Думы. Они передадутъ то кратко, то стенографически все, что говорили народные представители,

все, что пытались дѣлать ставленники безотвѣтственнаго режима. Запоздалыя письма могутъ принести скучныя повторенія уже знакомаго, если они будутъ касаться только голыхъ фактовъ, если ихъ содержаніе—перечень уже извѣстныхъ событій.

«Вотъ почему мнѣ хочется писать дневникъ.

«Въ немъ можно излагать, минуя внѣшнюю связь событій или касаясь ея лишь мимоходомъ, свои впечатлѣнія, свои наблюденія, свои думы, надежды и сомнѣнія.

«Въ немъ можетъ быть и мотивировка принимаемыхъ рѣшеній, и описаніе невидимой, внутренней жизни Думы, и описаніе того или другого рѣшенія думской группы депутатовъ партіи Народной Свободы.

«Выпавшая на мою долю высокая честь быть избраннымъ отъ г. Воронежа неразрывно связана съ великой обязанностью и отвѣтственностью.

«Воля народа, выражаемая прямо, непосредственно,—единственно правильна и непреложна...

«Народные избранники безъ поддержки народа—безсильны. Поддержка народа создаетъ имъ могучую силу.

«Но народъ ихъ пославшій, долженъ знать все, быть освѣдомленнымъ обо всемъ, посвященъ во всѣ тайники думской работы.

«Онъ долженъ радоваться радостямъ Думы, работать съ нею, дѣлить ея горе и защищать ее отъ посягательствъ.

«Онъ же—верховный судья ея работы и стремленій. Вотъ почему мнѣ хочется писать мой дневникъ.

«Онъ можетъ быть коротокъ и непространенъ, иными днями онъ можетъ прерываться, проходя мимо незначащихъ фактовъ и событій, но онъ долженъ идти непрерывно шагъ за шагомъ за думской жизнью. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ доступенъ всѣмъ, чтобы всякій могъ знать, что дѣлаетъ, что думаетъ, что защищаетъ и съ чѣмъ борется одинъ изъ избранниковъ народа, хотя бы и наименѣе значительный».

Его настроенія и переживанія во время сессіи второй Государственной Думы характеризуются слѣдующими отрывками изъ его писемъ къ К. Г. Хрущову.

«Рухнувшій потолокъ немного расшевелилъ нашу—я бы сказалъ—угрюмую Думу. Ея составъ, столь крайній по количеству лѣвыхъ, какъ-то силою вещей и сознаніемъ неподготовленности

народа, принимаетъ вполнѣ опредѣленно кадетскую тактику, ту самую тактику, которую поносили и ругали на митингахъ. Удивительнѣе всего, что даже крайняя лѣвая с.-р. въ этомъ отношеніи вполнѣ солидарна съ общими рѣшеніями оппозиціи; брыкаются только большевики и вся с.-д. фракція. Они прямолинейны до глупости и пытаются демонстрировать даже тамъ, гдѣ ни смысла демонстраціи, ни значенія уже нѣтъ... Я все время занятъ въ комиссіяхъ и кромѣ того работаю въ «Думскомъ Листкѣ». Эта послѣдняя—популярная народная газета, ставящая своей цѣлью сблизить народныя массы съ работой Думы, сдѣлать ее понятной и вызвать со стороны самого населенія отзвуки сочувствія, критики и запроса. Если Дума проживетъ, а я на это имѣю нѣкоторыя надежды, то наше газетное предпріятіе, по-моему, принесетъ значительную пользу; кромѣ того, я занятъ по организаціи собиранія матеріаловъ для работы комиссіи по сельскохозяйственнымъ рабочимъ, защитѣ условій ихъ труда и здоровья. Неудавшаяся декларація Столыпина, въ отвѣтъ на которую мы должны были молчать, была предотвращена проломомъ гнилого потолка. Министерство въ смущеніи, и я учитываю этотъ фактъ, какъ своего рода Лидваліаду. Крушеніе всего, что дѣлаютъ безконтрольные чиновники». (4 марта 1907 г.).

«Мнѣ просто хотѣлось тебѣ написать, пока я не попытаюсь что-либо сдѣлать по твоему поводу [1]). Послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній я рѣшился написать Столыпину и переговорить съ нимъ лично. Ты, можетъ, посѣтуешь за это на меня, но повѣрь, что твое изгнаніе меня угнетаетъ больше всего. Я просто рѣшилъ продѣлать все, чтобы какъ-нибудь помочь тебѣ вновь заняться твоей любимой работой. Около недѣли я не получалъ отвѣта, но вчера меня извѣстили, что сегодня Столыпинъ приметъ меня въ Зимнемъ дворцѣ. Я только что возвратился отъ него. Онъ былъ любезенъ и даже милъ—«вѣдь вашъ товарищъ изъ Землянскаго уѣзда, бѣдовый уѣздъ!» Вспомнилъ про Сашу [2]), говоря, что ему знакома твоя

---

[1]) Мой братъ, тогда земскій врачъ—хирургъ въ Землянскомъ уѣздѣ, былъ административно высланъ изъ предѣловъ Воронежской губ. „за пропаганду среди крестьянъ", какъ ему инкриминировали мѣстныя власти.

Прим. автора.

[2]) А. Г. Хрущовъ.

фамилія. Скажу тебѣ по секрету, что вблизи онъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе, а когда онъ улыбнулся, упомянувъ, что ты земскій врачъ, то его лицо стало мягкимъ и добрымъ. Ты будешь смѣяться, читая это. Мнѣ самому было странно, но я все-таки долженъ сказать тебѣ откровенно, что вынесъ хорошее впечатлѣніе. Я говорилъ ему про твою работу, про хирургію, про обездоленность населенія, про то, что ты хотя и исповѣдуешь освободительныя идеи, но совершенно не крайній и политикой не занимаешься, что отношеніе мѣстной администраціи не понятно, что инцидентъ съ донесеніемъ властей— грубое искаженіе твоихъ собственныхъ словъ. Онъ все слушалъ терпѣливо, хотя видъ у него былъ измученный и усталый. Я говорилъ о твоемъ возвращеніи въ Землянскій уѣздъ. Онъ все записалъ, обѣщалъ постараться исполнить мою просьбу. Не знаю, обманываюсь ли я или дѣйствительно это вѣрно, но только я ему повѣрилъ и теперь буду ждать съ нетерпѣніемъ результатовъ. Пишу тебѣ все откровенно. Можешь меня бранить, что я пошелъ просить, но иначе я не могъ.

«Живемъ мы совершенно угорѣлые отъ работы: ни читать, ни заниматься чѣмъ-либо основательно, ни даже спать—некогда. Я попалъ въ продовольственную комиссію и занятъ теперь буквально полсутокъ. Еле утромъ пробѣгаю газету и съ трудомъ успѣешь отвѣтить на обильную корреспонденцію, а ея много, очень много. Все больше просьбы—«горя—рѣченька бездонная». Сегодня я передалъ Столыпину цѣлый синодикъ жертвъ департамента полиціи. Онъ обѣщалъ помочь, если возможно. Пока все складывается такъ, что мы можемъ жить и будемъ жить, если только случайность свыше не прерветъ хрупкое наше существованіе. Работа налаживается. Комиссіи работаютъ, готовятся законопроекты. Обиліе рѣчей пока не устранено, хотя мы и принимаемъ мѣры, чтобы урегулировать и этотъ недостатокъ думской работы. Особенно мѣшаетъ крайняя правая и крайняя лѣвая». (21 марта 1907 г.).

«Мы въ отвратительномъ положеніи и настроеніи: лѣвое наше крыло теряетъ реальную почву окончательно и не даетъ намъ возможности быстрѣе приступить къ законодательной работѣ. Трудовики подпали подъ вліяніе с.-р. и лѣзутъ на дыбы, не понимая всей безрезультатности ихъ политики, а ярые поклонники и фанатики перманентной революціи недоступны ло-

гическимъ убѣжденіямъ и слѣпы въ оцѣнкѣ суровой дѣйствительности. Тяжело на душѣ безъ конца. Наше послѣднее столкновеніе усиливаетъ остроту этого вопроса. Страшно и грустно приходить къ убѣжденію, что масса членовъ Думы—политическіе младенцы. Годы политической жизни нужны имъ еще, чтобы прозрѣть и понять». (17 апрѣля 1907 г.).

«Буду на Пироговскомъ съѣздѣ 2—3 дня. Здѣсь первые дни сидѣлъ и лежалъ дома, шалилъ съ дѣтьми, бродилъ съ ними по городу и катался съ ними на лодкѣ. Радовался тишинѣ, солнцу и теплу, весеннимъ цвѣтамъ и мягкому, чистому воздуху. Послѣ политической грызни, нервнаго настроенія и мучительной тревоги Петербурга, послѣ тумана, слякоти и закопченнаго горизонта югъ дѣйствуетъ ласкающе и опьяняюще. Послѣдніе дни хотѣлось было устроить собраніе или лекціи, но воронежская администрація рѣшительно боится за общественную безопасность и освободила меня отъ этого. Обыватели злы, и тѣ, кто собирался слѣва ругать меня и Думу, теперь ругаютъ администрацію. Какъ видишь, она всегда предусмотрительно играетъ противъ себя. Усиленно сидѣлъ и писалъ свою рѣчь на съѣздъ, которую думаю читать 2-го мая на общемъ собраніи. Она мнѣ самому очень не нравится, но такъ мнѣ мѣшали, такъ много было посѣтителей и охотниковъ бесѣдовать, что работалось плохо. Литературу подобралъ очень недостаточно. Изложеніе скучно. Да и кончить не успѣлъ, надѣюсь дописать въ Москвѣ. Лихорадочная жизнь совершенно не даетъ остановиться и тщательно обдумать все, что пишешь. Живемъ и питаемся прежними сбереженіями умственнаго багажа. Надолго это не годится. Съ другой стороны, отказываться отъ всякаго участія въ работѣ я какъ-то не привыкъ. Пусть ужъ лучше поругаютъ за недодѣланность и расплывчатость». (Воронежъ, 27 апрѣля 1907 г.).

«У насъ тяжело, какъ и во всей Россіи. Настроеніе общества самое паскудное. Работа вся затромбозирована безсмысленнымъ упрямствомъ лѣвыхъ и правыхъ, не желающихъ кончать своего говоренія. Правые желаютъ срывать Думу—это у нихъ незыблемое рѣшеніе; лѣвые до сихъ поръ считаютъ Думу за революціонную трибуну и тоже считаютъ необходимымъ Думу срывать, ибо «она безполезна». Можешь себѣ представить, какой сумбуръ, какую путаницу понятій вноситъ это въ среду

нашихъ мало политически сознательныхъ крестьянъ и что получается въ массахъ населенія. Я при всемъ стараніи понять не могу, на что надѣются эти двѣ крайнія стороны. Правые идіоты точно забыли исторію, въ которой возвратъ къ прошлому окупался всегда жестокой вспышкой и неизмѣннымъ конечнымъ пораженіемъ. Лѣвые тоже ничего не хотятъ брать въ расчетъ, и ихъ виды на ближайшее будущее рѣшительно ничѣмъ не оправдываются. Конечная, но чуть не безконечная далекая побѣда будетъ на ихъ сторонѣ, но кратчайшій путь по времени вовсе не геометрически прямой въ политикѣ. Центръ нашъ задавленъ работой. Лѣвые и правые не работаютъ. Бьемся въ комиссіи до хрипоты, чтобы практически провести какое-либо рѣшеніе. Бьемся въ Думѣ, чтобы вытолкнуть изъ ея работъ говорильную пробку. Устаемъ, издергиваемся, измучиваемся, а справа и слѣва ругань, насмѣшки, завываніе и заушеніе. Страна же молчитъ угрюмо, тоскливо, загадочно молчитъ. Да, тяжела ты, шапка, этого представительства!». (Петербургъ, 8 май 1907 г.).

Вторая Государственная Дума была распущена 3-го іюня 1907 года, и въ «Дневникѣ депутата» отъ 3—5 іюня А. И. прекрасно рисуетъ положеніе въ странѣ при предстоящихъ выборахъ въ третью Думу.

«Еще за три дня до крушенія второй Государственной Думы грозные признаки ея приговора были извѣстны. Однако никто не предвидѣлъ такой скорой развязки.

«Посовѣтовавшись съ фракціоннымъ бюро, я поѣхалъ въ Усмань на земскіе выборы въ полной увѣренности, что пропущу лишь два засѣданія—пятницу и субботу, а въ понедѣльникъ утромъ буду уже снова въ Думѣ. Шло обсужденіе вопроса о реформѣ мѣстнаго суда, въ немъ я не долженъ былъ принимать активнаго участія, вопросъ о земскихъ выборахъ считается моими товарищами важнымъ, и я уѣхалъ со спокойной совѣстью.

«Историческая судьба Думы рѣшила иначе...

«Въ понедѣльникъ утромъ я былъ въ Петербургѣ, но Думы уже не было...

«Совершился еще одинъ этапъ русской исторіи, столь причудливой и измѣнчивой въ послѣднее время. Порвалась хрупкая нить работы второго народнаго представительства, и обо-

рванные концы ея исчезаютъ въ невѣдомыхъ горизонтахъ будущаго.

«Ни одной минуты не сомнѣвался я, что совершившійся государственный переворотъ первое время пройдетъ тихо, какъ бы незамѣтно. И тѣмъ не менѣе тишина Москвы и Петербурга была поразительна даже при всемъ ожиданіи ея.

«Медленно и правильно шла въ нихъ будничная жизнь, двигались массы людей, проходили и уходили въ повседневныхъ заботахъ труда или бездѣлья, и никакой даже привычный глазъ не могъ бы открыть въ этомъ внѣшняго признака волненія, даже интереса къ происшедшему крупнѣйшему событію государственной жизни...

«Молчаніе вопіетъ,—но это было даже не молчаніе...

«Однако висѣли прибитые на стѣнахъ печатные экземпляры манифеста. Они не останавливали на себѣ вниманія прохожихъ. Ихъ содержаніе стало уже извѣстнымъ, ихъ обсужденіе не входитъ въ расчеты идущихъ.

«Какой страшный контрастъ съ манифестомъ 17 октября 1905 года и съ тѣмъ потрясающимъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на все населеніе.

«Вторая Дума умерла, какъ умираютъ безнадежно больные, давно обреченные на смерть; и только чувствуютъ вдругъ пустоту и недоумѣніе близкіе, ухаживавшіе люди.

«Реальное соотношеніе силъ», которое, по словамъ Лассаля, является сущностью конституціи, давно отошло отъ Государственной Думы, многимъ она казалась уже пережиткомъ прошлыхъ дней, не соотвѣтствующимъ минутѣ, нѣкоторые говорили даже, что она зажилась... И тѣмъ не менѣе ея исчезновеніе съ исторической сцены, какъ всякое прекращеніе жизни, существованія, полно трагизма и загадочности. Оборвана громадная, подготовительная работа, погибаетъ масса затраченныхъ труда и энергіи, цѣликомъ направлявшихся на благо народа. И если еще сохраняются въ памяти народа перипетіи устной, словесной борьбы, то не видная, скрытая въ глубинѣ комиссій и думскихъ фракцій, напряженная подготовительная работа исчезнетъ скоро, растаетъ, какъ маленькое облако въ безконечномъ пространствѣ атмосферы, отлетитъ, какъ живая душа отъ мертваго и безчувственнаго организма...

«Могильщики и гробокопатели шумно справляютъ веселую

тризну, поздравляя друга друга, поднимая бокалы въ честь смерти...

«Они добились своего.

«Я увѣренъ, я убѣжденъ, что не только здѣсь, у насъ въ столицахъ, но и въ безконечномъ рядѣ весей и градовъ Руси будетъ также спокойна толпа и будутъ также ликовать побѣдители...

«Но сколько въ этомъ «спокойствіи» жуткой тишины, сколько въ немъ страшныхъ неожиданностей и будущихъ потрясеній, сколько тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ конфликтовъ возникнетъ, быть можетъ, даже въ ближайшемъ будущемъ, возникнетъ стихійно, неудержимо, съ массой ужасовъ, горя и страданій, но все же возникнетъ.

«Исторія не знаетъ пощады; ея развитіе подчинено могучимъ законамъ, ея шаги не переступаютъ нѣсколько ступеней по лѣстницѣ прогресса, и нашей русской исторіи суждено идти этими старыми, уже изжившими на западѣ шагами.

«Все это такъ, все это понятно, и все же безконечно грустно и безконечно тяжело за русскій народъ; дологъ и тяжелъ его грядущій путь, и ближайшій шагъ его чреватъ особыми трудностями.

«Новый избирательный законъ, возникшій помимо конституціи, отдаетъ выборы цѣликомъ во власть имущихъ малочисленныхъ классовъ въ ущербъ обездоленнымъ и трудящимся. Онъ пренебрегаетъ правами окраинъ и инородцевъ, онъ призоветъ къ жизни иныхъ людей, и они заговорятъ иныя рѣчи, онъ обострить и безъ того тяжелую сословную, классовую и національную борьбу.

«Мой родной городъ лишенъ самостоятельнаго представительства, и его выборщики войдутъ въ общую массу губернскаго избирательнаго собранія...

«Въ немъ, среди 140 выборщиковъ со всей Воронежской губерніи 35 отъ крестьянъ, 75 отъ съѣзда землевладѣльцевъ, 15 отъ 1-го разряда городскихъ избирателей, 13 отъ 2-го разряда и 2 отъ рабочихъ.

«Минимумъ 90 человѣкъ изъ 140 будутъ представители крупной собственности, имъ обезпечены кромѣ того выборы отдѣльнаго представителя отъ съѣзда землевладѣльцевъ, отдѣльнаго отъ 1-го съѣзда городскихъ избирателей, они же участвуютъ

въ выборѣ и всѣхъ остальныхъ избирателей, даже по крестьянской куріи...

«Будетъ уже настоящая буржуазная Дума...

«Если въ ней будутъ представлены соціалистическія партіи (нѣсколько человѣкъ ихъ попадетъ, вѣроятно, отъ крупныхъ городовъ), имъ не придется нести тяжелой и мало благодарной работы—«вскрывать буржуазную сущность» кадетской партіи...

«Во-первыхъ, потому, что партія Народной Свободы въ этой третьей Думѣ уже не будетъ имѣть много мѣстъ, если вообще кто-либо изъ ея членовъ попадетъ въ нее. А во-вторыхъ, никому не нужно будетъ вскрывать то, что всѣмъ будетъ ясно и чего никакъ не могли вскрыть теперь,—ярко буржуазную природу будущихъ вершителей законодательной работы.

«Исторія не знаетъ пощады. Мы убѣждены, что и эта будущая Дума съ рѣзкой окраской представителей собственности со временемъ исчезнетъ и народное представительство пойдетъ справедливой, упорной дорогой всеобщаго избирательнаго права, но это лишь въ будущемъ, по всей вѣроятности, даже въ далекомъ будущемъ...

«Пока же... пока пора кончать послѣднюю затянувшуюся страницу дневника бывшаго депутата.

«Скоро предполагается партійный съѣздъ, наши товарищи услышатъ отчетъ о нашей работѣ и нашемъ поведеніи. Партія получитъ опредѣленныя директивы своей борьбы за конституцію, а «бывшіе» люди, какъ и талантливые, высоко одаренные борцы первой Государственной Думы, примутся за повседневную культурную работу.

«Наступитъ затѣмъ и новый избирательный періодъ и новая предвыборная агитація, быть можетъ, уже безъ участія многихъ изъ насъ. Поѣдутъ въ Таврическій дворецъ творить дѣло государственнаго строительства новые «избранники» народа.

«Народное представительство разъ возникнувъ, умереть не можетъ»,—были первыя слова предсѣдателя второй Государственной Думы,—«жить оно будетъ».

«А теперь—пора кончать дневникъ бывшаго депутата...».

V.

Но недолго А. И. былъ «бывшимъ» депутатомъ. Несмотря на тяжелыя условія, въ которыя была поставлена партія Народной Свободы выборнымъ закономъ 3 іюня, несмотря на стѣсненіе ея дѣятельности и невозможность свободной агитаціи,—слишкомъ ярка сама по себѣ была фигура Андрея Ивановича, слишкомъ очевидны его заслуги положительной дѣловой работы передъ всѣми партіями, что Воронежская губернія отдала большинство своихъ голосовъ разныхъ политическихъ оттѣнковъ общепризнанному талантливому депутату.

Въ третью Государственную Думу А. И. вступилъ въ числѣ 54 членовъ партіи Народной Свободы [1]). Тогда уже было ясно, что въ этой Думѣ партія не можетъ играть руководящей роли. Задачей фракціи было признано бороться за существованіе и права народнаго представительства и участвовать по мѣрѣ силъ въ активной законодательной работѣ, путемъ ли собственной законодательной иниціативы или путемъ поддержки всякой реформы, идущей сколько-нибудь серьезно въ направленіи программы партіи Народной Свободы, или, наконецъ, путемъ строго-дѣловой критики проектовъ, противорѣчащихъ этой программѣ и клонящихся къ защитѣ интересовъ привилегированнаго меньшинства. Рядомъ съ этимъ задачей парламентскихъ выступленій и запросовъ фракціи попрежнему ставилась непримиримая борьба противъ административнаго произвола и выраженіе истиннаго мнѣнія страны, не нашедшаго себѣ достаточнаго отраженія въ искусственно подобранномъ составѣ третьей Думы.

Эту задачу вмѣстѣ съ другими лидерами партіи—П. Н. Милюковымъ, Ф. И. Родичевымъ, В. А. Маклаковымъ—беретъ на себя и А. И. Шингаревъ, уже въ первую сессію третьей Думы

---

[1]) Очеркъ дѣятельности А. И. въ III и IV Думахъ составленъ и заимствованъ мною изъ отчетовъ фракціи Народной Свободы, въ составленіи которыхъ принималъ дѣятельное участіе самъ А. И.

Примѣч. автора.

выступившій съ рядомъ рѣчей въ общихъ собраніяхъ и съ энергичной работой въ комиссіяхъ. На первый планъ въ этомъ отношеніи должна быть поставлена работа А. И. въ бюджетной комиссіи, начатая имъ еще во второй Думѣ—это разработанный имъ законопроектъ о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы путемъ отмѣны и измѣненія нѣкоторыхъ статей правилъ 8 марта 1906 года, чрезвычайно затруднявшихъ правильное разсмотрѣніе бюджета въ виду такъ называемой «забронированности» цѣлой массы расходовъ во всѣхъ вѣдомствахъ. А. И. въ своемъ выступленіи 15 января 1908 г. подвергъ суровой и обоснованной критикѣ эти правила, доказалъ всю ихъ несостоятельность и стѣснительность съ точки зрѣнія нарушенія правъ народнаго представительства, и благодаря ему Дума громаднымъ большинствомъ признала желательность измѣненія правилъ и передала законопроектъ въ бюджетную комиссію. Въ этой же сессіи А. И. выступаетъ съ большою рѣчью по поводу непроизводительныхъ затратъ на постройку Амурской дороги. Онъ работаетъ въ аграрной комиссіи, которая обсуждала, главнымъ образомъ, встрѣтившій такое сочувствіе у большинства Думы, указъ 9-го ноября о выходѣ изъ общины. Являясь попрежнему горячимъ сторонникомъ и защитникомъ крестьянской общины, А. И. употребляетъ настойчивыя усилія, приводитъ рядъ яркихъ доводовъ и убѣжденій съ цѣлью внести поправки въ указъ 9-го ноября и повліять на работу аграрной комиссіи въ этомъ смыслѣ.

Работа А. И. въ бюджетной комиссіи началась еще съ момента внесенія росписи на 1908 г. Съ этихъ поръ А. И., мало-по-малу захватывая и подробно изучая всѣ отрасли государственнаго хозяйства, становится однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русскаго бюджета и даже въ консервативной третьей Думѣ ему удается при разсмотрѣніи бюджета отстаивать права народнаго представительства, разоблачая непорядки и беззаконія въ расходованіи народныхъ денегъ. Особенно яркимъ было его выступленіе по смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія, встрѣтившее поддержку большинства Думы и закончившееся постановленіемъ Думы о сокращеніи смѣты на одинъ «конституціонный» рубль, чтобы доказать права Государственной Думы измѣнять тѣ расходы, которые представители вѣдомства считали забронированными и неподлежащими измѣненію со стороны Думы. Не менѣе успѣшны были его выступленія и по

смѣтамъ Министерства Торговли и Промышленности, Горнаго Департамента, Министерства Земледѣлія, по вопросамъ государственнаго кредита и т. д.

Въ 1908 году былъ внесенъ на обсужденіе народныхъ представителей русскій бюджетъ, и обсужденіе его выдвинуло на одно изъ первыхъ мѣстъ бывшаго вольнопрактикующаго врача въ деревнѣ—Андрея Ивановича Шингарева, который собственнымъ опытомъ изъ народа черпалъ свое міровоззрѣніе и накоплялъ знанія народно-хозяйственной жизни страны.

Привожу выдержки изъ писемъ за этотъ періодъ его работы.

«Дѣла по горло. Смѣтные вопросы все больше и больше меня привлекаютъ, и несмотря на ничтожные результаты, которые получаются изъ всей работы, все же въ ней только видится нѣкоторый просвѣтъ. Постепенная эволюція конституціонныхъ элементовъ третьей Думы идетъ медленно, но вѣрно. Рѣчи Гучкова не случайны, онѣ были бы совершенно невозможны въ началѣ нашей сессіи, онѣ были бы невозможны даже теперь со стороны кого-либо изъ насъ. Кромѣ скандала, шумнаго протеста и удаленія на 15 засѣданій, не вышло бы ничего. Его же слушали спокойно. Пусть говорятъ, что это оппозиція по-турецки—съ согласія правительства, пусть видятъ въ этомъ выступленіи бреттерство, какъ говорятъ нѣкоторые, все же слова Гучкова—начало образованія либеральной буржуазіи, той, которая у насъ до сихъ поръ была слаба и которая постепенно должна бороться за свою власть. Я не думаю, что его рѣчи повредятъ Думѣ или толкнутъ правительство вправо (какъ утверждаютъ). Мнѣ кажется, что и самому правительству сильно мѣшаютъ безотвѣтственныя лица, а положеніе наше, особенно финансовъ, остается попрежнему затруднительнымъ.

«Это будетъ темой моего послѣдняго выступленія по бюджету. Для оздоровленія финансовъ необходимо оздоровленіе политическое». (Петербургъ, 2 іюня 1908 г.).

«Все время я съ утра и до обѣда занимаюсь, читаю, пишу, изучаю финансы и англійскій языкъ. Отдохнулъ изрядно, настолько изрядно, что снова тянетъ на люди, въ суету жизни. Готовъ опять садиться за просмотръ бюджетныхъ смѣтъ, произносить рѣчи въ дикой обстановкѣ третьей Думы. Послѣзавтра Саша выходитъ изъ тюрьмы [1]). Я пишу ему, что не

[1]) Авторъ, отбывавшій наказаніе за подписаніе Выборгскаго воззванія.

прочь пріѣхать къ нему на день въ началѣ сентября, отвести душу, поболтать и развлечь его невеселыя мысли. Я убѣжденъ, что ихъ пора не только не миновала, но что они скоро будутъ за общественной работой. Незабвенный фактъ ихъ сидѣнія, мнѣ думается, для общества сильнѣе самого Выборгскаго воззванія и во всякомъ случаѣ произвелъ большое впечатлѣніе. Одна встрѣча Набокова крестьянами нѣсколькихъ деревень съ хлѣбомъ и солью чего-нибудь да значитъ. Въ настоящую минуту положеніе, по-моему, весьма неопредѣленное, и никто не угадаетъ, какъ скоро намъ всѣмъ вмѣстѣ снова придется работать надъ созданіемъ представительнаго правленія. Положеніе натянутое можетъ повернуться и въ ту и въ другую сторону. Буду пытаться въ Воронежѣ устроить открытое собраніе «гражданъ», конечно, безуспѣшно, но хотя бы ради демонстраціи отказа». (Петербургъ, 19 августа 1908 г.).

Вторая сессія третьей Государственной Думы 1908—1909 гг. проходитъ у А. И. все въ тѣхъ же работахъ въ комиссіяхъ бюджетной, по крестьянскимъ повинностямъ и по мѣстному самоуправленію. Созданіе волостного земства его особенно интересуетъ и онъ пишетъ мнѣ:

«Относительно Жорданія я уже получилъ письмо и отъ Кишкина и передамъ Чхеидзе. Спасибо и тебѣ за скорый отвѣтъ. Мнѣ жаль, что у тебя такой грустный тонъ письма. Дѣла у меня, конечно, много, но вѣдь ты знаешь, какъ мало толка выходитъ изъ нашей, въ общемъ очень большой работы. Я доволенъ лишь тѣмъ, что вѣрю въ будущее неизбѣжное демократическое развитіе Россіи. Въ Москвѣ я буду 27-го, можетъ быть, и ты пріѣдешь. Мнѣ такъ хочется тебя повидать. Я такъ радъ, что ты пріѣдешь сюда въ январѣ, посмотришь нашу Думу, нашу фракцію, нашу, увы, пока мало результативную работу. Иногда мы страдаемъ отъ отсутствія оцѣнки нашего дѣла свѣжими людьми.

«Посылаю тебѣ проектъ волостного земства. Въ немъ много моихъ пораженій, но еще больше моего труда, принятаго комиссіей. Конечно, до нашего идеальнаго проекта далеко, но вѣдь жизнь не даетъ возможности поймать идеалы нашей теоріи. Проштудируй, пожалуйста, проектъ, позаймись имъ и напиши свое мнѣніе, свои возраженія. Быть можетъ, даже на-

пишешь для «Земскаго Дѣла». Мы стараемся начать разсмотрѣніе проекта еще до Рождества и во всякомъ случаѣ въ январѣ. Проектъ очень интересенъ, какъ попытка создать земскій фундаментъ въ самыхъ низахъ населенія, построенный на демократизмѣ и свободѣ самоуправленія. Очень, очень буду благодаренъ за самую серьезную и даже ругательную критику». (23 ноября 1908 г.).

Свою работу въ области бюджета и финансовъ А. И. самъ характеризуетъ такъ:

«Курсъ бюджетныхъ работъ Думы мало измѣнился съ прошлымъ годомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что острота политической розни, невѣроятныя по своему безстыдству и безобразіямъ выступленія крайней правой, травля оппозиціи, опортунистическая и робкая угодливая политика центра—все то, что является характернымъ для общихъ засѣданій Государственной Думы, въ работахъ бюджетной комиссіи почти отсутствуетъ, уступая мѣсто практически дѣловой работѣ.

«Итоги бюджетной работы минувшей сессіи въ значительной степени сходны съ бывшими въ первую сессію. Та же громадная, мало производительная затрата времени на свѣрку легальныхъ титуловъ и то же безсиліе передъ ненужными бронированными расходами по всяческимъ штатамъ и расписаніямъ, то же обиліе пожеланій и формулъ перехода, главнѣйшія изъ которыхъ правительствомъ—или открыто, или замаскированно—отрицаются, та же ничтожность воздѣйствія на структуру бюджета и его оздоровленіе.

«Руководящее большинство ничего не сдѣлало пока для измѣненія общихъ неблагопріятныхъ условій, связывающихъ бюджетную работу. Нелѣпыя, стѣснительныя правила 8-го марта и до сихъ поръ остаются въ полной силѣ, а законопроектъ объ ихъ радикальномъ измѣненіи, внесенный фракціей Народной Свободы еще въ ноябрѣ 1907 г., и донынѣ не вышелъ изъ подкомиссіи».

Обсужденіе бюджета въ Думѣ и во вторую сессію началось по частямъ съ отдѣльныхъ смѣтъ. А. И. Шингаревъ пытался отъ имени фракціи протестовать противъ такого порядка ненормальнаго и нежелательнаго, но предсѣдательствующимъ пренія не были допущены.

Непрерывный рядъ обсужденій отдѣльныхъ смѣтъ начался

16 февраля—со смѣтъ государственнаго контроля. По поводу этой смѣты въ Думѣ были организованы общія пренія по всей росписи какъ бы взамѣнъ нормальнаго порядка, при которомъ ими открывается обсужденіе бюджета, и затѣмъ идетъ уже разсмотрѣніе отдѣльныхъ смѣтъ. На эту искусственность постановки важнѣйшихъ въ работѣ законодательныхъ установленій общихъ бюджетныхъ преній и было прежде всего указано А. И. Шингаревымъ. Затѣмъ имъ было подробно выяснено стѣсненное положеніе государственнаго казначейства, существующій въ росписи дефицитъ не только въ отдѣлѣ чрезвычайнаго, но и обыкновеннаго бюджета. Съ трудомъ сводящій концы съ концами, дефицитный «конституціонный» бюджетъ ничѣмъ не отличается отъ своихъ дореформенныхъ предшественниковъ. То же огромное развитіе непроизводительныхъ расходовъ, тѣ же громадныя, все увеличивающіяся траты на оборону, управленіе и платежи по займамъ и, наконецъ, та же отсталость производительныхъ расходовъ, недостаточная величина которыхъ обусловливаетъ грозный дефицитъ культурно-хозяйственной жизни страны. Несмотря на тяжелыя финансовыя затрудненія, правительство попрежнему ведетъ свою линію и не желаетъ считаться даже съ весьма умѣренными пожеланіями Думы. Главнѣйшія изъ нихъ остались или вовсе неисполненными, или выполнены совсѣмъ не въ томъ направленіи, о которомъ говорила Дума. Правительство даже этой Думѣ, видимо, не довѣряетъ и дѣлаетъ по-своему. Хищенія и казнокрадство въ различныхъ отрасляхъ казеннаго хозяйства растутъ, затруднительность положенія увеличивается, а въ странѣ продолжается оскудѣніе и разореніе массъ. Уменьшаются сбереженія въ кассахъ, падаетъ потребленіе, земельная мобилизація уменьшаетъ количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, падаетъ промышленность и торговля, дорожаютъ продукты первой необходимости, ухудшается торговый балансъ, и ростъ доходовъ казны угрожающе останавливается. Внѣшній заемъ заключенъ на тяжелыхъ условіяхъ, а внутри страны сборъ податей и недоимокъ принимаетъ видъ карательныхъ экспедицій. Налоговое переутомленіе массъ сказывается во всемъ. Въ то же время попрежнему не желаютъ считаться съ голосомъ народныхъ представителей. Вся рѣчь А. И. Шингарева такъ резюмирована въ его заключеніи: «Дума безсильна и уступчива,

правительство безъ плана и безъ отвѣтственности, а страна въ разореніи». (Отчетъ фракціи Нар. Своб.).

Изъ его рѣчей въ Государственной Думѣ за это время слѣдуетъ отмѣтить рѣчь, произнесенную при обсужденіи Указа 9-го ноября 1906 г., изданнаго правительствомъ въ порядкѣ 87 статьи въ періодъ междудумья и встрѣтившаго рѣзкую критику отъ А. И. еще въ аграрной комиссіи 1907 г. Онъ горячо отстаивалъ общинное землевладѣніе, въ то время какъ правительственный законопроектъ и большинство членовъ Государственной Думы хотѣли превратить надѣльную землю въ объектъ частнаго владѣнія. А. И. въ двухчасовой рѣчи далъ обстоятельный детальный и всесторонній анализъ закона. Онъ вскрылъ истинныя причины, вызвавшія изданіе Указа въ экстренномъ порядкѣ, и остановился на хозяйственномъ значеніи этого закона какъ для различныхъ группъ крестьянскаго населенія, такъ и для всей страны и указалъ на его громадный вредъ въ той формѣ, какъ его проектировала комиссія, и въ той системѣ примѣненія, которая практикуется агентами правительства на мѣстахъ.

Тогда же вмѣстѣ съ П. Н. Милюковымъ, Ѳ. И. Родичевымъ А. И. вошелъ въ составъ Бюро междупарламентской группы, образовавшейся въ концѣ сессіи 1909 года. Первое начало существованію этой группы было положено еще членами первой Государственной Думы—Ѳ. И. Родичевымъ, А. А. Свѣчинымъ и А. В. Васильевымъ, которые участвовали въ Лондонскомъ конгрессѣ междупарламентскаго союза. Во время третьей Думы союзъ этотъ былъ возстановленъ, и въ него вошли самые вліятельные политическіе и общественные дѣятели Англіи.

Фактическое безсиліе Думы въ наиболѣе серьезныхъ областяхъ бюджетной работы, и въ упорядоченіи громаднаго казеннаго хозяйства выступило въ третью сессію съ небывалой до того рѣзкостью.

Хотя бюджетная работа, какъ и въ прошлые годы, была наиболѣе удобной областью для борьбы за осуществленіе конституціонныхъ началъ въ дѣятельности народнаго представительства, общія политическія условія и здѣсь оказали свое господствующее вліяніе. Ни одно изъ крупнѣйшихъ пожеланій и постановленій Государственной Думы прошлыхъ сессій по бюджету не было осуществлено исполнительной властью. Въ

бюджетныхъ преніяхъ, этомъ обширномъ экзаменѣ всѣхъ высшихъ учрежденій государства, А. И. принялъ самое широкое участіе.

Финансовое положеніе государства и текущую роспись доходовъ и расходовъ онъ подвергъ подробной критикѣ въ обширной рѣчи, указавъ на тѣсную зависимость бюджетно-финансоваго равновѣсія отъ общаго направленія политическаго курса правительства. Въ заключеніе общихъ бюджетныхъ преній онъ внесъ слѣдующую формулу:

«Фракція Народной Свободы признаетъ существованіе крупнѣйшихъ недостатковъ въ области бюджета и финансово-экономической политики правительства, находящихся въ тѣснѣйшей связи съ его общей политикой. Фракція много разъ указывала: 1) на отсутствіе въ государствѣ самостоятельнаго и независимаго контроля, что гибельно отражается на государственномъ хозяйствѣ; 2) на крайнюю ограниченность по закону бюджетныхъ правъ Государственной Думы и незаконно установившуюся практику правительства, суживающую и безъ того недостаточныя бюджетныя права народнаго представительства и проявляющіяся, между прочимъ, въ проведеніи вопроса о выдачѣ гарантій частнымъ желѣзнымъ дорогамъ помимо Думы, въ попыткѣ разъясненія ст. 96 Осн. Зак., въ непредставленіи законодательнымъ учрежденіямъ условій состоявшихся государственныхъ займовъ; 3) на упорное нежеланіе правительства представлять комиссіямъ Государственной Думы необходимыя свѣдѣнія въ области исполненія бюджета и отчетовъ государственнаго контроля; 4) на недостаточное развитіе въ государственномъ бюджетѣ культурно-производительныхъ расходовъ; 5) на отсутствіе у правительства финансоваго и экономическаго плана, на непланомѣрное и безхозяйственное веденіе главнѣйшихъ отраслей государственнаго хозяйства, не избавившихся до сихъ поръ отъ массовыхъ злоупотребленій и казнокрадства; 6) на отсутствіе заботъ о развитіи финансовъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, при крайней централизаціи расходованія народныхъ средствъ по государственному бюджету; 7) на крайній вредъ, даже въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи, общей политики правительства, отражающейся въ замедленіи неотложнѣйшихъ реформъ, въ отсутствіи устроенія земскаго хозяйства на окраинахъ, въ опаснѣйшемъ

направленіи узконаціоналистической политики, разъединяющей народности Россійской Имперіи, въ нежеланіи правительства честно и твердо проводить въ жизнь манифестъ 17 октября, что составляетъ его прямую обязанность. Отмѣчая эти крупнѣйшіе недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ считая необходимымъ продолженіе упорной парламентской борьбы за права народнаго представительства и усиленіе значенія Государственной Думы въ бюджетной работѣ, въ дѣлѣ контроля надъ исполнительной властью, видя въ этой работѣ твердый залогъ послѣдовательнаго развитія конституціонной жизни страны, фракція, не предрѣшая своего отношенія къ отдѣльнымъ частямъ росписи, будетъ голосовать за переходъ къ разсмотрѣнію ея отдѣльныхъ номеровъ и параграфовъ». (Отчетъ фракціи Народн. Своб. III сессіи.).

Постепенно прикоснувшись ко всѣмъ сторонамъ русскаго бюджета и внося сознательную струю и творческую мысль въ изученіе финансовъ, А. И. впервые въ 1911 году выступаетъ вмѣсто Н. Н. Кутлера, какъ представитель партіи по общимъ преніямъ по бюджету, и съ этого года начинаются его бюджетные турниры съ В. Н. Коковцовымъ, повторявшіеся потомъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ по разъ установленному порядку; когда каѳедру Государственной Думы оставлялъ В. Н. Коковцовъ, на смѣну ему восходилъ А. И. со своими возраженіями, всегда подкрѣпленными удачно подобранными и краснорѣчивыми примѣрами, фактами, цифрами. Самъ В. Н. Коковцовъ, когда узналъ, что избирательныя права А. И. по Воронежу оспариваются мѣстной администраціей при выборахъ его въ четвертую Думу, сказалъ, что ему не интересно будетъ выступаетъ въ Государственной Думѣ при отсутствіи его постояннаго противника.

Въ этомъ же году А. И. впервые обращаетъ вниманіе на вопросы обороны, разбирая смѣту морского вѣдомства и указывая на неподготовленность морского вѣдомства къ предъявляемымъ ему требованіямъ и несогласованность его дѣйствій съ общимъ планомъ государственной обороны и общую дезорганизованность всего хозяйственнаго управленія. Изъ его выступленій за это время слѣдуетъ указать на слѣдующія рѣчи: «Правительство и государственный контроль» (17 марта 1911 г.), «Исторія вопроса о волостномъ земствѣ, достоинства

и недостатки законопроекта» (14 февраля 1911 г.), «Земскіе начальники, какъ органы надзора за волостнымъ земствомъ» (22 апрѣля 1911 г.), «Бюджетныя права Думы» (2 мая 1911 г.).

Важный и неотложный вопросъ о расширеніи и улучшеніи финансовъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія былъ детально разработанъ А. И. Проектъ внесенъ былъ отъ фракціи Народной Свободы въ Государственную Думу и служилъ предметомъ обсужденія не только въ Думѣ, но и въ научныхъ обществахъ и въ средѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Въ пятую сессію третьей Государственной Думы А. И. подвелъ итоги пятилѣтней дѣятельности Думы въ области бюджета. Онъ указалъ на ея безсиліе добиться расширенія бюджетныхъ правъ, на крупныя нарушенія и урѣзку этихъ правъ со стороны исполнительной власти, на ничтожность положительныхъ результатовъ въ области развитія культурно-производительныхъ расходовъ, на интенсивный ростъ расходовъ непроизводительнаго характера. Имъ были обстоятельно указаны крупные недочеты въ постановкѣ продовольственнаго дѣла и ихъ тяжелыя экономическія послѣдствія—сильное разореніе крестьянскихъ хозяйствъ, громадную убыль скота, усиленную продажу надѣльной земли и безвыходное положеніе крестьянъ-заемщиковъ Крестьянскаго банка. Въ заключеніе онъ указалъ на неустранимую связь между политическимъ положеніемъ и экономическимъ уровнемъ страны, между системой управленія, не основанной на правѣ, законности и разумномъ попеченіи о народномъ благѣ, и задержкой развитія живыхъ производительныхъ силъ страны,—а безъ этой связи немыслима экономическая мощь страны. Онъ закончилъ свою рѣчь такъ: «А русская жизнь далека, гг., отъ законодательныхъ палатъ; русская жизнь далека отъ безсильнаго и безформеннаго законодательства; тщетно ждала она за пять лѣтъ результатовъ вашей работы въ области реформъ, не дождалась ничего, и когда придется вамъ, избави Богъ, передъ нахлынувшей грозой обратиться за помощью къ народу, къ тому огромному россійскому народу, который вмѣстилъ въ себя племена и народности,—что внесли вы въ него за эти годы, кромѣ розни, ненависти, взаимныхъ подозрѣній и распрей? Когда грянетъ эта гроза надъ русской землей, какъ обратитесь вы къ единому дружному отпору врагу отъ того народа, который

ждалъ отъ васъ послѣ японской войны огромной работы, и не скажетъ ли, не вспомнитъ ли онъ вамъ въ эту страшную для государства минуту, въ эту грозную минуту государственной опасности, когда народное чувство, быть можетъ, не пойдетъ за тѣми, кто пожелаетъ его вести въ бой... Вѣдь это страшный моментъ, господа, это ужасающая опасность, и вы ничего для предотвращенія ея за пять лѣтъ не сдѣлали. Надо было реформировать народную жизнь на справедливыхъ началахъ. Вамъ этого сдѣлать не дали, вамъ перечили, вамъ вставляли палки въ колеса, вамъ мѣшали, гдѣ только могли, всякое проявленіе реформы пытались скомкать и смять и ничего не дать. Вспомните, гг., въ эту послѣднюю минуту, подводя вашъ итогъ, вспомните стихотвореніе русскаго народнаго поэта:

Поздно. Народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой,
Горе странѣ разоренной,
Горе странѣ отсталой!..

«Страна отсталой и осталась, гг., итоговъ за это время, кромѣ блестящей свободной наличности, въ народной жизни нѣтъ. Народъ далеко отошелъ отъ законодательныхъ учрежденій, и тѣ тернія, тѣ колючки, которыми связана государственная политическая жизнь, ничего странѣ не дали. Это, гг., грозныя предостереженія для будущаго».

VI.

Наступили выборы въ четвертую Думу. А. И. былъ намѣченъ въ выборщики по 2 куріи гор. Воронежа, какъ имѣющій квартиру въ домѣ своего отца въ Воронежѣ. Но мѣстная администрація потребовала исключенія «члена третьей Думы Андрея Ивановича Шингарева изъ списка избирателей, потому что въ квартирѣ А. И. Шингарева проживалъ все время его отецъ, а А. И. платилъ лишь квартирный налогъ», что, по мнѣнію администраціи, еще не даетъ ему права на цензъ. Очевидно, проживать въ Воронежѣ, будучи депутатомъ, А. И. не могъ одновременно съ пребываніемъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ уплата квартирнаго налога, какъ разъяснялъ Сенатъ, являлась основаніемъ для осуществленія избирательнаго права. Но несмотря на это разъясненіе Сената, А. И. былъ исключенъ изъ списковъ, и тогда партія Народной Свободы выставила его кандидатомъ по Петербургу, тѣмъ болѣе, что со времени третьей Думы его связи съ Петербургомъ съ переѣздомъ туда его и его семьи укрѣплялись все болѣе и болѣе, и А. И. успѣлъ за это время создать себѣ заслуженное имя и громадную популярность въ городскихъ кругахъ столицы.

Надо сказать, что повсюду желаніе видѣть А. И. депутатомъ было единодушно, и на случай его «разъясненія» по Воронежу и Петербургу его друзья приготовили ему безспорный цензъ въ Уфимской губерніи, гдѣ онъ имѣлъ всѣ шансы быть избраннымъ. Но этого не потребовалось, такъ какъ по Петербургу его выборы прошли блестяще.

Въ до-военный періодъ четвертой Государственной Думы работы А. И. мало чѣмъ отличались отъ его обычной работы въ третьей Думѣ. Попрежнему это были работы въ области бюджета, финансовъ и мѣстнаго самоуправленія. Но подавленность

настроенія въ странѣ, которая господствовала въ періодъ работъ третьей Думы, смѣнилась оппозиціоннымъ подъемомъ въ разныхъ общественныхъ кругахъ, который мало-по-малу захватывалъ даже большинство четвертой Государственной Думы. Партіи Народной Свободы, несмотря на все административное давленіе на выборы и устраненіе и разъясненіе нежелательныхъ элементовъ оппозиціи, удалось провести 58 членовъ Думы; среди нихъ вошелъ и А. И., какъ уже имѣющій обширный опытъ по прежнимъ работамъ въ Думѣ и общепризнанное имя одного изъ лидеровъ партіи въ странѣ. И фракція избираетъ предсѣдателемъ П. Н. Милюкова, а товарищемъ его—А. И. Шингарева. Они дружно ведутъ въ Думѣ политику созданія прогрессивнаго большинства.

За время 1912—14 гг. А. И. выступаетъ со слѣдующими большими рѣчами: «Положеніе страны и внутреннія реформы» (8 декабря 1912 г.), «Задачи воспитанія и политика министра Народнаго Просвѣщенія» (25 января 1913 г.), «Хорошіе финансы и плохая политика» (10 мая 1913 г.), «Правительство, Дума и страна» (22 апрѣля 1914 г.), «Правительство и соціальная политика» (24 мая 1914 г.), «Министерство народнаго просвѣщенія и права органовъ самоуправленія» (25 февраля 1914 г.).

Работа четвертой Государственной Думы первыхъ двухъ сессій до войны характеризуется имъ самимъ въ слѣдующихъ двухъ яркихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Утрѣ Юга» подъ заглавіемъ «Предстоящая работа» и «Скука». Привожу извлеченія изъ нихъ.

«Открытіе засѣданій Государственной Думы состоится на дняхъ. Въ теченіе перваго мѣсяца въ новой Думѣ едва успѣло совершиться ея конституированіе, прошедшее съ немалыми треніями, и закончено обсужденіе деклараціи главы правительства принятіемъ прогрессивной формулы перехода, подчеркнувшей необходимость «искренняго осуществленія началъ манифеста 17 октября 1905 года».

«Эта формула содержитъ также опредѣленное утвержденіе, что нормальная законодательная дѣятельность, направленная къ этой главной цѣли, возможна «только при совмѣстной работѣ правительства и законодательныхъ учрежденій», т.-е., иначе говоря, при послѣдовательной ликвидаціи того, что было до сихъ поръ.

«Трудно сказать, какъ сможетъ и какъ сумѣетъ четвертая Государственная Дума сама выполнить установленную ею программу. Пойдетъ ли ея путь по вѣхамъ, намѣченнымъ словами ея предсѣдателя и закрѣпленнымъ прогрессивной формулой, или ее постигнетъ неудача.

«Слова обязываютъ. Слова политическихъ дѣятелей, обязывая ихъ и руководимыя ими группы, не могутъ оказаться въ противорѣчіи съ ихъ дѣлами, не роняя достоинства политической партіи...

«Ничѣмъ, кромѣ декларацiи, не подтверждено о намѣреніи измѣнить курсъ внутренней политики. Но декларація—пока лишь слова, а факты, крупные и мелкіе, повседневные будничные факты и въ центрахъ политической жизни, и въ далекой провинціи—все тѣ же, что и были...

«Единственно бодрой нотой въ этомъ внутреннемъ кризисѣ звучатъ голоса освобождающейся отъ раздробленія силъ и апатіи широкой общественности, земскія и городскія учрежденія, Думы и земскія собранія, многочисленные и многолюдные съѣзды,—все снова говоритъ за то, что самая тяжелая и самая мучительная полоса реакціи, реакціи общественной,—уже пройдена страной. И въ этомъ черпаются надежды и силы на новую предстоящую работу». («Предстоящая работа».).

«Скучно» въ четвертой Государственной Думѣ; томительно проходятъ ея засѣданія, исчезъ горячій пылъ скандалистовъ крайней правой, присмирѣвшихъ и какъ-то точно полинявшихъ послѣ своей памятной «исторической» кампаніи въ третьей Думѣ. Пропала сплоченность право-октябристскаго большинства, уже нѣтъ больше воинственнаго азарта, съ которымъ въ началѣ прошлой Думы представители праваго крыла набрасывались на своихъ лѣвыхъ противниковъ. Нѣтъ нападенія, нѣтъ и отпора. Иные лозунги, иныя «забытыя» слова стали раздаваться изъ центра Думы. Вытащенъ на Божій свѣтъ, казалось, уже пропавшій, партійный документъ, и «честное» осуществленіе манифеста 17 октября принято большинствомъ новой Думы. Казалось бы, только жить... да работать. Однако, на самомъ дѣлѣ идетъ мелкая, томящая канитель. Гребень реакціонной войны уже сломленъ, идейная реакція перестала быть такой стремительной, такой активной, какъ была еще недавно, утихаетъ «противный вѣтеръ», упорно гнавшій государственный корабль къ

старымъ берегамъ, но нѣтъ и свѣжаго попутнаго вѣтра. Мертвая зыбь качаетъ на своихъ безпорядочныхъ волнахъ грузный корпусъ порядочно потрепаннаго бурей судна. Нѣтъ движенія впередъ и нѣтъ даже возможности безъ движенія управлять рулемъ.

«Что можетъ быть томительнѣе для паруснаго судна мертвой зыби? Что можетъ быть тяжелѣе для государственной жизни отсутствія движенія, застой?

«Застой во всемъ управленіи и прежде всего въ законодательныхъ дѣлахъ.

«Ничего крупнаго въ области реформъ еще не внесено правительствомъ. Безсильный конгломератъ политическихъ группъ, составляющихъ четвертую Думу, неспособенъ оживить ея дѣятельность собственнымъ активнымъ творчествомъ, и думская законодательная работа превращается въ царство вермишели»...

«Скука» Таврическаго дворца скорѣе представляется неудовлетворенностью достигнутымъ, нетерпѣливымъ ожиданіемъ движенія впередъ.

«Такъ бываетъ скучно на скоромъ поѣздѣ, застрявшемъ на какой-либо маленькой глухой станціи. Что-то мѣшаетъ ѣхать дальше. Испортилась ли машина, негоденъ ли машинистъ, неисправенъ ли путь, или просто временно не хватило топлива, или завалена холодными снѣжными сугробами дорога, но поѣздъ стоитъ и стоитъ... Въ мучительномъ ожиданіи проходятъ кажущіеся особенно долгими часы ожиданія.

«Пассажиры знаютъ, они глубоко увѣрены, что черезъ нѣкоторое время поѣздъ неизбѣжно пойдетъ впередъ, исчезнетъ глухая станція, забудется досадная остановка, но пока... пока онъ стоитъ, скука ожиданія, бездѣятельнаго, пассивнаго, удручаетъ пассажировъ.

«Страннымъ образомъ, но даже въ современной «скукѣ» Таврическаго дворца больше ободряющихъ нотъ, чѣмъ въ прежней борьбѣ съ большинствомъ третьей Думы. Въ великой странѣ, подъ покровомъ безмолвія и успокоенія растутъ и крѣпнутъ незримыя силы. Онѣ побѣдили недавно на выборахъ, побѣдили вопреки всему, вопреки уродливому безпримѣрному избирательному закону, вопреки открытому и безцеремонному давленію на свободу выборовъ. Онѣ побѣдили... но лишь постольку, чтобы отразить удары реакціи.

«Онѣ оказались достаточно сильны, чтобы ее преодолѣть, но были еще далеко недостаточны, чтобы господствовать.

«Четвертой Думѣ, разбившейся почти на двѣ равныхъ половины, суждено, повидимому, обратиться въ глухую станцію государственнаго поѣзда. Долго ли продолжится остановка. Скоро ли смогутъ рабочіе расчистить путь, прибавить топлива, исправить поврежденія, замѣнить неумѣлыхъ машинистовъ,—кто угадаетъ впередъ.

«Исторія государства шире и безконечно длиннѣе отдѣльной человѣческой жизни. Быть можетъ, многимъ изъ живущихъ не увидѣть вновь идущаго полнымъ ходомъ государственнаго поѣзда Россіи. Лично многимъ изъ нихъ, можетъ быть, тяжело скучное ожиданіе, но общественная скука—случайное и мимолетное явленіе. Вѣдь всѣ, рѣшительно всѣ, убѣждены и знаютъ, что поѣздъ все же пойдетъ, что движеніе впередъ неминуемо, неизбѣжно. Надо только скорѣе расчистить путь, энергичнѣе заниматься починкой, собирать топливо.

«Вѣдь нѣтъ же силъ остановить прогрессивное развитіе громаднаго государства, какъ нѣтъ силъ задержать движеніе земли, какъ были бы безсмысленны попытки остановить пришествіе весны послѣ зимняго холода.

«Она придетъ со своимъ солнцемъ и тепломъ, со своими цвѣтами...

«Скучно, быть можетъ, пассажирамъ поѣзда, но не скучно рабочимъ, которыя трудятся надъ тѣмъ, чтобы онъ скорѣе сдвинулся съ мѣста, да вѣдь и каждый пассажиръ, если захочетъ, можетъ стать въ общую работу.

«Не безнадежная унылая скука въ Таврическомъ дворцѣ, а лишь нетерпѣніе и ожиданіе новыхъ попытокъ борьбы, новыхъ успѣховъ.

«Въ концѣ зимы не скучно ждать весеннихъ дней; затянувшаяся зима, конечно, надоѣдаетъ, но тѣмъ энергичнѣе чистятъ люди старый загрязненный снѣгъ.

«Правда, въ Петербургѣ, какъ извѣстно, весну дѣлаютъ дворники съ метлами. Это скучно и грязно. Но вѣдь и не изъ одного же Петербурга состоитъ Россія. На ея безграничномъ просторѣ уже слышны живыя весеннія воды подъ снѣговымъ еще покровомъ». («Скука»).

Привожу письма его за это время къ моему брату, К. Г. Хрущову.

«У насъ въ Думѣ идетъ пока безтолковщина. Ни правой, ни лѣвой Думы нѣтъ. Изъ двухъ давленій произошло что-то сумбурное и до крайней степени пестрое. Работа наладится не скоро, если только Думѣ суждено жить. Слухи о разгонѣ, конечно, идутъ все время, и мѣшаетъ ихъ осуществленію только отсутствіе желанія и воли власть имущихъ.

«Подготовительныя фракціонныя работы, вмѣстѣ съ начавшимся знакомствомъ съ городскими дѣлами, теперь наполняютъ мое время безъ остатка. Въ городскихъ дѣлахъ, куда я пошелъ безъ колебаній, самое интересное—будущій водопроводъ, канализація, трамвай и реформа финансовъ. Придется прекратить или сократить поѣздки на лекціи въ провинцію, бросить здѣсь все, кромѣ маленькой и большой Думы. Теперь живу минутами безъ перерыва до ночного отдыха. Пока чувствую себя недурно физически и мечтаю на Рождество всей семьей ѣхать въ Воронежъ». (Петербургъ, 27 октября 1912 г.).

«Я такъ много гонялъ послѣднее время по лекціямъ, такъ все остальное время сидѣлъ за бюджетомъ, что не было ни минуты свободнаго времени. 6-го апрѣля уѣзжаю въ австрійскій Карлсбадъ на мѣсяцъ или на три недѣли, если раньше начнутся бюджетныя пренія. Скучно тамъ будетъ, но хочется, чтобы медицина не имѣла повода обвинять меня, какъ непослушнаго паціента.

«Въ Думѣ у насъ безтолковщина, какъ ты знаешь, и колеблющееся большинство вяжетъ руки. Къ тому же и правительство ни одного крупнаго вопроса не внесло, и Дума варится въ собственномъ соку. Вопросы и свои проекты—вотъ все, что у нея есть. Взяли бы назадъ и бюджетъ, если бы было можно. Какъ долго продлится эта каша, трудно сказать, но возможно, что это будетъ еще долгіе годы». (Петербургъ, 9 апрѣля 1912 г.).

«Ни въ австрійскомъ, ни въ русскомъ Карлсбадѣ, кажется, намъ свидѣться не удастся. Я отсюда уѣду 2-го мая, въ Петербургъ, потому что начало бюджетныхъ преній 7—8 мая, а я хочу попасть до нихъ за два дня, чтобы слегка отдохнуть и приготовиться къ спору съ Коковцовымъ. Холодно. Туманно. Всѣ горы покрыты хлопьями угрюмыхъ тучъ, льетъ дождь, почти не переставая. Хорошо еще, что я набралъ груду книгъ и цифровые матеріалы—готовить свою бюджетную рѣчь. Сижу и вывожу проценты прироста вывоза и ввоза, производства вся-

кихъ продуктовъ, изучая такимъ образомъ прогрессъ родной страны. Есть онъ, этотъ прогрессъ, но какой слабый, какой жалкій въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали за тѣ же годы наши сосѣди». (Карлсбадъ, 23 апрѣля 1913 г.).

«Здѣсь все уныло въ обществѣ, и всякій словесный протестъ гаснетъ и глохнетъ въ мертвомъ молчаніи. Всѣ недовольны, всѣ озлоблены, но ничего путнаго не выходитъ. Видно, не такъ просто найти новыя силы, израсходовавъ всѣ запасы въ 1905—1906 году. Въ «сферахъ» прежняя грязная погоня за милостями и глубокое циничное равнодушное на все «наплевать». Даже нѣтъ видимости желанія что-либо сдѣлать. Турниръ съ Коковцовымъ, вошедшій въ ежегодный обиходъ, на этотъ разъ прошелъ особенно оживленно, но... что изъ него!». Петербургъ, 20 мая 1913 г.).

VII.

Наступилъ 1914 г. «Рознь населенія и власти растетъ съ увеличивающейся тревожной быстротой,—писалъ А. И.—Не только ничего не сдѣлано для ея устраненія, но, наоборотъ, все дѣлается, чтобы ее углубить и расширить. Въ тревожной атмосферѣ общественной неудовлетворенности вынужденная бездѣятельность законодательныхъ учрежденій однимъ начинаетъ казаться недопустимой слабостью энергіи, опусканіемъ рукъ, другимъ—спокойствіемъ добравшихся до удобныхъ креселъ Таврическаго дворца депутатовъ, не желающихъ искать новыхъ путей и методовъ борьбы. Не видя выхода и не мирясь съ тревожнымъ положеніемъ страны, одни готовы вѣрить въ близость какого-то «чуда», къ которому надо готовиться, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, и которое откуда-то придетъ, другіе жаждутъ словъ и указаній «вождей», которымъ сверху виднѣе горизонтъ и кратчайшія дороги...». («Тернистый путь». «Русь Вѣд.» 23 февраля 1914 г.).

И вотъ, когда разверзалась эта пропасть между правительствомъ и обществомъ все глубже и глубже, наступила война... и А. И. былъ вынесенъ развернувшимися событіями на самый верхъ отвѣтственной практической работы по оборонѣ страны.

Въ историческомъ засѣданіи Государственной Думы 26 іюля 1914 г. П. Н. Милюковъ подчеркнулъ во вступительныхъ словахъ своей рѣчи, что фракція отнюдь не измѣняетъ своего отношенія къ внутренней политикѣ правительства, а лишь отсрочиваетъ парламентскую борьбу съ нимъ по этимъ вопросамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ отражена общая національная опасность.—«Когда настанетъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственный возможный путь къ внутреннему обновленію Россіи. Мы надѣемся,

что, пройдя тяжкія испытанія, намъ предстоящія, страна станетъ ближе къ своей завѣтной цѣли.

«Въ эту минуту всѣхъ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы. Иная задача, грозная и величественная, стоитъ передъ нами и повелительно требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Намъ нужно сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага, вознамѣрившагося столкнуть насъ съ пути къ міровому господству...

«Въ этой борьбѣ мы всѣ заодно; мы не ставимъ условій и требованій: мы просто кладемъ на вѣсы борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника».

И вотъ въ эту работу со всѣмъ порывомъ его пылкой души, съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ весь уходитъ А. И.

Вопросы обороны еще задолго до войны привлекали вниманіе А. И. при детальномъ разсмотрѣніи смѣтъ военнаго и морского вѣдомствъ, законопроекта о новомъ уставѣ о воинской повинности и, наконецъ, при обсужденіи вопроса въ Государственной Думѣ о такъ называемой «большой программѣ» вооруженій, когда А. И. предсказывалъ, что задуманная программа вооруженій не можетъ быть закончена въ срокъ, когда можетъ начаться война. Тщетно А. И. добивался еще въ третьей Думѣ коренной реформы порядковъ въ морскомъ вѣдомствѣ при обсужденіи кредитовъ на новые броненосцы. Онъ обращалъ вниманіе Думы на подобное же ненормальное положеніе въ другихъ частяхъ нашего военнаго дѣла. Къ сожалѣнію, событія показали, какъ правъ былъ А. И.

Въ связи съ военными событіями измѣнился и характеръ бюджетныхъ работъ Государственной Думы. Отмѣна винной монополіи, такъ единодушно одобрительно встрѣченная всѣми, лишила государство 800 мил. руб. дохода и надо было думать объ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ. Вся тяжесть этой работы въ Государственной Думѣ ложится исключительно на А. И., который вплотную подошелъ къ этому вопросу и въ своихъ прежнихъ работахъ по бюджету, и теперь, принимая самое дѣятельное участіе по разработкѣ этихъ вопросовъ въ Министерствѣ Финансовъ, составляетъ свой планъ финансовыхъ реформъ и выступаетъ въ Государственной Думѣ, и въ прессѣ, и въ научныхъ обществахъ съ своими, имѣвшими огромный успѣхъ докладами на тему: «Война, трезвый бюджетъ и налоги».

Правительство не сумѣло оцѣнить и использовать тотъ національный порывъ къ объединенію, который проявился въ началѣ войны во всѣхъ слояхъ русскаго общества, забывшаго и оставившаго на время свои коренныя разногласія съ властью. Оно оставалось попрежнему глухо къ общественнымъ требованіямъ, подозрительно относясь ко всѣмъ общественнымъ организаціямъ, даже не преслѣдовавшимъ политическихъ цѣлей. Возникшіе Земскій и Городской Союзы помощи больнымъ и раненымъ воинамъ стали предметомъ особаго подозрительнаго вниманія и недоброжелательства со стороны правительства. А. И. становится и въ Думѣ, и въ общественныхъ выступленіяхъ горячимъ сторонникомъ этихъ организацій, избирается членомъ Главнаго Комитета Союза Городовъ и, въ періодъ бездѣйствія четвертой Государственной Думы, принимаетъ на себя предложеніе ѣхать въ Галицію особоуполномоченнымъ отъ Союза Городовъ. Но быстро наступившія событія, созывъ Государственной Думы помѣшали ему тогда осуществить это намѣреніе. Свою поѣздку на русскій фронтъ онъ выполнилъ значительно позднѣе, уже послѣ отступленія русскихъ войскъ изъ Галиціи въ 1915 году. Онъ объѣхалъ тогда не только юго-западный, но и сѣверный фронтъ.

Партія Народной Свободы въ торжественномъ засѣданіи 27 января 1915 г. еще разъ подчеркнула, что война ведется народомъ, что дѣло войны есть собственное дѣло націи, сознавшей свое единство, но отвѣтственность за образъ дѣйствій власти на партіи не лежитъ. Тѣ же мысли, но въ болѣе конкретной формѣ проводитъ А. И. въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи, уже съ 7 января 1915 г. приступившей къ серьезному и детальному обсужденію военнаго бюджета. При общихъ преніяхъ по бюджету А. И. произноситъ одну изъ своихъ сильныхъ рѣчей, касаясь въ ней вопросовъ и внутренней политики. Иллюстрируя рѣчь богатымъ фактическимъ матеріаломъ, онъ показываетъ всю несостоятельность политики Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ особенности его отношеніе къ общественнымъ начинаніямъ, связаннымъ съ войной.

Вотъ два его письма за этотъ періодъ его дѣятельности.

«Я заваленъ письмами и работами, хотя многія изъ нихъ подверглись уничтоженію цензуры и трудъ пропалъ даромъ. Начинается у насъ и политическая работа. Послѣдніе два дня

мы обсуждали въ партійной средѣ вопросъ о польской автономіи, а два дня передъ этимъ Максимъ Горькій, Сологубъ и Андреевъ устроили собраніе для обсужденія польско-русско-еврейскихъ отношеній. Было тягостно и не было самаго главнаго, той «изюминки», которая и въ политической жизни также все скрашиваетъ, какъ и въ личной. Ко всѣмъ занятіямъ прибавилась у меня работа по финансамъ, такъ какъ завтра начинается бюджетная комиссія. Будетъ ли Государственная Дума, еще неизвѣстно. Наверху идетъ борьба. Теперь даже Кривошеинъ попалъ въ либералы, но побѣждаютъ, какъ говорятъ, крайніе правые и вчера разнесся совершенно невѣроятный слухъ о назначеніи Замысловскаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Наконецъ-то нашли хуже Кассо. Да, и если будетъ собрана Дума, то она пройдетъ по щедринской формулѣ: «politique jamais, hourra tougours!»

«Критиковать и ругаться за творимыя безобразія во время войны немыслимо. Хвалить невозможно, молчать тягостно. Положеніе очень не веселое. Какъ видишь, хотя и киплю въ самой гущѣ и толкусь на порогахъ къ дѣлу, но особенно веселаго настроенія нѣтъ. Въ семьѣ бываю мало, а дѣти растутъ». (Петроградъ, 6-го января 1915 г.)

«Попасть на лекцію 12-го мая мнѣ не удалось. Какъ я полагалъ и раньше, этотъ день оказался у меня занятымъ собраніемъ въ память А. М. Колюбакина. Конечно, я не могъ пропустить этого вечера, а онъ на рѣдкость прошелъ удачно. Очень хорошую рѣчь сказалъ Милюковъ, и поистинѣ художественная характеристика была нарисована Винаверомъ. Этотъ послѣдній былъ въ ударѣ, какимъ я его давно не видалъ. Публики было очень много. Были всѣ дѣти и жена покойнаго; былъ его товарищъ по полку, раненый и лечащійся въ лазаретѣ. Было письмо отъ его командира. Все вышло очень искренно, очень трогательно, совсѣмъ не шаблонно и не казенно. Однако, мнѣ было очень тяжело. Я съ трудомъ говорилъ. Не могъ отрѣшиться отъ чувства близкой утраты человѣка, къ которому очень привязался и котораго очень уважалъ. Говорить публично, когда такъ живо чувствуешь утрату, очень тяжело. Только потому, что я не могъ отказаться, я заставилъ себя это сдѣлать. Все время удивлялся мужеству его дѣтей, которыя съ поразительнымъ самообладаніемъ слушали рѣчи. А въ нихъ, какъ

живой, былъ воскрешенъ и внутренній и внѣшній обликъ ихъ отца. Грустно это Рождество. И только потому, что А. М. былъ общественнымъ и политическимъ дѣятелемъ, это общественное чествованіе его памяти было необходимо и обязательно. Послѣ закрытія засѣданія никто не хотѣлъ расходиться. И долго еще затихшая, задумчивая толпа стояла у входа, дѣлясь вполголоса своими впечатлѣніями.

«За это время я попрежнему ѣздилъ въ разные концы Россіи. Былъ въ Архангельскѣ и впервые съ интересомъ приглядывался къ нашему сѣверу. Хорошо было бы попасть туда лѣтомъ. На Пасхѣ, 26-го, ѣду на югъ для контраста, въ Симферополь. И около 6-го апрѣля попаду въ Грачевку чинить домъ для пріѣзда дѣтей». (Петроградъ, 20 марта 1915 г.).

Недочеты въ снабженіи и вооруженіи арміи уже стали обнаруживаться съ января 1915 г. На нихъ указывалъ А. И. въ закрытыхъ засѣданіяхъ Думы. Но то, что говорили шопотомъ въ январѣ, съ мая 1915 г. уже нельзя было скрывать отъ страны, и наше отступленіе изъ Галиціи охватывало жуткимъ подозрѣніемъ всѣхъ. Недовѣріе къ правительству росло, и взоры всѣхъ обращались на Государственную Думу. 19-го іюля 1915 г. Дума, наконецъ, снова собралась, и П. Н. Милюковъ говорилъ отъ партіи Народной Свободы такъ:

«Сегодня мы собрались въ годину тяжкихъ испытаній для родины. Патріотическая тревога народныхъ представителей оказалась, къ несчастью, вполнѣ основательной. Тайное стало явнымъ, и всѣ успокоенія оказались только словами. Страна словами удовлетвориться не можетъ. Народъ хочетъ самъ теперь приняться за дѣло и исправить упущенное. Въ насъ онъ видитъ первыхъ законныхъ исполнителей своей воли. И онъ посылаетъ теперь насъ сюда съ другимъ опредѣленнымъ наказомъ: сказать власти всю правду о странѣ, узнать для страны всю правду о власти и сдѣлать то, что осталось ею недодѣланнымъ».

Въ этотъ періодъ настроеніе въ общественныхъ кругахъ было таково, что необходимость смѣны власти одновременно съ созывомъ Государственной Думы признавалась единодушно всѣми, а въ нѣкоторыхъ кругахъ считали современнымъ поставить требованіе и о созданіи отвѣтственнаго министерства.

Центръ тяжести работы Думы въ виду невозможности от-

крытаго публичнаго обсужденія цѣлаго ряда военныхъ вопросовъ переносится на работу въ двухъ крупныхъ комиссіяхъ— въ бюджетную и военно-морскую. Еще въ засѣданіи Совѣта Старѣйшинъ былъ намѣченъ перевыборъ военно-морской комиссіи съ допущеніемъ въ нее представителей всей оппозиціи. Со времени третьей Думы ея правое большинство, чтобы оттѣнить «революціонность» оппозиціи и ея ненадежность при сохраненіи государственныхъ тайнъ, рѣшило не вводить въ составъ военно-морской комиссіи представителей оппозиціи. И только теперь рѣшеніе это было не только пересмотрѣно, но и во главѣ всей военно-морской комиссіи становится представитель оппозиціи А. И. Шингаревъ, избранный ея предсѣдателемъ въ засѣданіи Государственной Думы 21 іюля 1915 г. и замѣнившій собой на этомъ посту праваго предсѣдателя П. Н. Балашова. Такъ, въ лицѣ А. И., объединилось общественное мнѣніе страны и Думы въ вопросахъ обороны государства. Это дало ему большое нравственное удовлетвореніе. Государственная Дума въ моментъ своего наивысшаго національнаго подъема остановила свой выборъ на А. И. и тѣмъ самымъ признала его исключительныя заслуги на пользу страны.

Вотъ какъ мотивировали націоналисты избраніе А. И.:

«Въ комиссію обороны нужны теперь только энергичные, опытные и независимые люди. А. И. Шингаревъ хорошо проявилъ въ бюджетной комиссіи свою громадную работоспособность и свое умѣніе къ самостоятельной критикѣ. Поэтому онъ на предсѣдательскомъ креслѣ въ этой комиссіи вполнѣ на своемъ мѣстѣ».

— «Я,—говоритъ націоналистъ Савенко,—считаю А. И. Шингарева человѣкомъ исключительной работоспособности, и съ этой стороны онъ можетъ оказаться весьма полезнымъ предсѣдателемъ. Бываютъ положенія, когда функціи контроля и критики независимая оппозиція можетъ выполнить лучше, чѣмъ партіи, которыя по временамъ грѣшили излишнимъ угодничествомъ предъ властью. Поэтому А. И. Шингаревъ на своемъ посту можетъ оказаться незамѣнимымъ. Наконецъ, нельзя скрывать, что оппозиціонное теченіе въ странѣ довольно сильно и одно избраніе Шингарева предсѣдателемъ военно-морской комиссіи можетъ внести успокоеніе въ эту часть населенія».

Съ сознаніемъ тяжелой отвѣтственности, возложенной на

него новымъ избраніемъ, принимается А. И. за работу съ присущей ему добросовѣстностью, изучая всѣ детали постановки военно-морского дѣла, составивъ широкую программу опроса подлежащихъ вѣдомствъ о состояніи обороны. Полученные А. И. черезъ военно-морскую комиссію обширные матеріалы послужили основаніемъ для составленія записки, которая была доложена А. И. государю при открытіи особыхъ совѣщаній 22 августа.

Не мало труда положилъ А. И. въ разработкѣ положенія объ особомъ совѣщаніи по оборонѣ государства, внесенномъ въ Государственную Думу отъ партіи Народной Свободы и заключавшемся въ созданіи независимаго органа по снабженію арміи въ видѣ отдѣльнаго вѣдомства. Какъ извѣстно, особое совѣщаніе по оборонѣ государства было образовано, но на иныхъ началахъ въ видѣ совѣщательнаго органа при Военномъ Министерствѣ, туда также вошелъ А. И., какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и вліятельныхъ членовъ Думы.

Интересная оцѣнка дѣятельности А. И., какъ предсѣдателя военно-морской комиссіи, дана въ одной изъ большихъ французскихъ газетъ «Le Journal». Во время пребыванія А. И. во Франціи въ 1916 г. онъ помѣстилъ тамъ свою статью подъ заглавіемъ: «Что сдѣлала и сдѣлаетъ Россія», въ которой указалъ, что военная комиссія Государственной Думы исполнила задачу, которая во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ задачѣ ея великой сотоваркѣ во Франціи—сенатской военной комиссіи. Конечно, она не пользуется той контрольной властью, которой пользуется французская сенатская комиссія, но такъ же, какъ эта послѣдняя, она представляетъ силу общественнаго мнѣнія и истиннаго народнаго патріотизма, и это достаточно.

Статья эта сопровождалась слѣдующимъ редакціоннымъ примѣчаніемъ:

«Между делегатами Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, которые только что были нашими гостями, А. И. Шингаревъ, предсѣдатель военно-морской комиссіи Думы, является одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей. Дѣйствительно, это именно ему, его проницательности и энергіи, обязана русская армія тѣмъ, что владѣетъ, наконецъ, организаціей и снаряженіемъ, которыхъ ей недоставало въ началѣ войны и благодаря которымъ въ данный моментъ она одер-

жала столь блестящія побѣды. А. И. Шингаревъ выразилъ желаніе написать для «Le Journal» настоящую статью, въ которой онъ говоритъ о сущности усилія, необходимаго для ускоренія побѣды».

Здѣсь нельзя пройти молчаніемъ о роли А. И. въ такъ называемомъ прогрессивномъ блокѣ, созданіе котораго составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ П. Н. Милюкова, сумѣвшаго объединить подъ вліяніемъ общей бѣды всѣ государственно мыслящіе конституціонные элементы Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Этотъ блокъ предопредѣлилъ весь дальнѣйшій ходъ работъ четвертой Государственной Думы, и первымъ основнымъ требованіемъ его было:

«Созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы.

«Рѣшительное измѣненіе примѣнявшихся до сихъ поръ пріемовъ управленія, основывавшихся на недовѣріи къ общественной самодѣятельности, въ частности: а) строгое проведеніе начала законности въ управленіи, б) устраненіе двоевластія военной и гражданской власти въ вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ веденію военныхъ операцій, в) обновленіе состава мѣстной администраціи, г) разумная и послѣдовательная политика, направленная на сохраненіе внутренняго мира и устраненіе розни между національностями и классами».

А. И. со свойственной ему мягкостью вносилъ въ работу прогрессивнаго блока много практически цѣлесообразнаго, примирявшаго разные оттѣнки политической мысли входящихъ въ блокъ представителей партій. И программа предстоящихъ Государственной Думѣ законодательныхъ работъ, обсужденная блокомъ, была разработана и доложена А. И. Совѣту Старѣйшинъ, гдѣ горячо имъ отстаивалась противъ нападокъ крайнихъ правыхъ. Созданный изъ здороваго начала Государственной Думы прогрессивный блокъ, руководимый П. Н. Милюковымъ, закрѣпилъ свое положеніе не только въ Думѣ, но и въ странѣ, чему не мало способствовалъ А. И. своими политическими выступленіями. Для правительства оставалось или подчиниться его вліянію, или продолжать свою линію поведенія,

имѣя противъ себя уже большинство Государственной Думы. Правительство предпочло послѣднее, и 3 сентября 1915 г. Государственная Дума неожиданно распускается, чтобы снова собраться только 9-го февраля 1916 г.

Большинство Думы, объединенное еще болѣе окрѣпшимъ прогрессивнымъ блокомъ, подтвердило свою прежнюю точку зрѣнія и устами предсѣдателя прогрессивнаго блока С. И. Шидловскаго въ первомъ же засѣданіи, между прочимъ, заявляло:

«Полгода тому назадъ сознаніе необходимости дружнѣе сплотиться, лучше организовать и использовать всѣ свои наличныя силы и сдѣлать войну дѣйствительно всенародной объединило думское большинство и побудило его взаимными уступками устранить прежнія разногласія и сговориться о способахъ достиженія общей цѣли и сказать правительству свое единое мнѣніе. Страна, въ лицѣ многочисленныхъ общественныхъ организацій, въ лицѣ земствъ, городовъ и союзовъ поддержала мнѣніе своихъ представителей.

«Начатое Государственной Думой дѣло созданія всенароднаго Союза обороны приковало къ себѣ надежды всѣхъ слоевъ населенія. Дѣло это было прервано неожиданной отсрочкой занятій Государственной Думы. Правительство, одно не сознавшее повелительной необходимости національнаго сплоченія, отвергло единую мысль всей страны и предпочло идти своей собственной дорогой. Всеобщее желаніе, чтобы страна могла довѣрять своему правительству и чувствовать себя единымъ съ нимъ, было злостно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть... Въ главу мѣръ, необходимыхъ для стройной организаціи страны, большинство Государственной Думы продолжаетъ ставить созданіе правительства изъ лицъ, способныхъ и знающихъ, сильныхъ довѣріемъ страны, готовыхъ рѣшительно измѣнить примѣнявшіеся доселѣ способы управленія и могущихъ работать въ согласіи съ народнымъ представительствомъ».

А. И. выступилъ въ Государственной Думѣ, какъ и обычно, въ общихъ преніяхъ по бюджету 16 февраля 1916 г., указалъ, что рѣшеніе будущей проблемы и возстановленіе равновѣсія бюджета заключается не только въ финансовомъ, но и экономическомъ планѣ и напомнилъ слова Сперанскаго, сказанныя 100 лѣтъ тому назадъ: «нельзя желать наукъ, коммерціи, про-

мышленности и не допускать ихъ естественныхъ послѣдствій— желаніе свободы. Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ разбиться о первый камень самовластія? Жалуются на запущенность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія порядка, ихъ охраняющаго?».

Слѣдующей его рѣчью было освѣщеніе дѣятельности государственнаго контроля съ признаніемъ необходимости его полной независимости и неподчиненности никому, а съ другой стороны, необходимости отстраненія контроля отъ участія въ совѣтѣ министровъ. «Положеніе нашего государственнаго контролера невѣроятно двойственно; два лица у нашего контролера: съ одной стороны, онъ ревизоръ законности и цѣлесообразности всѣхъ дѣйствій государственнаго аппарата, а съ другой стороны, онъ самъ участникъ и соучастникъ того, что дѣлаетъ этотъ аппаратъ. Какимъ образомъ соединить въ себѣ двѣ души: одну ревизорскую, а другую исполнительную? Какъ можетъ онъ самъ контролировать свои собственныя дѣйствія?».

Какъ предсѣдатель военно-морской комиссіи, въ апрѣлѣ 1916 г. онъ входитъ въ составъ думской делегатской комиссіи, которая вмѣстѣ съ членами Государственнаго Совѣта должна была поѣхать въ Англію, Францію и Италію по приглашенію союзныхъ правительствъ для изученія постановки военнаго дѣла въ союзныхъ съ нами странахъ и выясненія возможности осуществленія нашихъ военныхъ заказовъ заграницей.

Результаты поѣздки этой заграничной делегаціи, въ которой дѣятельное участіе принималъ А. И., его впечатлѣнія, встрѣчи съ выдающимися общественными дѣятелями Франціи, Англіи и Италіи, офиціальные пріемы у короля, президента и другихъ представителей власти подробно изложены А. И. въ веденномъ имъ за это время дневникѣ. Разработанная часть этого матеріала въ видѣ очерковъ появилась въ печати въ газетѣ «Рѣчь» подъ заглавіемъ «За рубежомъ» и представляла такой интересъ, что издательство Маркса пріобрѣло у А. И. право на изданіе этихъ очерковъ отдѣльной книгой.

«Два мѣсяца пришлось мнѣ провести за границей въ составѣ русской парламентской делегаціи, посѣтившей, по приглашенію союзныхъ правительствъ, Англію, Францію и Италію. Никогда еще до сихъ поръ не переживалось за такой промежутокъ вре-

мени такъ много полныхъ захватывающаго интереса разнообразныхъ и многочисленныхъ впечатлѣній. Незабываемые шестьдесятъ дней непрерывной и живой кинематографической ленты. Дорога, переѣздъ черезъ море, новые страны и города, новые люди, главы государствъ и правительствъ, выдающіеся политическіе и общественные дѣятели, торжественные банкеты, рѣчи, дѣловые бесѣды и споры, столицы, захолустные уголки и громадные промышленные города, осмотры многихъ крупнѣйшихъ заводовъ и фабрикъ, привѣтствія десятковъ тысячъ рабочихъ, улицы и площади городовъ, залитыя народомъ, трогательное и горячее гостепріимство, поѣздки на фронтъ и на мѣста прежнихъ сраженій, безлюдныя съ виду, изборожденныя траншеями, переходами, укрытіями и дорогами передовыя линіи фронта съ полями, взвороченными снарядами, съ остатками обломанныхъ, обугленныхъ, искалѣченныхъ «лѣсовъ», съ разрушенными деревнями, съ бодрыми, спокойными, увѣренными войсками — все это прошло передъ глазами, врѣзалось въ память.

«Нѣтъ возможности по условіямъ времени и мѣста передать все видѣнное: многое, поневолѣ, должно остаться неопубликованнымъ»,—такъ начинается его дневникъ «За рубежомъ».

Не все изъ этого дневника его заграничнаго путешествія можетъ быть, къ сожалѣнію, напечатано. Дневникъ велъ А. И. лично для себя, каждый день и въ вагонѣ, и на кораблѣ, и въ гостиницѣ онъ заносилъ въ него свои впечатлѣнія.

Въ рукописи этотъ дневникъ носитъ названіе «Какъ это было», которымъ впослѣдствіи А. И. озаглавилъ и другой свой дневникъ изъ тюрьмы. Дневникъ открывается записью въ вагонѣ (за Выборгомъ) 16 апрѣля:

«Поѣздка долго не налаживалась. Мѣнялись у другихъ партій кандидаты... Въ Ц. К. возникли опасенія за нашу безопасность, за цѣлость блока. Почти всѣ были противъ поѣздки и особенно находили, что время не подходящее. Предстоятъ серьезныя военныя событія. Возможны внутреннія осложненія. Нельзя обоимъ лидерамъ уѣзжать въ такое серьезное время. Поѣздка лишена значенія и никакихъ серьезныхъ результатовъ дать не можетъ. Два засѣданія шли споры, которые вкратцѣ повторились во фракціи. Мнѣ все это казалось неосновательнымъ, опасенія за жизнь—малодушіемъ, ожиданіе осложненій

внутреннихъ и внѣшнихъ—неправильнымъ расчетомъ возможнаго. Такъ быстро событія идти не могутъ...

«Дома то молчаливое недовольство, то сдержанный протестъ. Тутъ всего больше близкой боязни и тревоги. Все уладилось, наконецъ...

«Сегодня проснулся въ 4 часа, вчера написалъ всѣ обязательныя статьи и письма. Теперь спокоенъ. Утромъ не могъ найти извозчика, дѣти донесли вещи, въ трамваѣ поѣхали провожать на вокзалъ. Только Аленушка осталась дома на балконѣ, да Воля въ своей школѣ.

«На вокзалѣ проводы, встрѣча попутчиковъ, половина поѣзда знакомыхъ. Скучная позировка передъ фотографами, обрывки разговоровъ. Затѣмъ мелькнувшія въ окнахъ лица на платформѣ.

«Поѣхали...».

Его письма къ женѣ дополняютъ, а отчасти въ сжатомъ видѣ повторяютъ записи дневника. Привожу наиболѣе интересныя выдержки изъ нихъ.

«Я много писалъ тебѣ съ дороги, но, конечно, нахожусь въ полной неизвѣстности, дошло ли до тебя хотя одно письмо. Мы уже второй день въ Лондонѣ. Я описывалъ тебѣ наше путешествіе, полное таинственности и измѣненій въ дорогѣ на англійскомъ крейсерѣ отъ Бергена до самой сѣверной оконечности Шотландіи. Англичане приняли всѣ мѣры предосторожности и, очевидно, даже преувеличиваютъ свои заботы о насъ. Здѣсь мы помѣщены въ очень аристократическомъ отелѣ, тихомъ и удобномъ. Я рядомъ съ Павломъ Николаевичемъ, между нами ванна и уборная. Первые дни прошли въ толкотнѣ и коекакихъ покупкахъ, завтра насъ принимаетъ король, потомъ будетъ обѣдъ съ министрами, и такимъ образомъ начнется длинный рядъ офиціальныхъ пріемовъ и обѣдовъ. Надо сказать, что безъ языка очень неудобно, такъ какъ здѣсь почти никто не говоритъ по-французски. Заказы платья, если бы не были съ нами знающіе люди, были бы совершенно невозможны. Пришлось купить дурацкій цилиндръ, перчатки и пр. Оказывается, готоваго платья почти совсѣмъ здѣсь нѣтъ и все надо шить. Къ королю надо идти въ визиткѣ, которой у меня нѣтъ, или въ сюртукѣ. Мой старый сюртукъ пригодится, несмотря на свою заслуженность...

« ...Вечеромъ въ гостиницѣ у насъ былъ маленькій концертъ,

я было пошелъ туда, но скоро возвратился назадъ: дамы разодѣты впухъ или, вѣрнѣе, полураздѣты; хотя я былъ въ смокингѣ и пр., но это общество расфранченныхъ людей было не по душѣ; какъ-то непріятно глядѣть на все это во время войны... Вчера же послѣ обѣда была у насъ интересная поѣздка съ Ичасомъ въ Литовскую колонію на окраинѣ Лондона. Это настоящая крестьянская демократія Литвы, кочующая между Америкой и Россіей, войной загнана въ Лондонъ. Многіе здѣсь живутъ уже давно. Женщины и дѣти не понимаютъ по-русски. Мужчины говорятъ хорошо. Насъ встрѣтили трогательно, просто и очень радушно. Толпа стояла уже на улицѣ, въ залѣ было тѣсно, толпа разступилась, мы прошли подъ аккомпанементъ оркестра, игравшаго какой то маршъ. У эстрады стояло нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ 7—9 лѣтъ съ букетами цвѣтовъ. Ичасъ говорилъ по-литовски, толпа жадно слушала и было трудно не поддаться этому очарованію устремленныхъ на него почти благоговѣйныхъ глазъ. Женщины, дѣти, даже совсѣмъ крошки, подростки, старики—всѣ, затая дыханіе, слушали родную рѣчь, изъ которой мы не поняли ни единаго слова. Потомъ насъ привѣтствовалъ ихъ патеръ, съ трудомъ говорившій по-русски. Гурко отъ Государственнаго Совѣта и Протопоповъ отъ Думы благодарили за привѣтъ и желали имъ всѣмъ возвратиться на родную землю подъ сѣнь великой Россіи. По окончаніи рѣчей дѣвчурки въ бѣлыхъ платьицахъ толпой чинно поднялись на эстраду и поднесли намъ букетики цвѣтовъ, бѣлыхъ, какъ ихъ одежда и волосы. Одна изъ нихъ лѣтъ 9 пропѣла маленькую пѣсенку. Ичасъ перевелъ намъ ее. Она пѣла, что хотѣла бы быть птичкой, полетѣть на Литву, разсказать о насъ и намъ передать все, что творится теперь на несчастной родинѣ. Нѣжный дѣтскій голосокъ, простая, наивная и очень старая мелодія, грустный тонъ производили сильное впечатлѣніе. Мы разстались также трогательно, раздавая цвѣты изъ букета окружающимъ насъ простымъ и милымъ людямъ.

«Позавчера, т.-е. въ первый же день къ вечеру, мы съ Павломъ Николаевичемъ, Ичасомъ и гр. Олсуфьевымъ были на лекціи Діонео, т.-е. Исаака Владимировича Шкловскаго. Его жена, Зинаида Давыдовна, очень обрадовалась ихъ старому знакомому и другу—Милюкову. Мы познакомились быстро. Онъ удивительно простой, типичный русскій интеллигентъ. Его лек-

ціи о Сервантесѣ ты можешь прочесть въ ближайшемъ номерѣ Русскихъ Записокъ (бывш. Русское Богатство). Очень тонко, съ большимъ знаніемъ и вдумчивостью написанная вещь была прочитана имъ скороговоркой отъ смущенія и застѣнчивости. Его жена, когда-то очень красивая, хотя съ типично-еврейскимъ лицомъ, насъ позвала ужинать. Тамъ я познакомился съ ихъ рыженькой 9-лѣтней дочкой. Эта миссъ не говоритъ по-русски, болтаетъ по-англійски и по-французски очень живо и занятно. Ихъ единственный сынъ въ англійской арміи. Было нѣсколько эмигрантовъ, большей частью евреевъ, былъ патріархъ мѣстной колоніи Тепловъ, товарищъ Чайковскаго, семидесятникъ. Лекція была въ пользу русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи. Вся эта группа, заброшенная на чужбинѣ, столь оскорбленная у себя на родинѣ, здѣсь мечтаетъ только о русской побѣдѣ. Это ужасно тяжело, когда вспомнишь, какъ третируетъ ихъ наша офиціальная Россія.—Цѣлую всѣхъ. Здѣсь пробудемъ 10—12 дней». (22 апрѣля 1915 г.).

«Не знаю даже, застанетъ ли тебя это письмо въ Петроградѣ. Насъ такъ кружатъ и таскаютъ, что буквально ни отдыху, ни сроку. Пріемы смѣняются осмотрами фабрикъ, заводовъ, флота, войскъ, посѣщеніями министровъ и т. д. Всѣ здоровы и я въ особенности. Совсѣмъ не усталъ пока, но занятъ съ 7 ч. утра до 1 ч. ночи, и сплю, какъ убитый. Не могу описать тебѣ всего, что я здѣсь видѣлъ, прямо нѣтъ физической возможности. Стараюсь вести дневникъ въ вагонѣ ж. д., чтобы не перезабыть всѣхъ главнѣйшихъ впечатлѣній. По немъ буду и вамъ всѣмъ разсказывать, и самъ воспроизведу много подробнѣе. Но читать каракули, написанныя въ экспрессахъ, которые ходятъ здѣсь со скоростью 100 верстъ, будетъ не легко. Сегодня мы ѣдемъ во Францію. Еще не знаю какимъ путемъ, но выѣзжать надо немедля, не могу даже кончить письма, торопятъ. Поѣздку обставляютъ такъ же таинственно, какъ и изъ Швеціи сюда. Цѣлую тебя крѣпко. Телеграфируй въ Парижъ о здоровьѣ всѣхъ. Цѣлую дѣтей». (7 мая 1915 г.).

«Не удивляйся почерку. Въ Англіи все консервативно до невѣроятія. Эти первыя строки я пишу тебѣ перомъ, которымъ писали наши дѣды—гусинымъ. Эти перья лежатъ здѣсь на письменныхъ столикахъ, но я все же беру простое стальное перо, чтобы продолжать. Такъ мало времени, что съ трудомъ

урываешь минуты. Письма, газеты, книги, пріемы, поѣздки и пр. наполняютъ мой день съ 8 ч. утра до 1 ч. ночи. Пріемы разные—и скучные, и очень интересные. Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ былъ въ палатѣ лордовъ. Тамъ много архаизма, глубокой сѣдой старины, и такъ много новаго содержанія. Если старообрядцы говорили Александру II-му, что «въ твоей новизнѣ, государь, намъ старина наша слышится», то здѣсь можно было бы сказать обратное: «въ вашей древней формѣ звучитъ новая жизнь». Эту мысль я выразилъ одному изъ лордовъ, съ которымъ бесѣдовалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.—«Въ Евангеліи, сказалъ я, Спаситель говоритъ: не вливаютъ вино новое въ мѣхи старые. И вино пропадаетъ и мѣхи разорвутся. А у васъ въ Англіи въ очень, очень старые мѣхи все время вливаютъ новое вино. И мѣхи крѣпки и вино хорошо!»—Онъ нашелъ, что это вѣрное замѣчаніе, «но вливаютъ это новое содержаніе у насъ очень, очень медленно!».

«Вообрази себѣ: передъ началомъ засѣданія спикеръ (предсѣдатель палаты общинъ) надѣваетъ черную мантію, парикъ и идетъ по коридорамъ, впереди несутъ жезлъ, идутъ два герольда, которые кричатъ: «пусть иностранцы уходятъ!». Хвостъ мантіи со спикеромъ несутъ пажи, секретари по бокамъ спикера въ сѣдыхъ парикахъ. Открывается засѣданіе молитвой. Часовъ въ 10—10$^1/_2$ вечера по коридорамъ идутъ привратники и кричатъ: «Кто идетъ домой»?.

«Такъ было въ средніе вѣка, когда въ одиночку было опасно ходить по улицамъ, и члены парламента собирались группами. Депутаты сидятъ на длинныхъ скамейкахъ, мѣста всѣмъ не хватаетъ. Говорятъ рѣчи съ мѣстъ. Правительство тутъ же на первой скамейкѣ—отвѣчаетъ подходя къ столу, опираясь на ящикъ, въ которомъ лежитъ Евангеліе и клятва. Въ палатѣ лордовъ еще больше остатковъ сѣдой старины. Лордъ-канцлеръ предсѣдатель сидитъ на мягкомъ диванѣ, называющемся wool sack, т.-е. мѣшокъ съ шерстью. Такъ было 500—600 лѣтъ назадъ. Онъ также въ парикѣ и мантіи.

«Вся форма переноситъ зрителя въ XIII—XIV вѣкъ, а содержаніе самое животрепещущее, самое жизненное, быстро приспособляющееся къ современной нуждѣ государства.—Не знаю, когда ты получишь это письмо. Цѣлую всѣхъ. Еще долго буду странствовать. Послѣ завтра снова ѣду въ Шотландію на заводы».

Вернулся А. И. только къ послѣднему засѣданію Государственной Думы въ маѣ 1916 г. передъ роспускомъ ея на продолжительныя лѣтнія каникулы. Обстоятельный дѣловой докладъ о своей поѣздкѣ онъ сдѣлалъ въ военно-морской комиссіи и выступилъ затѣмъ въ засѣданіи Государственной Думы съ общимъ докладомъ о заграничной парламентской делегаціи, какъ предсѣдатель военно-морской комиссіи.

Послѣ долгаго лѣтняго перерыва только 1 ноября 1916 года собралась Государственная Дума на свою пятую сессію. Минуло 27 мѣсяцевъ войны. Условія народной жизни подъ вліяніемъ міровыхъ событій и преступнаго небреженія власти усложнялись съ каждымъ днемъ, правительство и власть не безъ вліянія старца Распутина съ прежнимъ упорствомъ отказывалась опереться въ своей работѣ на общественныя силы и авторитетъ Государственной Думы. Вся страна уже была объята недовольствомъ и видѣла выходъ изъ положенія въ активномъ воздѣйствіи на власть со стороны Государственной Думы для выполненія требованій прогрессивнаго блока.—«Нынѣ мы вновь поднимаемъ свой голосъ уже не для того, чтобы предупредить о грозящей опасности, а для того, чтобы сказать, что правительство въ настоящемъ своемъ составѣ не способно съ этой опасностью справиться... и должно уступить мѣсто лицамъ, объединеннымъ одинаковымъ пониманіемъ задачъ переживаемаго момента и готовымъ въ своей дѣятельности опираться на большинство Государственной Думы и провести въ жизнь его программу».—говорилъ С. И. Шидловскій отъ лица прогрессивнаго блока въ первомъ же засѣданіи Думы.

— «Кучка темныхъ личностей руководитъ въ личныхъ и низменныхъ интересахъ важнѣйшими государственными дѣлами, изъ края въ край земли русской расползаются темные слухи о предательствѣ и измѣнѣ, слухи эти забираются высоко и никого не щадятъ... Во имя милліоновъ жертвъ и потоковъ пролитой крови, во имя достиженія нашихъ національныхъ интересовъ, во имя нашей отвѣтственности передъ тѣмъ народомъ, который насъ сюда послалъ, мы будемъ бороться, пока не добьемся настоящей отвѣтственности правительства»,—говорилъ П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи.

Таковы были настроенія въ Думѣ. Ничто не измѣнилось. Произошла только смѣна лицъ, именъ, фамилій, а система, ре-

жимъ остались тѣ же, вдохновляемые все тѣми же безотвѣтственными «распутинскими» силами, толкавшими страну въ пропасть, и Пуришкевичъ послѣ деклараціи Трепова закончилъ свою рѣчь, обращаясь къ совѣту министровъ, такъ:—«Если вы вѣрноподанные, если слава Россіи, ея мощь, будущее, тѣсно и неразрывно связанное съ величіемъ и блескомъ царскаго имени, вамъ дороги, ступайте туда, въ царскую ставку, киньтесь въ ноги государю и просите царя позволить раскрыть глаза на ужасную дѣйствительность, просите избавить Россію отъ Распутина и распутинцевъ большихъ и малыхъ... да не будетъ Гришка Распутинъ руководителемъ русской внутренней общественной жизни!».

Помимо общеполитическихъ темъ, продовольственный вопросъ все болѣе и болѣе захватываетъ вниманіе Думы. И въ военно-морской комиссіи, и въ особыхъ совѣщаніяхъ по оборонѣ государства и по продовольствію А. И. удѣляетъ исключительное вниманіе этому вопросу. Продовольственная разруха угрожала неисчислимыми бѣдствіями и многомилліонной арміи и городамъ. Разъединенныя и несогласованныя между собой мѣры правительства не могли предотвратить надвигавшуюся катастрофу, и 24 ноября А. И. выступаетъ въ Государственной Думѣ съ рѣчью такого содержанія:

«И вотъ эти непорядки въ тылу, эта разруха по самому серьезнѣйшему вопросу государственной жизни въ данный моментъ является наиболѣе грознымъ вопросомъ... Врагъ нашъ такъ опредѣляетъ нашу родину: «знаете ли вы страну, въ которой все есть и ничего нѣтъ». Въ этой злой насмѣшкѣ много, много правды. Это война на истощеніе.

«Продовольственный вопросъ—это дѣло всей объединенной власти, это обязанность всего совѣта министровъ, а не одного министра земледѣлія, который приходитъ сюда и говоритъ, что онъ отвѣта дать не можетъ, въ то время, какъ вся страна съ напряженнымъ вниманіемъ ждетъ, что же сдѣлаетъ власть, что сдѣлаютъ законодательныя учрежденія въ этомъ продовольственномъ вопросѣ. А гдѣ они, что они дѣлаютъ въ моментъ этого серьезнаго, громаднаго и грознаго вопроса государства?.. Пустое мѣсто не только здѣсь, пустое мѣсто въ совѣтѣ министровъ, въ которомъ нѣтъ ни знанія, ни плана, ни системы! Громадная война, потребовавшая огромной предусмотритель-

ности, во всѣхъ государствахъ, вездѣ вызвала громаднѣйшую работу исполнительной власти. Что же дѣлала эта власть у насъ передъ стоявшими передъ нею экономическими вопросами, вопросами государственнаго бытія послѣ войны и во время войны, вопросами матеріальнаго порядка? Гдѣ работы финансово-экономической комиссіи? Страна и даже Государственная Дума не знаютъ, какъ организовано продовольственное дѣло, какіе законы этимъ управляютъ, какія лица это производятъ. Нѣтъ продовольственнаго плана, нѣтъ даже учета продовольственныхъ запасовъ. Тщетно пытались выяснить этотъ вопросъ въ военно-морской комиссіи. Мы пожинаемъ плоды прежней близорукой дѣятельности нашего правительства.

«Война до конца требуетъ дальнѣйшихъ нашихъ усилій, а потому какая планомѣрность, какое детальное знакомство съ вопросомъ, какой подсчетъ, какая бережливость и самая суровая должна быть водворена въ странѣ для того, чтобы она могла вести эту войну еще долго! Война требуетъ жертвъ, и долгъ гражданина—эти жертвы государству отдать. Напрасно теперь говорить о томъ, выгодны или невыгодны твердыя цѣны на хлѣбъ, дешево или дорого назначены эти цѣны. Насталъ моментъ, гг., съ этого мѣста вамъ сказать народу: насталъ моментъ жертвовать, государство требуетъ вашего хлѣба, безъ хлѣба не можетъ обойтись армія, безъ хлѣба не могутъ обойтись люди, обслуживающіе армію. Вотъ, что должны сказать вы народу отсюда, и народъ отдастъ этотъ хлѣбъ такъ же, какъ онъ отдавалъ своихъ дѣтей!

«Надо ввести эту хлѣбную повинность въ той или иной формѣ, надо повинностью доставить хлѣбъ на станціи, надо создать эту организацію, организацію принудительную и неизбѣжную. Поздно въ это время говорить о свободномъ починѣ, поздно говорить о томъ, что надо возстановить какой-то частный оборотъ. Что было бы въ государствѣ, если бы наборъ въ войска шелъ частнымъ оборотомъ? Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь хлѣбный вопросъ: безъ организаціи повинности, безъ организаціи того или иного распоряженія государствомъ урожаемъ хлѣбовъ не можетъ быть собранъ и заготовленъ запасъ для арміи. Взамѣнъ этого населеніе и сельское хозяйство должно получить все необходимое ему для производства, ибо сельское хозяйство теперь—это громадное промыш-

ленное предпріятіе, работающее на оборону; поставьте его въ рангъ со всѣми, и съ этой точки зрѣнія относитесь къ нему. Съ неотразимой желѣзной логикой, гг., мы вводимся въ тотъ военный соціализмъ, который залилъ Германію до верха, безъ остатка, который ввелъ въ Германіи трудовую повинность, который ввелъ въ Германіи и карточное потребленіе, регулировку потребленія на все—на хлѣбъ, на мясо, на сахаръ, на обувь, на платье, на масло, на все рѣшительно. Неизбѣжно и невозможно изъ этого оборота вырваться въ данный моментъ, а вы должны, регулируя потребленіе, дать населенію продуктъ, въ которомъ оно нуждается.

«Въ началѣ войны, когда я разрабатывалъ тогда казавшійся мнѣ неизбѣжнымъ финансовый планъ, я предлагалъ нѣсколько разъ организацію монополій въ рукахъ правительства. Мнѣ казалось, слава Богу, исчезло проклятое зло русской жизни—винная монополія, трудовой и трезвый народъ сумѣетъ наполнить кошель государства миллiардами дохода, помимо водки. Но мнѣ казалось тогда же необходимымъ использовать этотъ персоналъ, эти лавки, дать въ нихъ населенію продукты, которые нужны въ деревнѣ повсюду—сахаръ, чай, керосинъ, вотъ что, казалось, надо было монополизироваать и, пользуясь организаціей, пользуясь этимъ аппаратомъ, дать населенію. Бюджетная комиссія тогда присоединилась къ этой точкѣ зрѣнія.

«Каждый день, каждый мѣсяцъ борьбы ставитъ на очередь громадные хозяйственные вопросы, вопросы мѣстнаго распорядка и общественнаго управленія. И вашъ продовольственный вопросъ, матеріальные вопросы государства зовутъ къ отвѣту страшной и неотразимой силой, ихъ словомъ не отбросишь, тутъ нужно дѣло, а на дѣло это правительство не способно!

«Какая жуткая картина и какое страшное сходство съ исторіей Франціи конца XVIII вѣка. Неотвязчивая мысль долбитъ вашъ мозгъ: да вѣдь это наши дни, да вѣдь это наша разруха, да вѣдь это наша слѣпая безумная власть, да вѣдь это наши домашнія дѣла, да вѣдь это наши неуспѣхи въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, да вѣдь это наши зловѣщіе змѣиные слухи объ измѣнѣ наверху, да вѣдь это наша боль, вѣдь это наше горе, вѣдь это наши дни!».

Дважды прерывались занятія Государственной Думы. Штюрмера замѣнилъ А. Ф. Треповъ, но А. Д. Протопоповъ попреж-

нему оставался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Слѣдствіе по дѣлу Сухомлинова было прекращено. Убійство Распутина не дало новаго поворота въ политикѣ власти. Она не только оставалась глухой къ требованіямъ страны, но своими дѣйствіями еще болѣе углубляла и расширяла эту пропасть, кидая открытый вызовъ обществу разгономъ Земскаго и Городского Съѣздовъ, арестомъ рабочихъ организацій и открытымъ противодѣйствіемъ всякимъ общественнымъ выступленіямъ.

«16-го декабря П. Н. Милюковъ говорилъ въ Государственной Думѣ:

— «Русское политическое движеніе снова пріобрѣло то единство фронта, которое оно имѣло до 17 октября 1905 г. Но эти десять лѣтъ прошли не даромъ. Масштабы и формы борьбы, навѣрное, будутъ теперь другіе. И вотъ въ такой моментъ кучка слѣпцовъ и безумцевъ пытается остановить теченіе того могучаго потока, который мы въ дружныхъ совмѣстныхъ усиліяхъ со страной хотимъ ввести въ законное русло. Это еще можно сдѣлать, но время не ждетъ. *Атмосфера насыщена электричествомъ. Въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы. Никто не знаетъ, гг., гдѣ и когда грянетъ ударъ. Но чтобы громъ не разразился въ той формѣ, которой мы не желаемъ, наша задача ясна: мы должны въ единеніи съ общими силами страны предупредить этотъ ударъ.* И сдѣлаемъ это только тогда, когда съ увѣренностью и твердостью будемъ стоять на той позиціи, которую мы выбрали, которая одобрена страной, и мы не удовлетворимся полумѣрами и полудостиженіями, на которыя мы только и можемъ разсчитывать при настоящемъ составѣ правительства».

Снова два мѣсяца вынужденнаго перерыва въ работѣ Думы— рескриптъ новому премьеру Голицыну «въ непремѣнную обязанность стать въ прямое и достойное отношеніе къ законодательнымъ учрежденіямъ» и выступленіе министра земледѣлія Риттиха 14-го февраля въ Думѣ. Въ его рѣчи, несмотря на всю ея развязность, уже звучали тревожныя ноты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нежеланіе уступить общественнымъ требованіямъ. Новый отпоръ правительству и напоръ со стороны Думы на власть. Рѣзкая критика политики министра земледѣлія въ продовольственномъ дѣлѣ со стороны А. И. и въ бюджет-

ной комиссіи и въ общихъ собраніяхъ Думы съ призывомъ населенія къ сознанію необходимости тяжкихъ жертвъ и къ добровольному признанію принудительнаго начала въ дѣлѣ обезпеченія продовольствіемъ.

А 23-го февраля на улицахъ Петрограда тысячи голодныхъ женщинъ и дѣтей стояли и просили одного: дайте хлѣба! Рабочіе заводовъ прекратили работу. Толпа высыпала на улицу. При такихъ обстоятельствахъ Государственная Дума въ засѣданіи 24-го февраля снова вноситъ свой экстренный запросъ правительству, какія же мѣры принимаетъ оно для урегулированія продовольственнаго вопроса въ Петроградѣ, и первымъ, подписавшимся подъ запросомъ, былъ А. И. Шингаревъ, какъ представитель Петрограда, какъ гласный петроградской городской думы.

Тщетны были усилія парламентской борьбы, заговорила толпа и улица. Царская власть, не внявшая предостерегающему голосу Государственной Думы, толкнула страну на путь революціи. Ураганъ революціи уже стоялъ передъ Таврическимъ дворцомъ.

Такъ закончился 10-лѣтній думскій періодъ работы Андрея Ивановича Шингарева, какъ народнаго представителя.

VIII.

26 февраля 1917 года предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко обратился къ государю со слѣдующей телеграммой:

«Положеніе серьезное. Въ столицахъ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общее неудовольствіе, на улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба, части войска стрѣляютъ другъ въ друга. Медлить нельзя. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на Вѣнценосца».

Снова 27 февраля утромъ предсѣдатель Государственной Думы обратился къ царю со второй телеграммой слѣдующаго содержанія:

«Положеніе ухудшается, надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи!».

А Совѣтъ Старѣйшинъ, собравшись 28-го февраля въ экстренномъ засѣданіи и ознакомившись съ указомъ о роспускѣ Думы, постановилъ: «Государственной Думѣ не расходиться и всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ».

28-го февраля ровно въ полночь окончательно сформировался Исполнительный Комитетъ Государственной Думы, и въ два часа ночи на 28-ое февраля Комитетъ выпустилъ слѣдующее воззваніе:

«Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ

свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ страны и могущаго пользоваться его довѣріемъ».

И 2-го марта, въ 3 часа дня, Исполнительный Комитетъ Государственной Думы послѣ переговоровъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ совѣта рабочихъ депутатовъ установилъ составъ новаго правительства, въ которомъ на постъ министра земледѣлія былъ назначенъ членъ Государственной Думы отъ Петрограда Андрей Ивановичъ Шингаревъ.

Во время своей заграничной поѣздки А. И. заноситъ въ дневникъ свою встрѣчу въ Парижѣ съ И. И. Мечниковымъ 22 мая 1916 г.

Знаменитый ученый былъ тогда очень боленъ, лежалъ въ постели и всѣ опасались за его жизнь. Онъ очень обрадовался приходу А. И., жадно разспрашивалъ обо всемъ, что происходитъ въ Россіи.

— «А мнѣ говорятъ, что вы будете министромъ,—вдругъ онъ меня спрашиваетъ и говоритъ,—вѣдь это вѣрно, вѣдь это очень хорошо?».

«И я долженъ его разубѣждать и доказывать, что министромъ я не буду и что такъ рѣзко политика измѣниться не можетъ. Вѣдь мои демократическія и конституціонныя требованія я отложилъ въ сторону только на время войны, а потомъ я отъ нихъ отказаться не могу, а принять ихъ не сможетъ наша власть. Я останусь при роли критика.

— «Такъ это нехорошо! Нельзя только критиковать!»—живо и волнуясь говоритъ мнѣ славный старикъ.

— «Но вѣдь дѣйствовать—это зависитъ не только отъ меня. Ради власти поступиться своей программой я не могу. Меня надо брать такимъ, каковъ я есть. А это невозможно для нихъ. Вотъ почему я остаюсь критикомъ».

Съ тѣхъ поръ не прошло и года, а слова И. И. Мечникова оправдались и А. И. дѣйствительно сталъ министромъ.

Изъ роли оппозиціи правительству революція поставила А. И. въ почетные ряды членовъ перваго народнаго правительства въ то время, когда власть являлась тяжелымъ и отвѣт-

ственнымъ бременемъ; и онъ бралъ эту власть не изъ стремленія къ власти, а какъ жертву и подвигъ для безкорыстнаго служенія народу, къ чему такъ всегда стремилась его душа.

И для А. И. это была двойная жертва и подвигъ, ибо онъ всей своей десятилѣтней работой въ Думѣ создалъ себѣ такую богатую подготовку къ руководству русскими финансами, такъ былъ въ курсѣ всего русскаго бюджета, что принять постъ министра земледѣлія только по политическимъ соображеніямъ было вдвойнѣ тяжело: оторваться отъ любимой работы въ области бюджета, къ которой такъ привыкъ и гдѣ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, и перейти на тяжелую работу по продовольствію при господствовавшемъ тогда полномъ хаосѣ въ управленіи и катастрофическомъ разстройствѣ транспорта было дѣйствительно подвигомъ.

Но А. И., какъ всегда, забывалъ самого себя, подчинился требованію и понесъ этотъ тяжелый трудъ, пока новыя политическія комбинаціи не заставили его передать уже начавшее налаживаться дѣло продовольствія въ другія руки, а ему взяться за управленіе финансами, уже въ корнѣ подорванными войной и революціей.

Назначеніе А. И. на постъ министра земледѣлія состоялось вопреки его желанію, какъ лица, пользовавшагося наибольшей популярностью среди широкихъ демократическихъ круговъ населенія.

Тогда крупныхъ общественныхъ именъ для этого поста изъ думской среды не было. Андрей Ивановичъ со свойственной ему добросовѣстностью и энтузіазмомъ, участвуя еще въ комиссіи по оборонѣ и по продовольствію, поневолѣ считалъ себя обязаннымъ изучать детально вопросы продовольствія, твердыхъ цѣнъ и вообще регулированія государствомъ хлѣбной торговли, ибо во время войны такое вмѣшательство онъ считалъ неизбѣжнымъ. И какъ только началось первое броженіе въ Петроградѣ на почвѣ голода, еще въ концѣ февраля былъ образованъ при Государственной Думѣ Продовольственный Комитетъ изъ числа членовъ Думы и Совѣта рабочихъ депутатовъ. И вотъ, охваченный желаніемъ практически помочь бѣдѣ, предотвратить надвигающійся на Петроградъ голодъ, Андрей Ивановичъ первые дни революціи весь ушелъ въ эту работу, спалъ тамъ же въ Таврическомъ дворцѣ не раз-

дѣваясь рядъ ночей, всего по нѣскольку часовъ. Еще въ Государственной Думѣ его захватили продовольственные вопросы и онъ сумѣлъ въ короткое время изучить положеніе дѣла съ продовольствіемъ и создать свой планъ неотложно стоящихъ работъ и такъ импонировалъ знаніемъ дѣла передъ всей Думой, что выборъ главы продовольственнаго дѣла палъ на него.

3-го марта онъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ Земледѣлія и, конечно, первое время весь центръ своего вниманія сосредоточилъ на продовольственномъ дѣлѣ. Тревожныя телеграммы съ фронта о недостаткѣ фуража и продовольствія, извѣстія съ разныхъ сторонъ объ отсутствіи достаточнаго подвоза хлѣба къ станціямъ, несовершенство и почти полное разстройство продовольственнаго аппарата, случайность и безсистемность принимаемыхъ мѣръ въ установленіи твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ,—вотъ наслѣдство, которое принялъ А. И. отъ старой власти.

Упоенная успѣхомъ сверженія ненавистной власти, страна стояла передъ грозной опасностью голода какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ.

Съ тревогой и жуткимъ чувствомъ отвѣтственности смотрѣлъ А. И. на создавшееся положеніе, надо было спасти армію отъ надвигавшагося голода во что бы то ни стало. Привлечь къ участію въ продовольственномъ дѣлѣ все живое, способное къ практической работѣ, вселить въ населеніе сознаніе необходимости помочь новому правительству не только словомъ, но и дѣломъ и дать свой хлѣбъ арміи—вотъ за что принимается прежде всего А. И., хорошо сознавая, что безъ дружнаго усилія всего общества ему не одолѣть препятствій, что мало свергнуть старую власть, а надо еще вмѣсто нея на мѣстахъ поставить практически дѣловые аппараты, пользующіеся всеобщимъ признаніемъ и способные опираться на само населеніе. И для привлеченія себѣ ближайшихъ сотрудниковъ онъ прежде всего обращается къ русской коопераціи, которая отозвалась на его призывъ и выдѣлила изъ своей среды дѣятельныхъ и видныхъ членовъ В. Н. Зельгейма, который въ качествѣ товарища министра земледѣлія становится во главѣ продовольственнаго дѣла и ведетъ его при дѣятельномъ участіи своихъ товарищей В. И. Анисимова, А. Е. Кулыжнаго и Д. С. Коробова.

На кооперативномъ съѣздѣ въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхавшаго туда новаго министра земледѣлія—А. И. Шингарева ожидалъ горячій душевный пріемъ—необычайныя оваціи и привѣтствія раздавались по адресу представителя новой власти послѣ его рѣчи, гдѣ онъ, между прочимъ говорилъ: «Когда безъ моего согласія и безъ моего вѣдома Временное Правительство возложило на меня обязанности по продовольственному дѣлу, я съ смущеніемъ и трепетомъ подумалъ: да по плечу ли мнѣ или кому-нибудь другому эта задача? Теперь я спокоенъ. Она попала не на одни случайныя плечи, а подъ нее поставлены могучія плечи коопераціи».

Въ то время, какъ А. И. и его сотрудники всѣ мѣры употребляли, чтобы создать дѣловую работу въ Общегосударственномъ Продовольственномъ Комитетѣ, созданномъ вмѣсто бывшаго Особаго Совѣщанія по продовольствію, такъ называемая «революціонная демократія», уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности этого комитета, представленная тамъ на «паритетныхъ началахъ» съ представителями «буржуазіи»—«цензоваго элемента» (куда почему-то были отнесены и представители Союза Городовъ и Земствъ), направляла всѣ свои усилія, чтобы придать этому органу политическій характеръ, съ цѣлью «расширенія и углубленія революціи». Сколько внутреннихъ треній приходилось преодолѣвать, сколько надо было терпѣнія, выдержки и настойчивости, чтобы работать въ создавшейся обстановкѣ политической борьбы, изъ которой, правда, А. И. выходилъ всегда побѣдителемъ, но тратилъ непроизводительно свой трудъ, энергію и время. И я бы сказалъ, что Андрею Ивановичу все-таки удалось добиться положительныхъ результатовъ въ области продовольствія, несмотря на всѣ политическія затрудненія, которыя ему ставили представители совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ общегосударственномъ продовольственномъ комитетѣ. Хлѣбъ стали подвозить, и работа стала налаживаться. Но какихъ усилій и трудовъ это стоило А. И.!

Дни и ночи проводилъ А. И. у себя въ министерствѣ, безконечные пріемы посѣтителей, доклады, предсѣдательство въ комиссіяхъ и комитетахъ, ежедневно, а иногда и два раза въ день, засѣданія Временнаго Правительства поглощали все время А. И. Мы, его ближайшіе сотрудники по работѣ, я, В. Н.

Зельгеймъ и Н. К. Волковъ, сходились, бывало, ежедневно, тутъ же у него въ кабинетѣ за завтракомъ—единственное остававшееся у него свободное время—для рѣшенія общихъ принципіальныхъ вопросовъ, и каждый изъ насъ старался захватить его вниманіе по своей отрасли управленія.

Несмотря на все свое физическое утомленіе, на безсонныя ночи послѣ бурныхъ засѣданій Временнаго Правительства, А. И. всегда интересовался всѣми отдѣлами своего министерства, былъ неизмѣнно выдержанъ, ровенъ, спокоенъ и сразу охватывалъ сущность доклада. Приходилось удивляться его изумительной талантливости; онъ могъ въ нѣсколько минутъ не только разобраться въ деталяхъ дѣлаемаго ему доклада, но и дать дѣльный совѣтъ и даже самъ набросать отвѣтъ на важную бумагу и тутъ же составить докладъ Временному Правительству.

Не надо забывать, что вся его работа протекала въ напряженныхъ условіяхъ борьбы политическихъ страстей, и во Временномъ Правительствѣ ему приходилось отстаивать вмѣстѣ со своими товарищами по партіи государственныя начала отъ посягательства такъ называемой революціонной демократіи.

Дѣйствительныхъ представителей партіи Народной Свободы во Временномъ Правительствѣ перваго состава было только трое: А. И. Шингаревъ, П. Н. Милюковъ и А. А. Мануиловъ, и тяжело было ихъ положеніе тамъ подъ напоромъ безотвѣтственныхъ соціалистическихъ требованій извнѣ, поддерживаемыхъ, къ сожалѣнію, остальными членами Временнаго Правительства.

Наши представители почти всегда оставались въ меньшинствѣ и не на ихъ моральной отвѣтственности лежатъ многія постановленія Временнаго Правительства, въ которыхъ потомъ ихъ упрекали.

Андрей Ивановичъ предвидѣлъ уже тогда это начинающееся разрушеніе государства, арміи, финансовъ, промышленности, и не его вина, если большинство членовъ Временнаго Правительства подчинялось и прислушивалось къ требованіямъ вождей демократіи въ лицѣ образовавшихся совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Самымъ крупнымъ актомъ А. И. въ области продовольствія былъ несомнѣнно проведенный имъ законъ о хлѣбной монопо-

ліи. Къ сознанію необходимости введенія ея при создавшихся условіяхъ не съ легкимъ сердцемъ пришелъ А. И. Онъ слѣдующими словами мотивировалъ появленіе закона о хлѣбной монополіи въ своей рѣчи на съѣздѣ партіи Народной Свободы:

«Этотъ проектъ, господа, не плодъ досужей фантазіи теоретика, не желаніе распространить сферу государственной власти ради самой этой власти. Это—горькая необходимость, потому что мы получили продовольственное дѣло въ отчаянномъ видѣ. Вѣдь были жуткіе дни. Въ первый же день управленія моего министерствомъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ частяхъ фронта хлѣба осталось на полдня, а въ нѣкоторыхъ городахъ хлѣба не было совсѣмъ, и призракъ голода вѣялъ надъ большимъ пространствомъ Россійскаго государства. Институтъ твердыхъ цѣнъ былъ разрушенъ Риттихомъ, никакихъ цѣнъ на хлѣбъ не существовало. Возникла совершенно дикая извращенная экономическая жизнь. Все спуталось и перепуталось до послѣдней степени, и въ этихъ условіяхъ пришлось начать работу. Самое количество запасовъ хлѣба оказалось едва достаточнымъ для того, чтобы дождаться новаго урожая. Приходилось обдумывать рядъ мѣръ и одной изъ нихъ—неизбѣжная горькая печальная мѣра—взять въ руки государства распредѣленіе хлѣбныхъ запасовъ. Мнѣ приходится получать заявленія и даже протесты противъ этой монополіи. Этими протестами внесено нѣкоторое смущеніе въ нашу работу, но они не измѣнили ни моего мнѣнія, ни мнѣнія свѣдущихъ лицъ. Безъ этой мѣры обойтись нельзя».

Законъ этотъ встрѣтилъ большія возраженія со стороны представителей торговли и промышленности, и на собранномъ тогда ими въ Москвѣ съѣздѣ А. И. выступилъ съ одной изъ своихъ глубоко патріотическихъ рѣчей, призывавшихъ къ жертвѣ, исполненію долга и подчиненію личныхъ интересовъ интересамъ родины. Ссылаясь на примѣры Франціи, Англіи, Италіи и Германіи, гдѣ все нормировано, онъ доказывалъ неизбѣжность и у насъ государственнаго вмѣшательства въ область продовольствія:

«Нѣтъ ни одной воюющей страны, въ которой бы экономическая жизнь не была подчинена суровой регламентаціи государственной власти. И свободная парламентская Англія, и республиканская Франція, и монархическая, но глубоко демо-

кратическая Италія, и почти абсолютистская Германія—вѣдь онѣ всѣ, господа, въ настоящее время самымъ суровымъ образомъ регламентируютъ область народнаго продовольствія и въ дѣлѣ мобилизаціи во многихъ отношеніяхъ ушли далеко отъ насъ.

«Итакъ, граждане, внѣ нашей власти и внѣ нашего желанія происходитъ то, что такъ больно бьетъ насъ и морально и матеріально. Это есть суровыя неизбѣжныя послѣдствія міровой войны. Внѣ власти какого-либо человѣка или отдѣльнаго государства сломать процессъ разрушенія экономической жизни. Вы знаете, граждане, что въ этомъ процессѣ, чѣмъ лучше организовано государство, чѣмъ дисциплинированнѣе населеніе, чѣмъ развитѣе и культурнѣе страна, тѣмъ легче происходитъ это приспособленіе государственнаго вмѣшательства въ частную промышленную жизнь. Чѣмъ страна менѣе культурна, чѣмъ менѣе дисциплинировано населеніе, чѣмъ хуже управленіе и власть, тѣмъ острѣе и больнѣе этотъ процессъ разрушенія бьетъ отдѣльныя группы населенія и всю страну. Въ Англіи все угольное дѣло въ рукахъ государства, весь транспортъ въ рукахъ государства. Ни одного свободнаго коммерческаго корабля въ Англіи—этой владычицѣ морей—не осталось. Ни одного свободнаго рудника, ни одной тонны металла не попадаетъ на свободный рынокъ безъ разрѣшенія англійскаго правительства, ни одна крупная закупка хлѣба извнѣ не проходитъ безъ контроля властей. Но тамъ, граждане, тѣ послѣдствія, которыя съ такой болью, остротой ощущаете вы, тамъ эти послѣдствія значительно слабѣе сказываются вслѣдствіе лучшаго аппарата власти, вслѣдствіе большей культурности народа и большей его дисциплины.

«Представьте себѣ, что вы на кораблѣ, потерпѣвшемъ крушеніе, который еще не доплылъ благополучно до порта. У васъ мало осталось запасовъ продовольствія и много людей. Что долженъ дѣлать капитанъ такого корабля? Онъ долженъ сосчитать, сколько у него осталось запасовъ, онъ долженъ распредѣлить эти запасы поровну и справедливо между людьми и онъ долженъ, предвидя долгое блужданіе по морю неспокойному и бурному, настолько уменьшить раціонъ, чтобы можно было протянуть до благополучнаго возвращенія въ портъ. Вотъ нѣчто въ родѣ такого корабля представляетъ изъ себя теперь и наша Россія.

«Итакъ, оказалось, что мы—корабль, въ которомъ количество продуктовъ ничтожно и ихъ не стало хватать для потребленія. Вотъ въ эту минуту, когда казна должна была закупить весь хлѣбъ торговаго оборота, какая могла быть рѣчь о свободной торговлѣ. И при этомъ, свободный транспортъ исчезъ,—онъ былъ разрушенъ, съ одной стороны, безумной политикой правительства, а главнымъ образомъ потребностями войны. При такихъ условіяхъ, когда каждый вагонъ на учетѣ, говорить о свободномъ транспортѣ абсолютно невозможно. А безъ свободнаго транспорта какая же можетъ быть свободная торговля? При недостаткѣ продуктовъ, на которые имѣются десятки покупателей и когда всѣ рвутъ ихъ другъ у друга, какая можетъ быть свободная торговля?

«Возможно ли передѣлывать то, что повелительно диктуется не волей отдѣльнаго человѣка, а общегосударственной бѣдой? Для меня отвѣтъ ясенъ. Это невозможно. Это было бы дѣломъ самоубійства. Остается вопросъ: возможно ли, желательно ли, необходимо ли привлеченіе торгово-промышленнаго класса къ этому общегосударственному дѣлу? Оно не только возможно, оно не только желательно съ моей точки зрѣнія, оно абсолютно необходимо, ибо никто въ государствѣ не можетъ быть отстраненъ отъ дѣла, которое оно можетъ сдѣлать въ интересахъ государственныхъ.

«Но что происходитъ въ области финансовой политики? Вѣдь никто не хочетъ платить налоговъ и всѣ желаютъ безмѣрно повысить свои полученія. Вѣдь финансовый аппаратъ государства разрушается съ чрезвычайной, чудовищной быстротой, ибо сознаніе правъ, близкое къ сознанію обязанностей свободнаго гражданина, только еле-еле налаживается.

«Граждане, велика и безмѣрна отвѣтственность всѣхъ и каждаго изъ насъ, и въ эту минуту я глубоко вѣрю въ то, что классъ культурный, сознательный классъ, которому прошлое исторіи дало лучшее положеніе и лучшее благосостояніе, что онъ въ первую голову долженъ показывать примѣръ гражданскаго мужества. Каждому изъ насъ не легко, и всѣ мы достаточно поистрепаны въ этой работѣ, но если есть окопы на фронтѣ, есть окопы и въ тылу. Если тамъ бѣгаютъ отъ работы, бѣгутъ отъ дѣла, уходятъ къ себѣ въ дома, забываютъ о томъ, что нужно государству, и думаютъ только о себѣ, если тамъ въ

арміи падаетъ дисциплина и руководители-офицеры переживаютъ мучительно смертельное волненіе и не знаютъ, уцѣлѣемъ ли мы, то и въ странѣ руководители нерѣдко переживаютъ то же самое съ низу и до верху.

«Граждане, нельзя поддаваться малодушію. Нельзя думать о томъ, что положеніе трудное, что тяжело, что не вѣрятъ тебѣ, или тебя не слушаютъ. Въ такую минуту никто не смѣетъ уходить отъ своего дѣла, ибо этого требуетъ родина. И поэтому, граждане, и торгово-промышленный классъ, который заподозрѣнъ во многомъ, къ которому не всегда бывало справедливо отношеніе, не можетъ и не смѣетъ уходить отъ своего дѣла.

«Граждане, вы обязаны участвовать въ заготовкѣ хлѣба, вы обязаны, несмотря на всѣ препятствія, сомнѣнія, подозрѣнія, а иногда и оскорбленія, дѣлать свое дѣло. Вы обязаны развивать ваши взгляды, вы обязаны приложить вашъ опытъ и знаніе въ какомъ угодно качествѣ и сотрудничествѣ, или даже на службѣ у уполномоченныхъ, у кооперативовъ. Идите во всѣ окопы, какъ бы они ни обстрѣливались, отдайте родинѣ все, что у васъ есть, и только тогда, граждане, никто не посмѣетъ васъ упрекнуть, что вы ничего не сдѣлали для государства. И только при томъ положеніи, когда при всякомъ случаѣ, во всякой работѣ самой тяжелой, хотя бы на службѣ у коопераціи и сельскихъ обществъ, все равно, тогда, только тогда вы сможете сказать, что вашъ долгъ передъ государствомъ исполненъ, и я вѣрю, что вы его исполните...

«...Граждане, единственная сила, которая двигаетъ людьми въ такой моментъ, и единственная сила, которая спасаетъ государство,—это энтузіазмъ. Ничего другого. Ничего другого, граждане. Власть безсильна заставить страну повиноваться, особенно въ періодъ анархіи и революціонной смуты.

«Что такое страна безъ энтузіазма, что такое армія безъ энтузіазма? Вѣдь это сбродъ, а не армія. Что такое государство, въ которомъ потухъ огонь энтузіазма? Это—ничто. Какая организація можетъ восполнить этотъ духовный порывъ народа? Не идетъ заемъ, не воюетъ армія, не слушаются властей. Отчего? Да оттого, что революція пока еще слабо зажгла этотъ огонь энтузіазма, потому что онъ только еще теплится, потому что порывъ революціоннаго вѣтра его еще не

раздулъ, потому что мы нерѣдко топчемъ его, не умѣемъ раздуть его въ пламя. Граждане, въ этомъ спасеніе родины. Что спасло нашу страну въ великую смуту свыше трехсотъ лѣтъ тому назадъ? Великій энтузіазмъ, огонь энтузіазма, зажженный Мининымъ и Пожарскимъ, и больше ничего, потому что это—великая сила, которая двигаетъ людьми!

«Граждане, въ обычное время, во время нашей будничной работы, во время мелкихъ и жалкихъ дѣлъ и крохоборства ничтоженъ и жалокъ человѣкъ. Но когда его коснется эта любовь къ родинѣ, когда его охватитъ порывъ энтузіазма, тогда, граждане, нѣтъ силы въ мірѣ, которая можетъ сдержать творческую мощь человѣка, и если что-нибудь теперь нужно нашей странѣ, то это—всѣми силами и доступными средствами раздуть этотъ огонь и не говорить о томъ, что только матеріальный интересъ можетъ помочь государству. Онъ-то и является величайшимъ врагомъ въ настоящее время. Онъ толкаетъ демократическія массы требовать усиленной оплаты труда, онъ говоритъ человѣку о своихъ собственныхъ интересахъ, онъ разрушаетъ единство страны. Ничего, кромѣ огня энтузіазма, не можетъ въ эту минуту спаять расплавленную страну въ единый мощный, крѣпкій и цѣлый организмъ. Поэтому, граждане, дѣло въ немъ только и заключается. Дѣло нашего государственнаго разума и дѣло нашей гражданской совѣсти только въ этомъ одномъ. И если вы, граждане, въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ, въ каждомъ городѣ будете раздувать это пламя энтузіазма, я скажу, что родина спасена!».

Одновременно съ введеніемъ хлѣбной монополіи А. И. пытается снабдить населеніе продуктами первой необходимости, для чего при участіи профессора В. Я. Желѣзнова имъ была организована комиссія при Временномъ Правительствѣ изъ лучшихъ экономистовъ, давшая толчокъ къ созданію впослѣдствіи главнаго Экономическаго Комитета.

Обезпеченіе населенія сельскохозяйственными машинами, желѣзомъ при А. И. было значительно улучшено и для организаціи этого дѣла имъ созданы были два крупныхъ отдѣла, которые дали возможность при посредствѣ Народнаго банка за-

купить и вывезти значительное количество сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій изъ-за границы и обезпечить металломъ наши заводы по сельскохозяйственному машиностроенію.

Одинъ изъ отдѣловъ былъ занятъ организацією посѣвной площади, снабженіемъ сельскаго хозяйства рабочими, военноплѣнными и солдатами, увольняемыми въ отпускъ на время посѣвовъ и уборки хлѣбовъ.

Въ вѣдѣніе Министерства Земледѣлія при А. И. перешли всѣ удѣльныя земли. Сложное хозяйство главнаго управленія удѣловъ со всѣми его громадными лѣсными площадями, культурными хозяйствами, сахарными заводами, посѣвами хлопка, чайными плантаціями, виноградниками, винодѣліемъ и проч. было присоединено къ Министерству Земледѣлія.

Вопросы сахарной, табачной и чайной монополіи занимали А. И. еще во время его бюджетныхъ работъ въ Государственной Думѣ, введеніе ихъ онъ считалъ необходимымъ и неизбѣжнымъ для пополненія источниковъ государственныхъ доходовъ, въ особенности послѣ отмѣны винной монополіи. И еще до вступленія въ Министерство Финансовъ онъ организуетъ по этому вопросу совѣщанія спеціалистовъ при Министерствѣ Земледѣлія, которыя послужили основаніемъ для дальнѣйшей ихъ разработки въ Министерствѣ Финансовъ послѣ перехода туда Андрея Ивановича.

21-го апрѣля опубликовано было постановленіе Временнаго Правительства объ учрежденіи земельныхъ комитетовъ и хотя уже 26-го апрѣля, т.-е. черезъ пять дней, наступилъ первый министерскій кризисъ и родилась идея необходимости «коалиціоннаго министерства», въ которомъ А. И. долженъ былъ занять постъ министра финансовъ, многіе упрекаютъ А. И. въ томъ, что благодаря ему эти комитеты получили нежелательное направленіе дѣятельности, чѣмъ такъ удачно воспользовался В. М. Черновъ въ своихъ партійныхъ цѣляхъ.

Какъ ближайшій участникъ работы А. И., я долженъ удостовѣрить, что по первоначальной мысли Андрея Ивановича земельные комитеты должны были быть организованы исключительно для подготовки и разработки матеріаловъ по земельному вопросу. Съ цѣлью всесторонняго освѣщенія теоретическихъ основъ земельной реформы создавался Главный Земельный Комитетъ, куда впервые входили и представители всѣхъ суще-

ствующихъ въ Россіи партій, а также по мысли А. И. предполагалось ввести и представителей частнаго землевладѣнія.— Никакихъ исполнительныхъ функцій, никакого вторженія въ область земельныхъ отношеній по первоначальному, разработанному А. И. проекту, Комитетамъ не предоставлялось. И только послѣ того, какъ предсѣдателемъ Главнаго Земельнаго Комитета былъ назначенъ А. С. Посниковъ и въ обсужденіи проекта дѣятельное участіе принялъ А. В. Пѣшехоновъ, подъ вліяніемъ уже начавшихся аграрныхъ недоразумѣній и политическихъ вліяній соціалистовъ, Временное Правительство передало земельнымъ комитетамъ, помимо ихъ основныхъ функцій, ради которыхъ они были созданы, также и «разрѣшеніе вопросовъ, споровъ, недоразумѣній, возникающихъ въ области земельныхъ отношеній». Послѣ утвержденія положенія о земельныхъ комитетахъ А. И., оставившій Министерство Земледѣлія, никакого участія въ приглашеніи лицъ въ Главный Земельный Комитетъ не принималъ, и составленный имъ предварительный списокъ лицъ, привлеченіе которыхъ отъ имени Временнаго Правительства онъ считалъ желательнымъ, былъ кореннымъ образомъ измѣненъ новымъ министромъ земледѣлія В. М. Черновымъ.

Для того, чтобы дать мѣсто въ коалиціонномъ министерствѣ двумъ соціалистамъ, А. В. Пѣшехонову и В. М. Чернову, Временное Правительство по настоянію представителей демократіи рѣшило раздѣлить Министерство Земледѣлія на два министерства—Продовольствія, переданное А. В. Пѣшехонову, и Земледѣлія, которое принялъ В. М. Черновъ, соціалистъ-революціонеръ, исказившій всю первоначальную идею Андрея Ивановича о созданіи земельныхъ комитетовъ. 1-го мая А. И. принужденъ уже былъ передать всѣ дѣла новому министру.

Тяжело переживалъ А. И. этотъ періодъ министерскаго кризиса. Ушелъ П. Н. Милюковъ, его другъ и единомышленникъ; его примѣру хотѣли послѣдовать и А. А. Мануиловъ и Андрей Ивановичъ, не видѣвшіе уже тогда возможности практически работать при создавшихся условіяхъ и не вѣрившіе въ «честность» коалиціи. Развалъ государственности шелъ полнымъ ходомъ, а «демократія» была безудержна въ своихъ требованіяхъ и остановить ихъ домогательства представители партіи Народной Свободы были безсильны. Дальнѣйшее свое пребываніе у власти А. И. считалъ безцѣльнымъ, но Центральный

Комитетъ партіи рѣшилъ иначе, онъ потребовалъ, чтобы А. И. оставался и въ коалиціонномъ правительствѣ, отстаивая идею государственности, какъ это понимала партія. И А. И. снова покорился и подчинился партійной дисциплинѣ. Временно на мѣсяцъ онъ оставилъ за собой дѣло продовольствія, съ тѣмъ, чтобы 1 іюня передать его А. В. Пѣшехонову, а самому стать во главѣ Министерства Финансовъ.

Такъ политическія комбинаціи кидали А. И. противъ его воли въ разныя отрасли управленія государствомъ, и онъ безропотно и добросовѣстно несъ тяжелую работу, доставшуюся на его долю, и только близкимъ своимъ друзьямъ жаловался на тяжелое положеніе, въ которое его ставили.

Въ своемъ письмѣ къ женѣ онъ описываетъ свою работу по продовольствію и ея благопріятные результаты:

« ...Вездѣ идетъ пока усиленный подвозъ хлѣбовъ, особенно въ Кіевской, Полтавской, Таврической губерніяхъ, станціи завалены хлѣбомъ и фуражомъ. Мы уже доставляемъ въ армію почти полностью все, что ей нужно, и теперь я, съ легкимъ сердцемъ и тяжелыми воспоминаніями о пережитомъ, буду передавать А. В. Пѣшехонову продовольственное дѣло. Вчера я, остановившись въ Москвѣ, былъ на Всероссійскомъ Продовольственномъ Съѣздѣ. Громанъ разсчитывалъ именно на этомъ съѣздѣ раскритиковать мою прошлую дѣятельность, и предлагалъ правительству какіе-то новые пути «для организаціи всего народнаго хозяйства и труда». Отвѣчая ему, А. В. Пѣшехоновъ сказалъ, что именно мнѣ обязано государство проведеніемъ закона о монополіи и т. д. Съѣздъ устроилъ по этому поводу совершенно неожиданно для меня цѣлую овацію». (Петроградъ, 22 мая 1917 г.).

Май мѣсяцъ Андрей Ивановичъ посвятилъ главнымъ образомъ объѣзду юга Россіи, чтобы побудить населеніе къ сознательному выполненію своего долга—доставкѣ хлѣба. Онъ ѣдетъ въ Москву, Воронежъ, Новочеркасскъ, Ростовъ, проявляетъ поразительную кипучую дѣятельность, будитъ своими пламенными, полными горячей любви къ родинѣ, рѣчами общественное самосознаніе, зоветъ къ выполненію долга, жертвѣ, труду и подвигу, которымъ онъ самъ весь горѣлъ и зажигалъ другихъ. Успѣхъ его общественныхъ выступленій былъ необычайный и исключительный. Онъ мечталъ такъ объѣхать всѣ

крупные центры Россіи, какъ онъ это сдѣлалъ по отношенію къ Воронежу, Ростову и Новочеркасску.

Въ своемъ письмѣ къ женѣ онъ необычайно правдиво, просто и картинно описываетъ поѣздку и свои выступленія:

« ...Положительно съ ранняго утра и до поздней ночи я былъ занятъ на собраніяхъ, митингахъ, лекціяхъ и т. д. Уже въ Воронежѣ на третій день я охрипъ и охрипшимъ голосомъ проводилъ всѣ остальныя бесѣды въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ. Уставалъ до чрезвычайности, но зато мнѣ, кажется, кое-что удалось сдѣлать...

«Въ Воронежѣ въ день пріѣзда мнѣ сразу пришлось попасть на митингъ партіи Народной Свободы и принять въ немъ дѣятельное участіе. Постепенно народу въ залъ къ Морозовой набралось масса, духота и жара были чрезвычайныя; было много народныхъ учителей, у которыхъ въ это время происходилъ съѣздъ. Подъ конецъ моего сообщенія прибѣжали и члены мѣстнаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и стали уговаривать меня идти къ нимъ и разсказать про положеніе дѣла. До поздней ночи тянулся митингъ, вопросы и отвѣты по поводу затронутыхъ мною темъ произвели въ Воронежѣ огромное впечатлѣніе. На другой день уже отбою не было отъ посѣтителей и просителей, на квартирѣ отца съ ранняго утра дежурили жаждущіе отвѣтовъ и ищущіе всякой «правды».

«Воронежцы-«буржуи», т.-е. попросту масса жителей, терроризованы мѣстнымъ демагогомъ, какимъ-то г. Кобытченко, который, попавъ на престолъ предсѣдателя совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, сталъ пугаломъ воронежскихъ взрослыхъ дѣтей. Дѣйствуетъ онъ самоувѣренно, задорно, въ достаточной степени грубо, а часто, вѣроятно, и глупо, какъ говорятъ разсказы о его подвигахъ. На другой день я цѣлые часы просидѣлъ въ Земской Управѣ, разбираясь съ продовольственными дѣлами. По пути выдержалъ около Управы осаду калужскихъ и рязанскихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ въ Воронежъ за мукой и пшеномъ и требовавшихъ отъ меня разрѣшенія на свободный вывозъ. Съ очень тяжелымъ чувствомъ пришлось имъ всѣмъ поотказать, ибо иначе для плановаго вывоза и безпрепятственнаго снабженія арміи наступили бы непреодолимыя затрудненія отъ такихъ частныхъ «способовъ» справляться съ продовольственной разрухой. Вечеромъ этого же дня меня

пригласили въ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Нѣкоторые меня отговаривали, другіе уговаривали идти, въ самомъ совѣтѣ тоже шли споры. Я все же пошелъ. Совѣтъ занялъ губернаторскій домъ и сдѣлалъ изъ него что-то въ родѣ штаба въ домѣ Кшесинской. Засѣданіе было публичное, и въ него хлынула такая масса народа, что заполнила цѣликомъ залы, лѣстницу, коридоръ и даже окна и подоконники. Составъ «совѣта» оказался сбитымъ, смятымъ массой людей и г. Кобытченко, злобный и растерявшійся, ничего не могъ иного сдѣлать, какъ объявить, вслѣдствіе «безпорядка», собраніе закрывшимся. Въ это время пришелъ я и съ трудомъ продвинулся въ залъ, объявивъ, что собраніе гражданъ можетъ продолжаться. Оно дѣйствительно продолжалось. Вынырнувшій жалкій и смущенный Кобытченко сталъ предсѣдательствовать. Духота была, несмотря на открытыя окна, невообразимая. Пока я говорилъ свою рѣчь, я сталъ весь какъ мышь мокрый. Послѣ нея меня потащили на балконъ говорить рѣчь «народу». Дѣйствительно, передъ домомъ собралась масса народа, запрудившаго улицу, и, не имѣя никакой возможности попасть въ домъ, просила меня говорить. Я выбрался сначала на балконъ, а затѣмъ на крышу подъѣзда, и съ этой оригинальной каѳедры говорилъ.

«Послѣ того попалъ на собраніе служащихъ кредитныхъ учрежденій, говорилъ тамъ и еле, около 1 часа ночи, попалъ домой.

«13-го утромъ и вечеромъ былъ продовольственный съѣздъ; утромъ я читалъ докладъ на съѣздѣ народныхъ учителей, днемъ ѣздилъ въ Государственный банкъ говорить съ его служащими, въ 3 ч. былъ на собраніи рабочихъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ томъ же помѣщеніи, гдѣ говорилъ въ 1905 г. Масса рабочихъ привѣтствовала меня очень радушно.

«Потомъ я попалъ на съѣздъ служащихъ юго-восточныхъ дорогъ, собравшихся со всей линіи, и снова говорилъ и т. д.

«Послѣдній день 14-го было устроено два митинга, утромъ въ кинематографѣ Ампиръ и вечеромъ въ залѣ Морозовой. Опять были сотни народа, опять многіе остались безъ входныхъ билетовъ, и снова все прошло съ большимъ подъемомъ. Начались пожертвованія и подписка на заемъ.

«Совершенно безъ голоса, уставшій и мокрый, я поздно вечеромъ простился съ папой и тетками и уѣхалъ спать въ вагонъ, который прицѣпили къ ночному скорому поѣзду.

«До Ростова я отдыхалъ, хотя почти на каждой остановкѣ приходили съ просьбами, жалобами и пр. Вся линія уже знала о моемъ проѣздѣ, и мнѣ нельзя было показаться у окна. Поѣздъ опоздалъ и пришелъ въ 1 часъ ночи, но на вокзалѣ Скуба и всѣ мои знакомые устроили мнѣ торжественную встрѣчу.

«Всѣ три дня здѣсь прошли такъ же, какъ и въ Воронежѣ. Митинги, рѣчи, собранія—безъ конца. Былъ и здѣсь продовольственный съѣздъ, ради котораго я отправился сюда. Ростовская публика также терроризована мѣстнымъ самодержцемъ Петренко. Онъ немного пообразованнѣе воронежскаго, но столь же ничтоженъ, такъ же какъ и тотъ вынырнулъ во время революціи изъ «небытія» и въ него же возвратится, какъ только наладится новая жизнь и новый порядокъ. Минутные герои, какъ Моисеевъ въ Усмани, Кобытченко въ Воронежѣ, Петренко въ Ростовѣ, не знаютъ сами, что дѣлать со своей мѣстной славой и властью и часто дѣлаютъ просто никому не нужныя глупости.

«Послѣдній митингъ въ Ростовѣ прошелъ въ громадномъ театрѣ съ очень большимъ успѣхомъ, хотя я говорилъ уже какъ шептунъ.

«На другой день, однако, голосъ слегка возстановился, и въ Новочеркасскѣ на крестьянскомъ съѣздѣ я уже говорилъ свободнѣе. Этотъ день былъ самый крупный изо всей поѣздки. На съѣздѣ было до 1000 человѣкъ настоящихъ крестьянъ со всей Донской области. Мое сообщеніе о продовольствіи и финансахъ произвело громадное впечатлѣніе. Предсѣдатель съѣзда прервалъ засѣданіе и предложилъ устроить сборъ всѣхъ гражданъ на площади около собора. Зазвонилъ соборный колоколъ, закрылись лавки и магазины, и все повалило на площадь, какъ на древнее вѣче собрались люди, пришли полки солдатъ и казаковъ, устроилась трибуна около памятника, море головъ около памятника Ермака волновалось и глухо шумѣло. Говорить было трудно, но мнѣ на подмогу нашлось много ораторовъ съ зычными, сильными голосами. Начался сборъ пожертвованій, и цѣлыя груды бумажныхъ денегъ, много золотыхъ монетъ и золотыхъ вещей, крестовъ, орденовъ стали наполнять приготовленные корзины и мѣшки. Творилось что то въ родѣ эпическаго порыва въ Нижнемъ-Новгородѣ триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Картина незабываемая и поразительная. Послѣ

митинга на площади снова были еще три собранія, одно изъ которыхъ—лекція въ театрѣ, а послѣ нея засѣданіе комитета кадетъ.

«Снова поздно ночью, и опять почти безъ голоса попалъ я ночевать въ свой вагонъ, истрепанный, но счастливый всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Если бы можно было такъ объѣздить хотя бы крупнѣйшіе центры Россіи! Я уже мечтаю, какъ только насъ выгонятъ изъ Временнаго Правительства, начать такую поѣздку, чтобы будить сознаніе народа. Революція оказалась смертельной опасностью для нашего богатырскаго организма, то, чего всегда я такъ боялся, ея анархически-разрушительной силы и слабой организованности, теперь даетъ себя знать, и надо всѣ силы направить къ проясненію сознанія и воли, чтобы выздоровѣть отъ разложенія. Воронежъ, Ростовъ и Новочеркасскъ показали мнѣ, что это не пустая надежда, а самая реальная возможность. Жаль только, что ни силъ, ни времени не хватаетъ.

«Среди волненій, рѣчей и митинговъ былъ и одинъ часъ красиваго, благодатнаго тихаго отдыха. Изъ Ростова въ Новочеркасскъ я проѣхалъ не по желѣзной дорогѣ въ вагонѣ, а на автомобилѣ съ С. Т. Скубой, Парамоновой, Воронковымъ и другими ростовскими знакомыми. День былъ дивный, дорога шла цвѣтущей ковыльной степью, волнующеюся, какъ серебристое море. Сотни жаворонковъ пѣли свои весеннія трели, и, кажется, никогда не было такъ тихо и хорошо на душѣ, какъ-то сразу, хотя на одинъ часъ забывались и война, и грозная внутренняя разруха, и вся взбаламученная тревога и горечь нашихъ дней. Такая тишина, такой просторъ». (Москва, 21 мая 1917 г.).

Одинъ только мѣсяцъ съ 1-го іюня по 1 іюля пробылъ А. И. на посту министра финансовъ, но дѣятельность въ области финансовъ и бюджета онъ не прекращалъ и за все время, когда былъ министромъ земледѣлія.

Кромѣ подготовки матеріаловъ по разработкѣ вопроса о торговыхъ монополіяхъ, онъ, какъ членъ Временнаго Правительства, горячо берется за пропаганду займа свободы.

— «Успѣхъ займа,—говоритъ онъ въ своихъ выступленіяхъ,—это задача всѣхъ и каждаго. Изъ того, какъ пройдетъ

этотъ заемъ, будетъ видно, понимаетъ ли русскій народъ важность стоящихъ передъ нимъ задачъ. Каждый рубль долженъ участвовать въ этомъ общемъ дѣлѣ. Тутъ нѣтъ большой и малой доли участія. Важно всенародное участіе. Этотъ заемъ можетъ быть испытаніемъ гражданской зрѣлости русскаго народа!».

Вступивъ въ управленіе министерствомъ финансовъ, Андрей Ивановичъ приступаетъ къ осуществленію продуманнаго имъ еще ранѣе широкаго плана финансовыхъ реформъ и прежде всего организуетъ финансовое совѣщаніе, куда приглашаетъ, какъ людей науки, такъ и практики для окончательной выработки законопроектовъ. Совѣщаніе раздѣляется по спеціальностямъ на отдѣлы: денежнаго обращенія, валютной, бюджетный, кредита, по прямымъ налогамъ, по финансамъ мѣстныхъ самоуправленій и т. д. Всѣмъ руководитъ, всѣхъ объединяетъ и даетъ направленіе работамъ, конечно, самъ А. И., полный кипучей энергіи, несмотря на все то ужасное положеніе русскихъ финансовъ, которые ему приходится принимать въ разгаръ войны и бушующихъ страстей революціи.

Положеніе финансовъ онъ обрисовалъ въ своемъ выступленіи на съѣздѣ партіи Народной Свободы. Война нанесла народному хозяйству огромный ударъ. Революція этотъ ударъ еще болѣе усилила и углубила, наступило разрушеніе народно-хозяйственной жизни подъ вліяніемъ соціальныхъ взаимоотношеній. Не осталось здоровой хозяйственной жизни, не создалось и здоровой сильной власти и политики. И финансы—«это производное изъ экономической жизни страны и ея политическаго строя», какъ говорилъ А. И., были окончательно разрушены. «Неладно скроенный, но прочно сшитый», какъ хвалился В. Н. Коковцовъ, бюджетъ до-военнаго времени не выдержалъ войны, революціи и хозяйственной разрухи. Съ небольшимъ бюджетомъ въ $3^1/_2$ милліарда рублей въ годъ и съ государственнымъ долгомъ въ 8 милліардовъ вступила Россія въ небывалую войну, потребовавшую колоссальныхъ расходовъ, достигавшихъ въ 1917 году 50 милліоновъ въ день и стоившая намъ до конца 1917 г. свыше 50 милліардовъ рублей.

Отмѣна винной монополіи лишила государство дохода свыше 800 милліоновъ рублей въ годъ. Покрыть его было нечѣмъ, дефицитъ въ странѣ оказался съ очевидной ясностью.—«Если

не было дефицита въ бюджетѣ, составляемомъ В. Н. Коковцовымъ, былъ дефицитъ въ странѣ», говорилъ всегда А. И., и въ этомъ заключалась суть его спора съ Коковцовымъ въ теченіе 10 лѣтъ.

Прямого обложенія почти тогда не было, оно занимало послѣднее мѣсто въ системѣ налоговъ государства, и вся налоговая система оказалась неприспособленной къ войнѣ. Огульное, безсистемное, случайное повышеніе всѣхъ налоговъ, примѣняемое бывшимъ министромъ Баркомъ, не помогло дѣлу. Государство не могло покрывать существующими налогами даже своихъ нормальныхъ расходовъ. Заграничный вывозъ, достигавшій $1^1/_2$ милліардовъ при ввозѣ въ 1 милліардъ, покрывалъ въ мирное время платежи процентовъ по нашимъ займамъ. Теперь онъ совершенно прекратился, а къ тому же громадная масса нашихъ потребностей при слабо развитой отечественной промышленности должна была покрываться покупкой за границей.

Изъ трехъ способовъ покрытія военныхъ расходовъ—налоги, собираемые съ населенія, займы, т.-е. «капитализированные налоги будущаго времени», выпускъ бумажныхъ денегъ, «смѣшанная форма самаго сквернаго налога и самаго сквернаго займа (характеристика А. И.), мы вынуждены были прибѣгнуть къ послѣднему, самому тяжелому и нераціональному, ибо налоговъ намъ не платили и денегъ взаймы въ достаточномъ количествѣ не давали... Оставался одинъ безнадежный исходъ—выпускъ бумажныхъ денегъ, который велъ къ паденію стоимости ихъ, къ небывалой дороговизнѣ.

— «Революція нанесла финансамъ государства огромный ударъ съ двухъ сторонъ,—говорилъ А. И. на съѣздѣ партіи Народной Свободы 25 іюля 1917 года.—Она съ одной стороны обострила чувство права индивидуальной личности, поставивши въ фокусѣ его «я»—его право на заработокъ, на свободу и пр., совершенно еще пока слабо затронула и мало воспитала гражданское чувство обязанности. Всѣ потребовали себѣ увеличенія оплаты, потребовали съ чудовищной быстротой и поразительной настойчивостью, при чемъ никто не вспомнилъ объ обязанностяхъ передъ государствомъ. Платежи налоговъ стали пріостанавливаться, по мѣстному самоуправленію мѣстные налоги почти не поступали. Всѣ требовали себѣ прибавокъ чуть не каждую недѣлю, почти каждый часъ прибавки росли съ по-

разительной быстротой, а поступленіе въ государство замедлилось, падало и еле-еле повышалось. Получилась картина ни съ чѣмъ не сообразная. Демократическія массы, получившія нѣкоторую возможность вліять на власть и сами претендуя быть властью, въ первую очередь нанесли огромный ударъ финансамъ государства... Повышеніе заработной платы мастеровымъ, служащимъ и рабочимъ фабрикъ поглощаетъ цѣлые милліарды. Откуда государство могло бы покрыть этотъ чудовищный, невѣроятный ростъ расходовъ, происшедшій на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Исключительно бумажнымъ станкомъ. Тотъ самый ядъ, который съ такою суровостью осуждался представителями демократіи въ Государственной Думѣ, тотъ самый ядъ, которому они отказывали не только въ довѣріи, но даже въ возможности, этотъ самый ядъ полными пригоршнями и чашами стали они пить въ тотъ моментъ, когда они сами являлись хозяевами своей судьбы. Эта горькая иронія революціонной демократіи продолжается до сихъ поръ, и печатаніе бумажныхъ денегъ, достигшее въ настоящее время 100 милліоновъ въ день, все же недостаточно. Количество рабочихъ въ экспедиціи, бывшее раньше 700 человѣкъ, достигло теперь до 8000 человѣкъ. Нѣтъ свободныхъ машинъ, нѣтъ больше знающихъ людей, и тѣмъ не менѣе эта колоссальная фабрика не успѣваетъ утолить жажду огромной массы людей въ новыхъ, новыхъ и новыхъ добавкахъ. Новыя требованія увеличенія платы растутъ, претензіи обостряются, настроеніе повышается, въ средѣ иногда совершенно безумныхъ людей слышатся крики: «какое намъ дѣло до васъ, все равно давайте!». Вотъ этотъ лозунгъ—«давайте!»—разрущаетъ хозяйственную жизнь безъ всякаго сообразованія съ возможностями государства».

При такомъ положеніи государства для А. И. была ясна неизбѣжность безпощаднаго налоговаго обложенія въ видѣ усиленныхъ ставокъ подоходнаго налога, единовременнаго налога, налога на прибыль. Эти налоги, встрѣтившіе такой рѣзкій отпоръ среди промышленниковъ, были имъ проведены дѣйствительно безпощадно, и, какъ онъ мнѣ самъ сознавался, «ставки ихъ едва ли не превзошли предѣлъ благоразумія», но этимъ онъ хотѣлъ доказать, что предпринятыми имъ мѣрами съ богатыхъ классовъ уже взято все, что можно, и наступаетъ очередь за «демократіей» поступиться своими требованіями къ разорен-

ному государству и признать необходимость усиленія косвенныхъ налоговъ.

Для А. И. ближайшій финансовый планъ, только часть котораго онъ успѣлъ осуществить, рисовался въ общихъ чертахъ въ такомъ видѣ. Налоговое обложеніе, какъ прямое, такъ и косвенное, реформа наслѣдственныхъ пошлинъ, поимущественный налогъ взамѣнъ единовременнаго сбора, обложеніе прироста имущества. Повышеніе акциза или введеніе монополіи на сахаръ, на чай, на керосинъ, на спички и пр., увеличеніе гербовыхъ пошлинъ. Приведеніе почты, телеграфа и желѣзныхъ дорогъ въ состояніе равновѣсія по отношенію къ доходамъ и расходамъ. Усиленная эксплоатація лѣсовъ и оброчныхъ статей съ установленіемъ вывозныхъ пошлинъ на лѣсъ и ленъ. Займы внутренніе и внѣшніе. Энергичная постановка аппарата взысканія налоговъ. Суровыя мѣры къ сокращенію расходовъ: пересмотръ всѣхъ военно-строительныхъ и прочихъ работъ, пересмотръ всѣхъ военныхъ заказовъ, особенно заграничныхъ, возможное сокращеніе состава арміи. Въ связи съ финансовыми условіями государства онъ считалъ необходимымъ обсудить и подготовить до окончанія войны общій экономическій планъ. Его главныя предпосылки были: громадный ростъ задолженности государства, при долгѣ почти въ 60 милліардовъ рублей, заграничнаго долга придется около 16 милліардовъ, долга съ необходимой уплатой процентовъ за границу свыше 1 милліарда. Пассивность торговаго баланса, создавшаяся за время войны, не сразу измѣнится въ лучшую сторону. Первое время привозить изъ-за границы намъ придется на бо́льшую сумму, чѣмъ вывозить. Необходимость демобилизаціи почти $^3/_4$ всей военной промышленности. Глубокое потрясеніе всей денежной системы государства. Опасность отечественному хозяйству отъ дешевыхъ продуктовъ иностранной промышленности. Предстоящая аграрная реформа. Таковы были его предпосылки. Основой самаго плана являлась организація отечественнаго промышленнаго производства и всяческая его поддержка, развитіе сельскохозяйственнаго производства и реформа денежнаго обращенія. Послѣдняя, какъ ближайшая задача, особенно интересовала и безпокоила А. И. Онъ предполагалъ широко поставить реформу Государственнаго банка въ смыслѣ отдѣленія эмиссіоннаго банка отъ банка промышленнаго и торговаго кредита.

Усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ, про который А. И. говорилъ, что «это налогъ, который самъ себя поглощаетъ, это змѣя, которая ѣстъ себя съ хвоста, пожираетъ сама себя», заставлялъ его уже тогда призадумываться о такъ называемой «девальваціи», т.-е. новаго расчета не полнымъ рублемъ.

Таковы были планы этого могучаго государственнаго человѣка, всегда поглощеннаго и увлеченнаго своей работой.

Изъ этого грандіознаго плана, описаннаго мною въ самыхъ общихъ чертахъ, конечно, за мѣсяцъ своей дѣятельности онъ не могъ выполнить много. Но и за мѣсяцъ выполнилъ то, на что другому понадобились бы долгіе годы. Онъ взялъ на себя тяжелый и неблагодарный трудъ по увеличенію прямого обложенія, и съ этой самой непріятной для многихъ мѣры приступилъ къ осуществленію части своего плана. «Министръ-капиталистъ» не пощадилъ капиталистовъ и остался вѣрнымъ интересамъ истинной демократіи. Уже не будучи министромъ финансовъ, на томъ же съѣздѣ партіи Народной Свободы 25 іюля 1917 г. онъ между прочимъ говорилъ:

« ...Какое же заключеніе, какое лѣкарство, какое лѣченіе при такомъ положеніи? Въ первую очередь, господа, оздоровленіе налоговой системы. Это первое обязательное условіе. Я понимаю, что тѣ суровыя налоговыя мѣры въ области прямого обложенія, которыя я имѣлъ честь провести, онѣ вызовутъ очень горькія сѣтованія, большія нападки, раздраженіе, часто непониманіе, но онѣ необходимы, онѣ неизбѣжны, ибо война, господа, это не шутка. Ибо, если война требуетъ жертвъ, жертвъ жизнью лучшихъ сыновъ родины, было бы горькимъ безуміемъ говорить, что нельзя пожертвовать достояніемъ. Война не можетъ идти безъ того, чтобы не затронуть народное достояніе, и въ первую очередь она должна затронуть достояніе тѣхъ, кто его имѣетъ, которые, можетъ быть, на войнѣ составили достояніе. Въ первую очередь они должны понять, что жертва государству—ихъ первѣйшій долгъ.

«Господа, я считаю, что демократія во время этой войны сдѣлала колоссальнѣйшія политическія, соціально-экономическія ошибки, что эти ошибки ее самое губятъ, что онѣ рвутъ ея собственныя задачи, роютъ для нея самой яму, но для того, чтобы вы имѣли право моральное, для того, чтобы вы имѣли право дѣйствительно сказать демократіи: остановитесь въ ва-

шихъ требованіяхъ, сознайтесь, что они безумны и не реальны, перестаньте требовать отъ государства, истощеннаго и больного, новой оплаты вашего труда. Но для того, чтобы вы имѣли право это сказать, вы должны сначала исчерпать жертвы классовъ состоятельныхъ, вы должны сказать: мы тамъ взяли все, мы тамъ взяли возможное и невозможное, мы тамъ затронули не только доходъ, но и основное ихъ достояніе. Теперь ваша очередь, теперь вы должны отвѣтствовать, теперь вы должны остановить ваши требованія дальнѣйшей оплаты труда, потому что въ области прямого обложенія сдѣлано все!

« ...Но вы скажете, что это тяжело. Да, это тяжело, совершенно вѣрно. Критика здѣсь безмолвна, нельзя возразить, это очень тяжело. Но, господа, знаете ли вы, какія времена мы переживаемъ, когда до новаго года надо 14 милліардовъ рублей, и у васъ нѣтъ ничего, и вы будете стѣсняться съ тѣмъ, что это тяжело? Вы скажете богатому человѣку: «тебѣ государство дало все, ты пользовался очень долго этимъ богатствомъ и сплошь и рядомъ забывалъ, что нужно платить государству, и ты не платилъ ничего по нынѣшней налоговой системѣ. Ты на этой войнѣ, можетъ быть, даже выигралъ. Отдай, быть можетъ, не доходъ, котораго у тебя сейчасъ нѣтъ, отдай часть капитала, задолжай, но отдай государству, потому что этого требуютъ интересы родины. Ты долженъ это сдѣлать, если ты любишь родину, если ты послалъ сына на войну, если ты говоришь—война до конца, ты долженъ отдать все, что можешь, ты долженъ сѣсть на минимумъ своихъ расходовъ, ты не можешь слова сказать противъ такого обложенія, ибо этого требуютъ нужды государства!».

«Господа, платежъ этихъ налоговъ придется вести съ кредитомъ во многихъ случаяхъ. Мы это прекрасно сознавали, но, во-первыхъ, эти единовременные налоги только на одинъ годъ; на будущій годъ будетъ введенъ поимущественный налогъ, который будетъ безусловно легче. Затѣмъ будетъ увеличенное обложеніе наслѣдствъ и обложеніе прироста имуществъ, и дальше область прямого обложенія будетъ исчерпана или почти исчерпана. Но тогда, господа, съ той же опредѣленностью и неумолимостью, съ которой мы говорили объ имущихъ классахъ, мы должны сказать и о массѣ населенія. Доходы отъ прямыхъ налоговъ недостаточны.

«Государству этого не хватитъ даже на проценты по займамъ, и поэтому неизбѣжно, къ сожалѣнію, неизбѣжно косвенное обложеніе.

«Я считаю, что для министерства финансовъ нужно имѣть гражданское мужество вопреки всѣхъ демократическихъ программъ, вопреки нашей собственной программѣ развивать косвенное обложеніе.

«Въ финансовый планъ долженъ быть включенъ вопросъ о развитіи косвеннаго обложенія. Господа, время тяжелое, не могу я еще долго говорить о томъ, какъ необходимо оздоровить государственное хозяйство, какъ необходимо оздоровить безумное мотовство государственныхъ средствъ, какъ каждый день, каждый часъ я кричалъ въ Правительствѣ: «остановитесь въ этихъ расходахъ, это невозможно». Но почти всегда оставался въ меньшинствѣ.

«И затѣмъ, господа, если мы не будемъ проповѣдывать и сами не слѣдовать самой суровой бережливости въ нашей личной, частной, общественной жизни, если мы будемъ производить, напримѣръ, безумные расходы, которые поставили Петроградъ наканунѣ банкротства... то къ чему же мы придемъ. Если мы не будемъ этого дѣлать, только тогда можемъ говорить о прочности заданій государственныхъ и общественныхъ финансовъ. Итакъ, суровая бережливость и въ личной и въ частной жизни, если вы сбережете рубль, сотню рублей, отдайте государству въ заемъ. Если вы не возьмете продуктъ, который вамъ не нуженъ, если вы не купите лишняго предмета, вы оказываете благо родинѣ. Начните съ частной жизни, проводите это въ общественной и государственной. Это поможетъ и облегчитъ государству устроеніе его финансоваго плана послѣ войны. Онъ, господа, простъ и ясенъ. Безъ подъема производительныхъ силъ мы ничего сдѣлать не можемъ, безъ огромнаго развитія промышленности, которая бы насъ избавила отъ иностранныхъ рынковъ, мы разоримся, ибо намъ нечѣмъ будетъ платить процентовъ. Безъ содѣйствія этой промышленности мы ничего сдѣлать не можемъ. Притокъ иностранныхъ капиталовъ, организація дешевой энергіи, регулированіе государствомъ движущихся силъ и топлива-вотъ программа для того, чтобы создать подъемъ производительныхъ силъ. Но для этого нужна строго продуманная система мѣръ. Для этого не нужно без-

смысленныхъ мечтаній, фантазій соціалистовъ, которые думаютъ, что они завтра устроятъ соціализацію фабрикъ, что они передадутъ въ руки трудящагося класса орудія производства, что они могутъ, какъ угодно и когда угодно, повышать заработную плату, что они могутъ выгнать интеллигенцію и инженеровъ съ фабрикъ. Для этого нуженъ сознательный, продуманный органическій планъ».

Не одна работа въ министерствѣ лежала на плечахъ Андрея Ивановича. Съ уходомъ П. Н. Милюкова изъ Правительства тяжкое бремя лидера партіи Народной Свободы въ коалиціонномъ Правительствѣ пришлось нести Андрею Ивановичу. Тамъ онъ велъ неустанную борьбу съ соціалистами и находящимися у нихъ на поводу, какъ онъ говорилъ, «анархо-октябристами». Онъ боролся и за организацію авторитетной сильной власти, отстаивалъ каждую копейку казенныхъ денегъ отъ неукротимыхъ домогательствъ слѣва, оставался въ меньшинствѣ, но никогда не молчалъ и раскрывалъ всю пагубную политику соціалистовъ, ведущую къ разрушенію государства. Его борьба съ Черновымъ и его законопроектами была особенно интенсивна и удачна. Здѣсь его поддерживалъ и кн. Львовъ. Всѣ законопроекты Чернова онъ подвергалъ жестокой, уничтожающей критикѣ и пока онъ былъ въ Правительствѣ, Чернову не удавалось проводить свои безграмотные законопроекты. Впослѣдствіи эту роль разоблачителя Чернова и критики его «законовъ» взялъ на себя и блестяще выполнилъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ въ качествѣ государственнаго контролера.

Въ ниже приводимыхъ письмахъ А. И. дана достаточно красочная характеристика направленія работы Временнаго Правительства и той позиціи трезваго и твердаго демократа-государственника, которую онъ тамъ занималъ. Въ концѣ концовъ А. И., какъ онъ предвидѣлъ еще много раньше, все же пришлось уйти изъ состава Правительства вмѣстѣ со своими товарищами по партіи, когда никѣмъ, кромѣ нихъ, несдерживаемый напоръ соціалистическихъ утопій покушался окончательно разрушить самую идею единаго государства.

Чтобы закончить наиболѣе полно описаніе этого періода его работы во Временномъ Правительствѣ въ качествѣ министра финансовъ, привожу выборки изъ его писемъ къ женѣ.

«До сихъ поръ единственное было письмо отъ васъ за три

недѣли. Хочу думать, что виновата наша безобразная почта, но отъ этого не легче. Такъ скучно безъ васъ даже при сверхзанятомъ времени. Но что же дѣлать. Почта при нынѣшнихъ условіяхъ, это новая египетская кара, въ видѣ дара пришедшая вмѣстѣ съ русской свободой. Послѣ юношескаго горячаго восторга и благородной самоотверженности революціи первыхъ дней переворота пришла русская изнанка, соціальная разруха и неудержимые аппетиты людей. Вожаки демократіи сначала сами толкали ее на классовую борьбу съ «капиталистами», а теперь не знаютъ, какъ и удержать отъ совершенно невѣроятныхъ требованій. Положеніе наше въ Правительствѣ, въ смыслѣ внутренней жизни, не плохое. Острыхъ отношеній нѣтъ; товарищи у насъ (кромѣ Чернова) надежные и искренніе. Помогаютъ они намъ всѣми силами, но взбаламученную стихію анархіи не такъ-то легко усмирить и ввести въ русло мирной работы. Никто не хочетъ повиноваться, всѣ желаютъ захватить побольше правъ и всѣ плохо помнятъ объ обязанностяхъ.

«Въ Финансовомъ Вѣдомствѣ дѣло пока налаживается не очень хорошо. Надо многихъ замѣнить на верху, но замѣнить некѣмъ, людей этой спеціальности очень мало, а съ общественнымъ навыкомъ и еще меньше.

«Пытаюсь помочь себѣ подысканіемъ новыхъ лицъ, но это дѣло не легкое. Сашу Хрущова я уже перетащилъ и съ его помощью найду еще добрыхъ общественныхъ сотрудниковъ. Вся бѣда въ томъ, что развалъ Финансоваго Вѣдомства при Баркѣ былъ очень великъ и теперь это разсыпанная храмина по главнѣйшимъ отдѣламъ, гдѣ много честныхъ и прилежныхъ чиновниковъ, но нѣтъ духа животворяща. Никогда до сихъ поръ я не думалъ, чтобы мнѣ пришлось быть въ такомъ отвратительномъ положеніи. Такъ было бы отрадно заниматься русскими финансами въ мирное время и провести всѣ реформы, о которыхъ прежде мечталъ. Теперь наканунѣ краха, при безумномъ ростѣ расходовъ и недостаточномъ увеличеніи доходовъ, занятіе финансами — тяжкое бремя и горькая участь. Дезертиромъ тыла я не былъ и не буду. Пока смогу — буду работать, а что выйдетъ — одному Богу извѣстно. Если суждено быть свидѣтелемъ краха русскихъ финансовъ и руководителемъ въ это трудное время управленія ими, то пусть будетъ такъ, но

я не потерялъ еще надежду на благополучный выходъ и всѣми силами души буду къ нему стремиться». (2-го іюня 1917 г.).

« ...Мое теперешнее финансовое «наслѣдствіе» остается ужаснымъ. Нѣтъ пока ни малѣйшей надежды выйти изъ него приличнымъ путемъ. Я сижу съ утра до вечера въ министерствѣ, пытаюсь выдумывать всякіе способы сжать расходы и свирѣпо обложить всякіе доходы, но что изъ этого выйдетъ, не знаю. Заемъ идетъ лучше, чѣмъ прежде, но все же очень тихо. Во многихъ мѣстахъ не платятъ налоговъ, да, по правдѣ сказать, и некому платить. Прежде за этимъ слѣдила полиція. Теперь никто о нихъ не заботится». (5 іюня 1917 г.).

« ...Жара и у насъ удивительная. Съ начала мая до сихъ поръ ни одного дождя, душно, пыльно, тягостно. Общее политическое положеніе похоже съ этимъ состояніемъ погоды. Нѣтъ ни живительнаго, благодатнаго дождя, ни грозы съ бурей и громомъ. Какъ это ни странно, но вхожденіе къ намъ соціалистовъ не повлекло за собой разрѣженія насыщенной атмосферы и спокойствія въ работѣ. Правда, опора для Временнаго Правительства теперь шире, базисы прочнѣе, увѣренности больше, но и только... Однако, попрежнему душно и тягостно въ политической атмосферѣ, попрежнему хочется вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и радостно работать надъ устроеніемъ будущаго.

«Я весь день провожу въ министерствѣ, хочу спѣшно разработать финансовый планъ». (11-го іюня 1917 г.).

«Твое письмо принесло рѣдкую теперь у насъ здѣсь радость—картину тихой семейной жизни. Въ политическомъ котлѣ Петрограда попрежнему бурлитъ пѣной и переплескиваетъ черезъ край. Если бы Грачевка была здѣсь подъ бокомъ, съ какимъ наслажденіемъ я поѣхалъ бы къ вамъ еще вчера вечеромъ, какъ, бывало, ѣздилъ изъ Воронежа.

«На сегодня снова назначена непонятная и не нужная демонстрація силы «пролетаріата». Дѣловая жизнь города вымерла, десятки тысячъ людей будутъ ходить по улицамъ безъ яснаго сознанія, зачѣмъ и во имя чего они это дѣлаютъ...

«Большевики и анархисты вздумали было примазать и къ этой манифестаціи свои задачи и стали готовиться къ «мирной» демонстраціи съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣкоторые полки, особенно развращенные ихъ пропагандой и бездѣльемъ, тоже захотѣли показать силу. Дѣло грозило осложниться до побоища

и мы стали въ Совѣтѣ Министровъ протестовать. Церетелли и другіе всѣ силы употребляли, чтобы оружія не было и, кажется, имъ это пока удается. Сейчасъ манифестація только въ началѣ и какъ она пройдетъ—не знаю. Я пользуюсь невольнымъ, но все же пріятнымъ досугомъ, пишу вамъ письма и разбираю свои залежи на столѣ.

«Послѣ разборки дѣлъ, бумагъ и писемъ пойду гулять, зайду къ сестрѣ позавтракать, къ Сашѣ Хрущову пообѣдать и у него на балконѣ казенной квартиры, любуясь на Неву, буду мечтать о всѣхъ васъ, о Грачевкѣ, о томъ, какъ было бы хорошо вмѣстѣ копаться въ огородѣ или поливать цвѣтникъ. Кстати, есть ли у тебя какіе-нибудь цвѣты въ этомъ году?—Прошлое воскресенье былъ у Кропоткина. Прелестный старикъ». (18 іюня 1917 г.).

«Сейчасъ подали мнѣ твое письмо отъ 18-го іюня. Цѣлая вѣчность проходитъ, прежде чѣмъ дойдетъ письмо. И вашъ покой нарушенъ всероссійской безтолковщиной—большевиками, кронштадтцами и т. д. Теперь оставаться безъ вашихъ писемъ мнѣ особенно тяжело, а такъ какъ оказался безъ нихъ промежутокъ болѣе недѣли, то и вовсе было грустно. Пріѣзжая къ себѣ домой ночью, я всякій разъ при блѣдномъ свѣтѣ бѣлой ночи тщетно смотрю на свой столъ въ надеждѣ найти письмо отъ васъ. Очевидно, нѣсколько писемъ не дошло.

«Очень радъ, что настроеніе большинства ты опредѣляешь какъ противобольшевистское, но когда-то это настроеніе скажется прочно, я не знаю. Въ данный моментъ, напримѣръ, выборы въ московскую думу, давшіе большинство с.-р., не утѣшительны. С.-р. агитировали не хуже большевиковъ, обѣщая темной массѣ какую-то «волю». Воли столько у всѣхъ, что не знаютъ, какъ съ нею и справиться, а что касается «земли», то, конечно, не московская дума ее дастъ. Но, какъ мнѣ передавали, на другой день послѣ подсчета въ управу приходили люди и требовали «квитки на полученіе земли». Бѣдная темная масса, которая не понимаетъ ничего, кромѣ примитивныхъ и фантастическихъ лозунговъ, не знаетъ даже азбуки политической и общественной жизни, легко ловится на эти удочки недобросовѣстныхъ или наивныхъ агитаторовъ.—Опасность въ такой темнотѣ для революціи столь же велика, какъ и для бывшаго самодержавія. Неустойчивость—вотъ самая краткая характеристика того «порядка», въ которомъ мы живемъ. Эти

нѣсколько дней принесли всѣмъ намъ огромную радость. Неустойчивость фронта позволила склонить чашу вѣсовъ на сторону наступленія, а наступленіе само уже оздоравливаетъ атмосферу. Сразу все перемѣнилось, а новая удача генерала Корнилова даетъ еще больше вѣры въ возможность для революціи сдѣлать то, чего не могла добиться монархія. Ты знаешь, что я никогда не былъ пессимистомъ, но послѣдніе два мѣсяца наложили такія густыя тѣни, что порой просто руки опускались. Теперь я увѣренъ, что процессъ оздоровленія начался и идетъ хотя медленно, но неуклонно. Иное настроеніе и въ Петроградѣ; большевики послѣ идіотской демонстраціи 18 іюня какъ-то поблѣднѣли и полиняли. Наступленіе на фронтѣ, арестъ анархистовъ и пр.—все это спутываетъ ихъ ряды. Наблюдается нѣкоторое оздоровленіе и въ войскахъ даже бездѣльнаго и развращеннаго петроградскаго гарнизона. Если дѣло пойдетъ такъ дальше, то я совсѣмъ повеселѣю.—Я здоровъ и даже не очень устаю. Каждый день отъ духоты обливаюсь въ ваннѣ прохладной водой и чувствую себя недурно, только ужъ очень сиротливо.

«Дома я рѣдко бываю, одинъ-два раза въ недѣлю; остальные дни обѣдаю у Саши Хрущова, въ субботу у Кетчеровъ, а въ воскресенье у сестры... Дома я только сплю съ 1—2 ч. ночи и до 8 утра; въ тѣ немногіе дни, когда обѣдаю у себя, не всегда могу разсчитывать на обѣдъ.

«Все остальное моей домашней жизни мало интересно. Въ Правительствѣ одна забота смѣняетъ другую. Взбѣсившіеся націоналисты въ Финляндіи и Украйнѣ вышли за всѣ возможные предѣлы и каждый изъ насъ мучительно ждетъ Учредительнаго Собранія. Когда-то оно будетъ». (30 іюня 1917 г.).

«Пока заканчивалъ тебѣ письмо, назрѣлъ политическій кризисъ. Нашъ Ц. К. не можетъ согласиться съ попыткой контрабанднымъ путемъ разрѣшить автономію Украйны и независимость Финляндіи, а потому мы, к.-д., вѣроятно, всѣ уйдемъ. Если это случится, то черезъ нѣсколько дней, быть можетъ, даже раньше полученія этого письма, я попаду къ вамъ въ Грачевку. Лично я буду только счастливъ освобожденіемъ отъ каторги, именуемой управленіемъ министерствомъ въ данныхъ условіяхъ. Но что будетъ дальше, на какія еще мѣры пойдетъ наша вѣтромъ колеблемая власть, одному Богу из-

вѣстно. Повидимому, на этотъ разъ кризисъ уладится благополучно и мы всѣ отойдемъ отъ власти. Одного только желаю, чтобы кризисъ не задѣлъ нашего военнаго положенія и настроенія въ войскахъ. Но думаю, что теперь это не то, что въ маѣ. Новая конструкція кабинета пройдетъ спокойнѣе и легче. Завтра или послѣ завтра этотъ вопросъ окончательно разрѣшится. Цѣлую крѣпко въ надеждѣ на скорое свиданіе». (1 іюля).

«Твой деревенскій гостинецъ пришелся какъ разъ во-время. Онъ неожиданно оторвалъ меня отъ суровой и горькой дѣйствительности и перенесъ къ вамъ. Хотя и твое письмо полно контрастовъ мирной земледѣльческо-огородной жизни и анархическихъ раскатовъ угрозы и соціальной розни, но все же въ немъ больше мира или затишья, чѣмъ здѣсь. Мы свободны отъ бремя власти. Всего два дня тому назадъ я уже писалъ тебѣ о послѣднемъ кризисѣ и онъ наступилъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего письма. Быть можетъ, ты получишь и то и это письмо одновременно. Украинскій вопросъ былъ лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу нашего терпѣнія. Длить дольше ложное положеніе было бы и не честно и не благоразумно. Революція продолжается и хотя ея политическіе этапы почти закончены, соціальные только начинаются. Ихъ напоръ насъ отбрасываетъ въ сторону. Не мы вожаки народа и нечего намъ стоять помѣхой и безрезультатной, и безсильной. Пусть теченіе соціальныхъ низовъ гибельно для общаго дѣла свободной Россіи. Пусть величайшая опасность дѣлу революціи грозитъ именно изъ этихъ круговъ, мы безсильны образумить солдатъ и рабочихъ, охваченныхъ безуміемъ Ленинской пропаганды. Когда-нибудь насъ снова будутъ слушать всѣ, теперь мы понятны только интеллигенціи и просвѣщеннымъ представителямъ имущихъ классовъ.

«Еще самъ не знаю, сколько я здѣсь пробуду. Думаю, что не болѣе 4 дней, а тамъ уѣду къ вамъ отдыхать. Не знаю, и того, будетъ ли отдыхъ въ Грачевской республикѣ, но какъ ни трудно отрываться теперь отъ нашихъ партійныхъ дѣлъ, все же возможность васъ повидать и пробыть съ вами нѣсколько дней такъ заманчива, что не могу утерпѣть. Надо только написать брошюру и тогда прямо въ Усмань. Твои сушки и лепешки меня тронули и умилили. Сдѣлавъ 6—7 верстъ пѣшкомъ (трамваи не ходятъ, автомобиль, увы, уже не въ моемъ распо-

ряженіи), я пришелъ домой завтракать, читалъ твое письмо съ огромной радостью и съ дѣтскимъ наслажденіемъ грызъ великолѣпныя лепешки. Спасибо. Цѣлую крѣпко. До скораго свиданія». (4 іюля 1917 г.).

Такъ закончился его короткій четырехмѣсячный періодъ государственной работы. Сколько мученій, нравственныхъ пытокъ, душевной боли за родину, которую онъ горячо любилъ, пришлось ему перенести за это время. Я уже не говорю о той истерзанности нервовъ, физической и моральной усталости, которая замѣтна была на немъ послѣднее время. Зрѣлымъ, бодрымъ, полнымъ силъ и энергіи вошелъ онъ въ ряды Временнаго Правительства и уходилъ оттуда съ глубокой грустью, постарѣвшій на десятки лѣтъ.

IX.

Глубокою скорбью болѣло его сердце за судьбу родины. Истомленный и морально, и физически, утерявшій многое изъ своего прежняго оптимизма, онъ ищетъ отдыха въ родной семьѣ и рѣшается на двѣ недѣли уѣхать къ себѣ въ Усманскій уѣздъ въ любимую имъ «Грачевку»—«полежать на солнцѣ и поспать, посмотрѣть на всю вашу компанію», пишетъ онъ своему сыну Юрію—«и отдохнуть отъ тревоги и тяжести власти. Мы ушли, понявъ, что дальше мы безполезны и теряемъ вліяніе. Много работы и помимо министерства. Я, вѣроятно, опять возвращусь въ Петроградъ или поѣду на фронтъ; еще и самъ хорошенько не знаю, что буду дѣлать, но теперь дѣла такъ много, что его искать не придется».

Онъ ѣдетъ къ женѣ и дѣтямъ, которыхъ такъ страстно любилъ и безъ которыхъ тосковалъ въ одинокой квартирѣ въ Петроградѣ.

Министромъ онъ оставался вѣренъ себѣ: имѣя возможность занять прекрасную казенную квартиру, продолжалъ жить у себя на Петроградской сторонѣ на Монетной улицѣ на пятомъ этажѣ своей болѣе чѣмъ скромной квартиры.

Онъ не измѣнилъ своихъ привычекъ и работалъ у себя въ пыльномъ кабинетѣ, заваленномъ книгами, брошюрами и матеріалами, такъ же легко и свободно, какъ если бы это былъ хорошо обставленный кабинетъ министра.

Съ дѣтьми и женою отдыхалъ онъ у себя дома на квартирѣ, и ихъ отсутствіе было ему тягостно. За это время онъ велъ оживленную переписку съ женою, дѣлясь съ нею всѣми своими впечатлѣніями отъ переживаемаго, писалъ и дѣтямъ трогательно-нѣжныя письма. Вотъ выдержки изъ двухъ его пи-

семъ къ младшимъ дѣвочкамъ, Аленушкѣ 11-ти лѣтъ и Тусѣ 14-ти лѣтъ:

«Милая Аленушка! Навѣрное, твои томаты выросли большими, пока я пишу это письмо? Клюютъ ли ихъ куры? Большіе ли кусты рюбарбы? Поспѣла ли у насъ земляника? Навѣрное, ее ужасно клюютъ воры воробьи и наши куры. Кстати о курахъ, я такъ и не знаю до сихъ поръ, есть ли у васъ цыплята или нѣтъ? Хромаетъ ли Сѣрка, или бѣжитъ, какъ хорошій рысакъ? Купила ли мама телочку? Все-все мнѣ напиши поподробнѣе о твоемъ хозяйствѣ. Ты вѣдь знаешь, какъ я всѣмъ интересуюсь, что у васъ дѣлается. Твой папа».

«Дорогая Туся! Ты написала мнѣ хорошее и интересное письмо. Оно такъ живо все мнѣ представило, какъ будто я все самъ вижу, что у васъ дѣлается. Теперь, когда я отказался отъ министерства, я смогу заѣхать къ вамъ на небольшое время, увижу ваши огурцы, малину и весь маминъ огородъ. Онъ, вѣроятно, благодаря болѣе жаркой погодѣ питаетъ васъ больше, чѣмъ въ прошломъ году. Тѣмъ больше заслуга всѣхъ тѣхъ, кто имъ занимается. Они достигаютъ величайшаго блага въ человѣческой жизни—кормятъ себя и другихъ своимъ трудомъ. Не знаю, принимала ли ты участіе въ пышкахъ, которыя мнѣ прислала мама. Онѣ великолѣпны и даже жаль, что вы такъ много мнѣ одному прислали ихъ...

«Итакъ, моя дочурка, скоро надѣюсь всѣхъ васъ повидать и поболтать. Какъ живетъ наша Сѣрка? О Черноморѣ я знаю, а о ней никто ни слова не написалъ.—Цѣлую крѣпко. Твой папа». (4 іюля 1917 г.).

Нѣжная любовь къ дѣтямъ была одной изъ трогательныхъ чертъ нравственнаго облика этого рѣдкаго семьянина, сохранившаго во всю жизнь глубокую привязанность къ женѣ, съ которой его соединяла и духовная близость и дѣти. Его семья—жена и дѣти, были дѣйствительно для него радостью и счастьемъ. Въ свои немногіе свободные часы онъ всегда возился съ ними и въ ихъ обществѣ находилъ отдыхъ и утѣшеніе.

Такъ же любовно относился онъ не только къ своимъ дѣтямъ, но и къ чужимъ. И въ дневникѣ изъ Петропавловской крѣпости и въ заграничномъ дневникѣ онъ съ нѣжностью всегда описываетъ свои встрѣчи съ дѣтьми.

— «Я не могу видѣть равнодушно ни одного ребенка»,

заноситъ онъ фразу въ своемъ заграничномъ дневникѣ при посѣщенiи студiи скульптора Аронсона въ Парижѣ, разсматривая любовно его дѣтскiя восхитительныя мраморныя головки.

— «Дѣти—это самое большое счастье, какое существуетъ въ личной жизни», пишетъ онъ въ дневникѣ изъ тюрьмы.

А вотъ письмо къ нему отъ крестьянскихъ дѣтей, полученное имъ въ 1915 г. въ самый разгаръ почти поголовнаго тогда призыва въ войска. Въ статьѣ «Новые всходы», помѣщенной въ Русскихъ Вѣдомостяхъ отъ 10 сентября 1915 г., онъ приводитъ это письмо:

«Среди множества самыхъ разнообразныхъ писемъ, получаемыхъ мною за послѣднее время иногда десятками въ день, мое вниманiе было привлечено или, вѣрнѣе, приковано къ одному. Невзрачный сѣрый конвертъ, адресъ написанъ дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ по проведеннымъ карандашомъ линiямъ. Внутри исписанный листокъ, вырванный изъ ученической тетради. Не все ладно съ правописанiемъ. Письмо-просьба невѣдомо для меня отъ кого и, къ моему горю, невѣдомо откуда. Почтовый штемпель ничего не говоритъ. Все письмо полно самаго захватывающаго трепета жизни, все проникнуто ясной, хотя и дѣтской мыслью, все до мелочей такъ ярко отражаетъ на себѣ свое происхожденiе. Это—письмо крестьянскихъ дѣтей-школьниковъ.

«Я привожу его буквально.

«Милый нашъ баринъ Андрей Ивановичъ! Мужики наши завсегда говорили, что вы все можете здѣлать и что вы дюже стоите за простой народъ, такъ вотъ похлопочите за насъ, чтобы значитъ, намъ учится, а потому увольте нашего учителя изъ солдатъ.

А съ молоденькой ученицей мы не будемъ учиться; она сама не знаетъ, какая рожь и какая пшеница, да и плохо намъ безъ учителя нашего; онъ ни солдатъ, такъ зачемъ же его взяли, а вотъ у господскихъ дѣтей такъ не взяли. Баринъ попросите эту самую думу чтобы вернулся нашъ учитель; какъ похлопотать такъ ослобонили бы, вотъ барчуки говорили, и за ихъ учителей какой то начальникъ хлопоталъ; дюже мы скучаемъ за своимъ учителемъ. Взяли у насъ всехъ отцовъ и дядей и братовъ, такъ имъ нужно воевать; нѣмца бить на то они солдаты а учитель нашъ не былъ солдатомъ, дюже онъ

хорошій, такихъ нѣтъ; такъ пришлите намъ его назадъ. Всѣ дюже просимъ васъ и я и Петруха Васька ище Васька косой. Дюже мы боимся, что убьетъ нашего учителя, говорятъ много ихъ побили».

«Таково это удивительно трогательное, захватывающее письмо. Въ немъ съ простотой силы и искренности сказалось все. И глубокое гражданское чувство безвѣстныхъ мнѣ крестьянскихъ дѣтей, и трогательная привязанность ихъ къ своему учителю, и первыя горькія думы о соціальной несправедливости. Разумно отдѣленъ ясно понимаемый долгъ населенія отъ необходимости воспитанія будущихъ гражданъ отечества. Наивность дѣтей, даже не поставившихъ своего адреса, даже не назвавшихъ своего учителя, наивность какъ у Чеховскаго Ваньки, отправившаго письмо «дѣдушкѣ въ деревню», а рядомъ съ нею—зрѣлое пониманіе долга своихъ отцовъ и братьевъ, мужество безропотной жертвы близкихъ. Грустно не знать, куда и кому отвѣтить на это поразительное по простотѣ и содержанію письмо. Но тѣмъ утѣшительнѣе думать объ этихъ новыхъ всходахъ нашей общественной жизни. Безчисленныя жертвы унесетъ міровая война. Множество сильныхъ, одаренныхъ, дорогихъ намъ жизней оторветъ она отъ насъ... но всходы новой жизни войнѣ не заглушить. Мы можемъ идти своей дорогой, мы можемъ бодро смотрѣть на грядущее. Новые граждане великой Россіи, новые строители жизни идутъ на смѣну современнаго поколѣнія, идутъ изъ самыхъ глубинъ народной жизни».

Тутъ, кстати, я долженъ упомянуть о громадной перепискѣ, которую приходилось вести А. И., отвѣчая на тысячи писемъ, просьбъ, ходатайствъ, которыми его буквально заваливали со всѣхъ концовъ Россіи. И больше всего это были письма отъ обиженныхъ и угнетенныхъ, которые, не найдя правды, обращались съ жалобой къ популярному народному избраннику, прославившемуся своей отзывчивостью къ народной нуждѣ.

Среди писемъ были и дѣловые проекты, финансовые планы, сообщенія ему о неустройствахъ и злоупотребленіяхъ въ различныхъ вѣдомствахъ.

Близко къ сердцу это людское горе принималъ А. И., всегда хлопоталъ за кого-нибудь, оказывалъ поддержку самъ изъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ, и никогда не оставлялъ безъ отвѣта ни одно письмо, ни одну просьбу.

Отдохнувъ въ семьѣ только двѣ недѣли, онъ возвращается одинъ въ Петроградъ, оставивъ жену и дѣтей попрежнему на своемъ хуторѣ въ Грачевкѣ, гдѣ еще въ молодые годы онъ собственными руками развелъ садъ. 25-го іюля онъ уже принимаетъ живѣйшее участіе на съѣздѣ партіи Народной Свободы, выступаетъ съ финансовымъ докладомъ и весь уходитъ въ широкую партійную работу въ качествѣ генеральнаго секретаря партіи.

Свои предположенія о дальнѣйшей работѣ онъ излагаетъ въ слѣдующихъ двухъ письмахъ къ женѣ, въ которыхъ описываетъ также и общее политическое положеніе съ созданіемъ новаго коалиціоннаго правительства.

«Съѣздъ меня такъ поглотилъ, что не смогъ написать тебѣ мало-мальски подробное письмо и только успѣлъ бросить открытку. Вчера я удралъ изъ Петрограда въ Сестрорѣцкъ къ Маріи Алексѣевнѣ. Была дивная погода, потянуло вонъ изъ города. Здѣсь я читалъ, писалъ и размышлялъ въ тѣнистомъ садикѣ, гдѣ съ такой любовью всхолены, точно дѣти, цвѣты, не ординарные, не избито-намозолившіе глаза. Днемъ купался на взморьѣ, жалѣя, что я одинъ, а не со всей оравой дѣтворы. Тепло, хорошо, солнце и песокъ... По размышленіи и выслушаніи совѣта друзей я принужденъ пока взяться за партійную работу, вѣроятно, до выборовъ въ Учредительное Собраніе.

«Послѣ долгаго политическаго кризиса создалась, наконецъ, комбинація съ кадетами. Въ нее мы считали себя обязанными войти безъ всякихъ личныхъ условій, но съ программой твердой власти. Пока дѣло клеится. Мнѣ жаль только Кокошкина, котораго сунули въ государственный контроль, зря. Вообще ему въ эту комбинацію лучше было бы не идти. Настанетъ время, когда онъ и другіе займутъ соотвѣтствующія мѣста. Теперь, однако, не до мѣстничества. У Керенскаго, по ироніи судьбы, теперь самые дѣятельные друзья—кадеты, а онъ ли не бранилъ ихъ и не издѣвался надъ ними всю свою политическую жизнь. Онъ пока единственный претендентъ на званіе «спасителя отечества» и это даетъ ему силу бороться съ совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Его властолюбіе здѣсь очень кстати. Оно наиболѣе тягостно, когда онъ отбрасываетъ отъ себя всѣхъ, кто пытается ему въ чемъ-нибудь возражать. Ты, вѣроятно, замѣтила, что изъ прежнихъ кандидатуръ кадетъ

(Кишкинъ, Астровъ, Новгородцевъ, Набоковъ) никто въ концѣ-концовъ не попалъ. «Зачѣмъ они ставили мнѣ условія?..» гнѣвно говорилъ онъ своимъ друзьямъ. П. Н. Милюковъ предоставилъ ему выбирать изъ кадетъ кого угодно, и только Кокошкина усиленно «рекомендовалъ». Насколько устойчива эта комбинація, я не знаю. Не думаю, чтобы она была прочна. Если борьба съ совѣтами будетъ реальной, то она еще долго будетъ сотрясать политическое равновѣсіе министерства, если же совѣты уступятъ власть безъ боя, то возгорится борьба съ Черновымъ, или все болѣе и болѣе правѣющая психологія обывателя потребуетъ иного состава министерства. Пока буду жить въ Петроградѣ, но отъ времени до времени буду ѣздить въ провинцію. На съѣздѣ обсуждались кандидатуры въ Учредительное Собраніе. Меня провинціалы выставили въ 17 губерніяхъ. Это было наибольшее число полученныхъ кѣмъ-либо мѣстъ. По закону я могу избираться только въ 5 мѣстахъ. Я пока избралъ Воронежъ, Саратовъ, Харьковъ, Кіевъ, Петроградъ или Псковъ. Придется поѣхать на мѣста для агитаціи. Но, кажется, Учредительное Собраніе очень не укладывается въ предположенный срокъ. Вѣроятно, будетъ отложено, и тогда мои поѣздки съ конца августа и сентября перейдутъ на октябрь, ноябрь. Сейчасъ буду усиленно заниматься публицистикой и руководствомъ партійными организаціями, которыя разрослись чрезвычайно. Агитаціонная, издательская, финансовая, военная комиссія, цѣлая типографія, масса учрежденій, и все это въ довольно неприглядномъ безпорядкѣ. Пока все время рѣшилъ отдать имъ». (30 іюля 1917 г.).

«Такъ и не успѣлъ написать тебѣ письмо изъ Петрограда. Съ утра до ночи я пишу статьи, читаю лекціи, веду разговоры съ партійными людьми по организаціи дѣлъ въ провинціи, выясняю положеніе финансоваго вопроса и т. д. Никакихъ офиціальныхъ обязанностей и множество всякихъ неотложныхъ дѣлъ. Еле успѣлъ попасть на поѣздъ въ Москву. Нашъ Центральный Комитетъ рѣшилъ участвовать не только въ большомъ совѣщаніи 12-го августа, но и въ предварительномъ, которое здѣсь устроили торгово-промышленники и болѣе умѣренныя политическія группы. Вчера прошло первое засѣданіе. Конечно, есть на этомъ съѣздѣ элементы и далекіе отъ насъ, быть-можетъ, даже и мечтающіе о контръ-революціи. Но громадное боль-

шинство—это люди, взволнованные нарастающей бѣдой государственной разрухи. Продовольственный вопросъ, финансовый и военный обострились до чрезвычайности, а внутренняя политика похожа на безсиліе паралитика. Все же Керенскій не волевой типъ, а лишь упрямый истерикъ, и его поѣздка въ Каноссу—совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ—вызываетъ не только въ нашей средѣ чувство возмущенія. Теперь нельзя больше сидѣть на двухъ стульяхъ и надо дѣлать выборъ. Соціалисты совѣта, наконецъ-то, только 31 іюля вспомнили о томъ, что есть оборона родины. До совѣщанія, которое они по этому поводу устроили, большевики распахнулись во всю и сдѣлали прямо преступное заявленіе. Но и это не помогаетъ. Вмѣсто того, чтобы совершенно съ ними разорвать, объявить ихъ врагами родины, требующими суровыхъ мѣръ обезвреживанія ихъ дѣятельности, совѣтъ все еще пишетъ резолюціи, а глава правительства все еще ходитъ на поклонъ къ совѣту. Двусмысленность и безсмысленность такого положенія очевидна, казалось бы, каждому, но у насъ никакъ не можетъ усвоиться правильное пониманіе причины причинъ. Не знаю, что выйдетъ изъ большого Государственнаго Совѣщанія. Боюсь, что ничего, кромѣ большой чепухи. Судя по наблюденіямъ въ Москвѣ, правительство не пользуется ни авторитетомъ, ни надежной поддержкой такъ называемой буржуазіи, а лѣвые элементы совѣтовъ уже прямо враждебны ему. Вообще ближайшее будущее очень темно и тревожно. Но, что бы ни было, я все же думаю работать въ Петроградѣ и словомъ и перомъ. Только ужъ очень одиноко у меня дома. Не знаю, какъ ты рѣшишь пріѣзжать. Не очень запаздывай. Мнѣ думается, что въ началѣ сентября проѣхать можно свободно. Пожалуй, свободнѣй, чѣмъ въ прошломъ году. Конечно, если бы Аленушку и Риту можно было бы гдѣ-либо устроить подальше, это было бы хорошо, но вѣдь это не выполнимо, а относительно большихъ и вовсе невозможно. Какъ-нибудь проживемъ!». (Москва, 9 августа 1917.).

— «Какъ нибудь проживемъ!»—говорилъ А. И. Не многіе знали, что этотъ выдающійся человѣкъ, блестящій ораторъ, талантливый публицистъ, парламентскій дѣятель, министръ финансовъ, дѣйствительно нуждался и съ большимъ трудомъ сводилъ безъ дефицита свой скромный личный бюджетъ, состоявшій исключительно изъ его литературнаго заработка и содержа-

нія, получаемаго въ качествѣ члена Думы, а потомъ члена Временнаго Правительства. А на рукахъ у него было, кромѣ своихъ пятерыхъ дѣтей, еще трое племянниковъ, которымъ онъ посылалъ на ихъ содержаніе и воспитаніе. Скромность его была поразительная. Человѣкъ съ большимъ художественнымъ вкусомъ, любящій все красивое, изящное, онъ отказывалъ себѣ во всемъ и никогда не жаловался, не искалъ бòльшаго заработка, а бралъ только ту работу, которая была ему по душѣ, внѣ зависимости отъ того, была ли она платная или нѣтъ.

— «Не знаю, будешь ли ты что-либо предпринимать,—пишетъ онъ женѣ изъ Москвы.—Мнѣ кажется, что все теперь безумно дорого будетъ стоить, а у меня ничего нѣтъ вѣрнаго въ рукахъ въ смыслѣ дохода. Твой «министръ-капиталистъ» сейчасъ безпомощенъ. Правда, благодаря свободному времени я увеличиваю теперь литературный заработокъ, и, конечно, смогу покрыть наши обычные расходы. Въ этомъ смыслѣ я не безпокоюсь, но Ивановскій долгъ пока ничѣмъ не могу обезпечить изъ своихъ заработковъ... Какъ мнѣ грустно, что не могу я пріѣхать сейчасъ къ вамъ и повидать тебя... Мнѣ такъ хотѣлось бы сейчасъ снова побыть съ вами и побольше поговорить съ тобой. Кто знаетъ, какъ долго ты не сможешь пріѣхать въ Петроградъ. Дѣла партійныя, выборы въ Городскую Думу и литературная работа заставляетъ меня ѣхать отсюда обратно...

«Я попрежнему пишу статьи, брошюры, работаю въ нашемъ Центральномъ Комитетѣ и часто провожу тамъ весь день. О моемъ питаніи ты не безпокойся. Я ѣмъ хорошо, пользуясь то обѣдомъ клуба, то гостепріимствомъ добрыхъ знакомыхъ; здоровъ, не усталъ и могу много работать, что меня всегда всего больше радуетъ. Въ личной жизни только одна печаль—это ваше отсутствіе и невозможность попасть къ вамъ хотя бы на короткое время. Но когда нибудь же минуетъ война и революція и сможемъ мы всѣ вмѣстѣ отдохнуть гдѣ-нибудь отъ этихъ страшныхъ и отвѣтственныхъ дней. Храни васъ Богъ. Я же прошу только одного—при всякомъ случаѣ пиши хоть открытку. Все же на душѣ будетъ легче».

Какъ и въ молодые годы заботы о благахъ личной жизни его никогда не тревожили, въ немъ былъ какой-то врожденный аскетизмъ, и онъ не дѣлалъ надъ собою никакихъ усилій, чтобы

не замѣчать неудобствъ личной жизни, и попрежнему продолжалъ весь горѣть общественнымъ порывомъ.

«Общественность всегда заслоняла у меня личныя дѣла, семью», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ изъ тюрьмы, тоскуя о дѣтяхъ и умершей женѣ.

Заслуги А. И. передъ партіей Народной Свободы огромны и исключительны. Идеалы партіи, государственныя начала ея программы такъ широко пропагандировались имъ и въ его думскихъ рѣчахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и такъ претворялись имъ въ общенародное дѣло, чуждое узкой партійности, что невольно привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе и увеличивали число сторонниковъ партіи.

Его блестящій лекторскій талантъ, простота, категоричность и ясность изложенія, а главное—его неизсякаемая энергія и неутомимость сдѣлали его извѣстнымъ во всѣхъ углахъ Россіи. Не было, кажется, ни одного мало-мальски крупнаго города, который бы не посѣтилъ неутомимый А. И. за двѣнадцатилѣтній періодъ своей партійной работы.

Всюду онъ несъ здоровыя государственныя начала, оживлялъ, какъ никто, своими выступленіями мѣстную партійную жизнь, широко популяризуя программу партіи, и недаромъ семнадцать губернскихъ комитетовъ выставили его своимъ кандидатомъ въ Учредительное Собраніе!

Лекціи, публицистика и партійныя выступленія занимали у А. И. все свободное отъ думской работы время.

«Собирался выѣхать въ Крымъ на рядъ лекцій,—пишетъ онъ въ 1914 году изъ рижскаго Карлсбада моему брату,—а въ августѣ рѣшилъ поѣхать въ Стокгольмъ на междупарламентскую международную конференцію... Осенью ѣду въ Сибирь въ рядъ городовъ для лекцій».

«Воспользовавшись свободной недѣлей,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—я совершаю объѣздъ Сѣверо-Западнаго края. Буду въ Пинскѣ, Двинскѣ, Витебскѣ и Оршѣ. Былъ уже въ Бобруйскѣ, а теперь сижу въ Гомелѣ. На досугѣ по гостиницамъ занимаюсь бюджетомъ и пишу письма».

Темой своихъ лекцій А. И. беретъ ту же область финансово-экономической жизни страны: «Трезвый бюджетъ, война и налоги», «Война и женщина», «Дороговизна жизни», «Государственный бюджетъ и народное хозяйство» и т. д.

Провинціальная печать тѣхъ городовъ, гдѣ онъ читалъ свои лекціи, Вильна, Царицынъ, Кіевъ, Саратовъ, Астрахань, Елизаветградъ и т. д., всегда съ большимъ восторгомъ отзывались о его выступленіяхъ, составлявшихъ крупное событіе въ мѣстной жизни. Онъ обладалъ способностью сдѣлать для широкой публики доступными и интересными даже статистическія выкладки по вопросамъ государственнаго хозяйства и сумѣлъ пробудить общественный интересъ къ вопросамъ бюджета, область до него мало или почти совсѣмъ не затрогиваемая.

По преимуществу на эти же темы первоначально были его публицистическія статьи. Писалъ онъ въ «Рѣчи», «Ежегодникѣ Рѣчи» и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», посылалъ статьи и въ провинціальныя газеты. Послѣдніе годы писалъ и на общеполитическія темы и очень удачно. Писалъ онъ легко и поразительно быстро. Бывало, зайдетъ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» проѣздомъ изъ Воронежа въ Петроградъ и тамъ же въ редакціи въ 10—20 минутъ напишетъ яркую статью на волнующій его политическій вопросъ.

«Моя партійная работа очень сложна и занимаетъ много времени,—пишетъ онъ женѣ,—теперь я еще успѣваю писать въ газетахъ. Позднѣе будетъ трудно и это дѣлать, хотя въ Русскихъ Вѣдомостяхъ я два раза въ недѣлю взялся давать очередныя замѣтки. Написалъ уже двѣ брошюры и еще двѣ осталось. Это даетъ мнѣ нѣкоторыя сбереженія. Лѣтній долгъ уже покрытъ».

Начиная съ августа 1917 года, онъ помѣщаетъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ свои «Политическія замѣтки», имѣющія глубокій интересъ по освѣщенію всѣхъ совершавшихся событій съ точки зрѣнія правильно понятыхъ государственныхъ интересовъ настоящей демократіи.

Въ 1911 году былъ напечатанъ его трудъ—«Жизнь и дѣятельность Николая Ивановича Пирогова».

«Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ, но дѣла великаго человѣка суть памятникъ, поставленный имъ своему народу»—эти слова Соловьева Андрей Ивановичъ приводилъ эпиграфомъ въ предисловіи къ своему труду. Въ этомъ очеркѣ, съ такою любовью написанномъ, А. И. собралъ и разработалъ съ удивительной обстоятельностью всю разрозненную литературу о Пироговѣ, воспользовался всѣми ар-

хивными матеріалами, біографическими и автобіографическими данными и нарисовалъ величавый образъ этого замѣчательнаго человѣка, ученаго и общественнаго врача, такъ близкаго по духу самому Андрею Ивановичу.

— «Ищи быть и будь человѣкомъ!» говорилъ Н. И. Пироговъ, и этотъ его завѣтъ свято выполнилъ А. И. всей своей жизнью.

Въ августѣ въ Петроградѣ началась избирательная кампанія въ городскую думу, въ ней наиболѣе дѣятельное участіе принялъ А. И., съ свойственной ему пылкостью отдавшись этому дѣлу, борясь съ равнодушіемъ обывателя, съ одной стороны, и демагогическими пріемами большевиковъ—съ другой. Вотъ выдержки изъ его письма къ женѣ отъ 20 августа.

«Теперь заканчивается у насъ избирательная борьба въ городскую думу. Агитація шла пока тихо. Лѣвые почти не устраивали своихъ собраній и какъ-то вялы. Обыватель глубоко равнодушенъ и наши митинги, хотя и многочисленные, раскачиваютъ его съ трудомъ. Вчера весь день своихъ именинъ я ѣздилъ по городу, занимаясь партійными дѣлами, былъ на окраинахъ, въ самыхъ гнѣздахъ большевиковъ, на Путиловскомъ заводѣ, за Московской заставой, въ Александро-Невской окраинѣ и т. д. Темная, злобная на кого-то и за что-то, толпа иногда слушаетъ внимательно и вдумчиво, иногда нѣсколько сорванцовъ или партійныхъ агитаторовъ кричатъ, свищутъ, мѣшаютъ говорить. Въ центрѣ города культурная публика принимаетъ восторженно, окраина хмурится или негодуетъ».

«Конечно, мы на выборахъ не побѣдили, да и не можемъ побѣдить. Сейчасъ торжество соціалистическихъ инстинктовъ, а государственный разумъ въ загонѣ. Нужна безконечная культурная работа, съ которой я началъ 23 года тому назадъ свою общественную дѣятельность и въ чемъ я теперь не только не раскаиваюсь, но вижу, какъ я былъ правъ.

«Прежде чѣмъ горькіе опыты не будутъ пройдены, прежде чѣмъ на собственныхъ примѣрахъ люди не поймутъ предѣловъ возможности, они не остановятся въ своихъ безумныхъ попыткахъ, а потомъ потянутся десятилѣтія культурной работы, пока масса станетъ болѣе сознательной».

А вотъ какъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ одного митинга, гдѣ ему пришлось выступать.

«На митингѣ за Московской заставой, гдѣ собралась самая темная и самая враждебная аудиторія, какую я когда-либо видѣлъ, на мое указаніе, что не все же одна рознь и борьба рѣшаютъ наши взаимоотношенія, есть же у насъ одно общее дорогое для всѣхъ,—родина,—вдругъ послышался рѣзкій и грубый выкрикъ изъ толпы въ полутемной залѣ. Просунувшись сквозь передніе ряды, съ лицомъ багровымъ отъ злобы, вытянувъ сжатую въ кулакъ жилистую руку, какой-то рабочій мнѣ крикнулъ: «у рабочихъ нѣтъ родины, у нихъ есть только вотъ этотъ кулакъ!».

«Безумная клевета на народную массу, брошенная темнымъ безотвѣтственнымъ человѣкомъ, звучала какъ дикій вызовъ всему существующему. До нея довели его проклятое прошлое и преступное настоящее. Но онъ не вѣдаетъ, что говоритъ. Кто броситъ въ него камень?...». (Политическія замѣтки, Русск. Вѣд. 24 августа 1917 г.).

Съ тревожнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ онъ на развертывающіяся событія. Онъ чувствовалъ нарастаніе злобы кругомъ, видѣлъ проявленіе самыхъ звѣрскихъ инстинктовъ въ массахъ того народа, которому такъ преданъ былъ и на служеніе которому отдалъ всю свою жизнь. Но все-таки это не оторвало его отъ народа, онъ продолжалъ вѣрить въ него:

«Не погибнетъ великій русскій народъ. Не можетъ погибнуть онъ, полный творческихъ силъ. Лишь на время затуманился его разумъ и междоусобицей терзается его грудь. Горькимъ опытомъ познаетъ онъ начала политической свободы, бредетъ ощупью, сбивается съ пути.

«Идите къ нему, несите въ него ваши знанія, вашу вѣру, вашъ призывъ къ спасенію страны!»—писалъ онъ 6 сентября 1917 г. и не только писалъ, но и свято выполнялъ до конца этотъ девизъ своей работы.

Съ созданіемъ въ концѣ іюля новаго коалиціоннаго правительства, куда вошли и представители партіи Народной Свободы въ лицѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, П. П. Юренева, С. Ѳ. Ольденбурга и А. В. Карташева, проблема твердой власти осталась неразрѣшенной. Государственное Совѣщаніе въ Москвѣ, корниловское выступленіе и дальнѣйшія политическія событія, къ которымъ съ чуткимъ сердцемъ и болью въ душѣ присматривался А. И., оставаясь въ центрѣ политической жизни въ ка-

чествѣ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Центральнаго Комитета партіи, нашли правдивое и интересное описаніе въ его письмахъ къ женѣ. Привожу ихъ въ выдержкахъ.

«Сегодня уѣзжаю послѣ «Всероссійскаго Государственнаго Совѣщанія» съ неудовлетворенной душой и смущеннымъ разумомъ. Въ сущности ничего не вышло. Великая трещина, возникшая съ первыхъ дней революціи между «революціонной» демократіей и остальными группами населенія, осталась въ силѣ и, пожалуй, еще рѣзче обозначилась. Вожди демократіи это съ ужасомъ видятъ, хотятъ идти и идутъ на словесныя уступки, но ихъ власть надъ массами такъ же не велика, какъ и власть правительства. Эта власть скорѣе тѣнь власти, чѣмъ ея реальность. Массы еще не отрезвѣли отъ психологіи революціоннаго «правотворчества», и только горькій опытъ сможетъ сурово разбить ихъ иллюзіи, воспитанныя безотвѣтственной утопической или безчестной демагогіей. Въ лапахъ демагогическихъ призывовъ и посуловъ запутались и сами вожди демократіи. Толпа скорѣе ихъ сброситъ, чѣмъ повѣритъ ихъ требованіямъ новаго осторожнаго курса. Нормировка заработной платы имъ не подъ силу, и масса вырвется у нихъ изъ рукъ при попыткахъ повести ее по этому пути. Уже желѣзнодорожники открыто и публично грозятъ на 20 августа забастовкой, уже въ самомъ совѣщаніи слышится гулъ недовольныхъ выступленіями Церетелли голосовъ. Конечно, я всей душой желалъ бы мирныхъ исходовъ назрѣвающаго уже не столько политическаго, сколько соціальнаго кризиса. Я боюсь, что можетъ разразиться ко всѣмъ прочимъ нашимъ бѣдамъ—гражданская война, и всѣми силами хотѣлъ бы ея избѣжать. Бѣдная, несчастная родина. Но что сможетъ сдѣлать не только отдѣльный частный человѣкъ, но и даже сама государственная власть въ эти роковыя минуты хода исторіи? Керенскій больше кричалъ и пугалъ кого-то и за что-то, чѣмъ былъ носителемъ той власти, о которой всѣ мечтаютъ. Порой его тонъ былъ вызывающъ и непріятенъ, порой мнѣ было его глубоко жаль, какъ человѣка, у котораго много заслугъ истинныхъ и надъ которымъ нависаетъ какой-то fatum исторіи. Въ послѣдней рѣчи онъ, видимо, сорвался и отъ переутомленія или волненія сорвался и что-то трагически безсвязное наговорилъ. Въ печати онъ, вѣроятно, исправитъ конецъ своей рѣчи, но въ залѣ тя-

жело было его слушать и впечатлѣніе осталось смутнымъ и грустнымъ. «Хотѣлъ сыграть Бориса Годунова и сыгралъ царя Ѳедора», говоритъ П. Н. Милюковъ.—«Треснувшій горшокъ замазали, трещину кое-какъ наскоро закрыли и повезутъ въ Петроградъ, а тамъ онъ и развалится!»—такъ характеризуетъ Саша Хрущовъ впечатлѣнія о проблемѣ данной власти. Грустно. Не засиживайся долго въ Грачевкѣ. И мнѣ и тебѣ тяжело. Все же я жду васъ съ нетерпѣніемъ». (16 августа 1917 г.).

«Здѣсь положеніе остается попрежнему тревожнымъ и неопредѣленнымъ. Говорятъ то о возстаніи большевиковъ, то о заговорѣ контръ-революціонеровъ. Временное Правительство расползается по всѣмъ швамъ и я не знаю, что выйдетъ изъ всего этого нарастающаго столкновенія... Я уже не говорю о Черновѣ,—этомъ политическомъ изувѣрѣ, министрѣ, который ничего абсолютно не дѣлаетъ, кромѣ писанія статей и рѣчей на митингахъ. Въ министерствѣ онъ почти никогда не бываетъ и только посылаетъ с.-р. эмиссаровъ во всѣ концы Россіи, да замѣщаетъ ими всѣ вакансіи. Несчастная страна, которую хотятъ спасти истерическими рѣчами и партійнымъ идолопоклонствомъ всякіе бездѣльники, не умѣющіе и не желающіе работать. Въ твоихъ хозяйскихъ заботахъ ты, вѣроятно, и половины не читаешь газетныхъ сообщеній. А какъ они тяжелы. Мы уже на днѣ политической революціи, ея цвѣты оборваны и растоптаны, все хозяйство дезорганизовано и банкротство такъ называемой «революціонной демократіи», а попросту, вожаковъ интернаціональнаго соціализма, налицо. Осталась только зажженная классовая злоба, ненависть темная и слѣпая, жажда какого-то разрушенія и психопатическое нежеланіе работать въ массахъ. Только теперь видишь, какъ революціонныя страсти туманятъ разумъ надолго и часто безъ остатка...

«Моя дорогая Фроня, вчера не отправилъ тебѣ письмо, а сегодня дополняю. Уже такая куча всякихъ событій случилась послѣ окончанія письма. Ты все скоро узнаешь изъ газетъ, но не сможешь угадать внутренній смыслъ событій... Два полюса—Корниловъ и Керенскій, на два лагеря разъединившіе Московское совѣщаніе, больно столкнулись, и что произойдетъ теперь, не знаю. Керенскій объявилъ Корнилова мятежникомъ, бывшій

оберъ-прокуроръ Синода В. Н. Львовъ, бывшій посредникомъ въ переговорахъ о томъ, чтобы Керенскій уступилъ, арестованъ, потомъ снова выпущенъ, всѣ министры подали въ отставку, Керенскій не то будетъ диктаторомъ, не то вновь образуетъ маленькую директорію, какія-то войска идутъ къ Петрограду, какія-то уходятъ изъ него. Таковъ пока фонъ совершающихся событій. Чѣмъ все это кончится, одному Богу извѣстно. Пока пишу тебѣ, можетъ быть, вопросъ уже конченъ, но даже этотъ трагическій случай, въ который приплелось еще много всякихъ водевильныхъ недоразумѣній, только показатель того, что можетъ быть, что таится въ глубинахъ нашей революціонной и контръ-революціонной стихіи. Положеніе сейчасъ очень тяжелое. Все въ государственной жизни рвется какъ паутина: оборона, хозяйство, финансы, порядокъ, единство націи... все разбито ураганомъ революціи и взрывами соціальныхъ страстей.

«Не сегодня, такъ завтра можетъ произойти второй и третій взрывы междоусобицы; а на фронтѣ попрежнему коварный и настойчивый врагъ. Что еще будетъ.

«Причины—глубоки. Народная темнота, идущая за тѣми, кто обѣщаетъ всего больше, безуміе вождей, которые не то вѣрятъ, не то съ отчаянія пытаются сочетать политическій переворотъ съ соціальными максималистскими лозунгами. Свои ошибки, разъединяющія и разлагающія народъ, вызываютъ отпоръ испуганныхъ и злобныхъ собственниковъ. Это подлинная контръ-революція. Но на борьбу съ максималистами поднялись и тѣ, кому нечего терять въ соціальныхъ привилегіяхъ, но кто хочетъ удержать родину отъ окончательной гибели, кому невыносимъ позоръ большевизма и интернаціонализма, въ комъ не заглохло чувство любви къ этой несчастной родинѣ. И вотъ получилась смѣсь настроеній и враждующихъ элементовъ, которая еще долго будетъ давать всякіе неожиданные сюрпризы. Какъ и революціонный терроръ, контръ-революція питается сочувствіемъ многихъ и содѣйствіемъ даже чуждыхъ ей по существу элементовъ. А это сочувствіе вызывается объективнымъ и полнымъ угрожающихъ явленій распадомъ государственнаго организма отъ всякихъ «опытовъ» господъ соціалистовъ, очень долго изучавшихъ исторіи всякихъ революцій, но никогда не научившихся прошлымъ урокамъ. Боюсь, очень боюсь, что трагедія Корнилова лишь начало такихъ событій, пока «экономи-

ческія предпосылки» не разрушатъ дѣло революціи. И только тогда, на ея развалинахъ, потомки Луи Блана и Бакунина будутъ лить поздня слезы отчаянія и безсильнаго гнѣва. Того ли ждали, на то ли надѣялись мы въ первые мартовскіе дни». (27 августа 1917 г.).

«Самое тяжелое изъ всего происшедшаго—это трагедія съ Корниловымъ. Офиціально мятежникъ и бунтарь, не офиціально—человѣкъ подобный членамъ Временнаго Правительства, которые въ февралѣ свергали Николая, онъ теперь захотѣлъ свергнуть существующую власть. Ужасъ междоусобной войны, кажется, къ счастью, предотвращенъ. Корниловъ погибаетъ. Но самое тяжелое заключается въ томъ, что причины, его вызвавшія, остаются въ полной силѣ. Революціонный соціализмъ продолжаетъ идти по пути «диктатуры пролетаріата», по пути безнадежномъ и заранѣе обреченномъ на роковую неудачу. Его вожаки или сами слѣпы, или уже ничего не могутъ сдѣлать съ разбушевавшейся стихіей соціальныхъ инстинктовъ и вражды. Возстаніе Корнилова лишь симптомъ общей болѣзни и, какъ всякій симптомъ, можетъ быть временно устраненъ, но болѣзнь не пройдетъ. Могутъ появиться новые и новые моменты назрѣвшей гражданской розни и мы еще долго будемъ жить на вулканѣ соціальной революціи и контръ-революціи. Въ мятежѣ Корнилова повинны всѣ и никто, его повтореніе можетъ придти тогда, когда никто этого не ожидаетъ, потому что настроеніе общества не можетъ быть измѣнено никакой революціонной волей.

«Боюсь, что теперь, окрыленные легкой побѣдой надъ первымъ проявленіемъ бѣды, вожаки соціализма не удержатся въ равновѣсіи и снова попробуютъ перевернуть въ другую сторону, насколько смогутъ. Если они удержатся отъ этихъ экспериментовъ, то тогда надо будетъ хвалить ихъ политическое благоразуміе. Его у нихъ очень недостаточно. Я, конечно, буду оставаться здѣсь, ибо привязанъ здѣсь работой къ Центральному Комитету и уѣду только тогда, когда будетъ идти военная эвакуація. Надѣюсь, что этотъ моментъ и не наступитъ». (30 августа 1917 г).

X.

Онъ не бросалъ работы, оставаясь въ Петроградѣ, несмотря на всю тревогу, которую переживалъ за семью. Жена и дѣти его оставались въ Грачевкѣ, несмотря на тревожные кругомъ симптомы начинающихся погромовъ и пожаровъ. Сгорѣли и у него на хуторѣ всѣ служебныя постройки, кромѣ дома. Въ Усманскомъ уѣздѣ разгромы стали принимать наиболѣе острую форму. Звѣрски былъ растерзанъ толпой кн. Вяземскій, имѣніе котораго было въ томъ же Усманскомъ уѣздѣ. Обезпокоенный, онъ пишетъ женѣ:

«Я съ огромнымъ нетерпѣніемъ жду отъ тебя вѣстей. Какъ ты рѣшишь—ѣхать въ Воронежъ на зиму, перебраться въ Усмань, или рискнешь даже въ Петроградъ. Только объ одномъ умоляю—не оставайся въ Грачевкѣ. Укоры совѣсти говорятъ у немногихъ, а распропагандированная толпа всегда толпа. Я безъ ужаса не могу вспомнить о трагедіи съ Вяземскимъ. Ты, вѣроятно, читала въ газетныхъ телеграммахъ, какъ его убила толпа солдатъ на ст. Грязи послѣ ареста въ имѣніи. Вѣдь это все тотъ же нашъ тихій Усманскій уѣздъ, гдѣ демонъ соціальной вражды никогда не утихалъ, а теперь лишь выросъ въ безумства массъ. Я никогда не могъ мириться съ положеніемъ какого-то виновнаго и потому никогда не участвовалъ въ хозяйствѣ отца, и, какъ ты знаешь, самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ него отошелъ съ первыхъ дней самостоятельной юности. Теперь ты хочешь вести трудовое хозяйство, но сами вѣдь мы его не поведемъ, а чужими руками теперь вести очень тяжело и почти немыслимо. Конечно, посѣвы и пр., все это еще впереди и на нашъ маленькій клочокъ земли не будетъ такихъ злобствованій, какъ на Вяземское громадное и очень культурное хозяйство, но все же я бы не вышелъ изъ предѣловъ сада и огорода,

въ которыхъ буквально почти все сдѣлано твоими и моими руками. Я уже написалъ тебѣ о томъ, какъ теперь трудно было бы прожить въ Петроградѣ съ дѣтьми. Хотя все же сотни тысячъ людей живутъ здѣсь и проживутъ, но помимо продовольственныхъ лишеній, неопредѣленность политическая и возможность повторенія исторіи Парижской коммуны вблизи непріятельскихъ войскъ все же пока не исключены». (27 августа 1917 г.).

Его тревога за жену и дѣтей была не напрасна. Тяжелые дни приходилось переживать его женѣ Евфросиніи Максимовнѣ. Въ деревенской глуши, оторванная отъ мужа, съ мучительнымъ безпокойствомъ за него и за дѣтей, она жила съ ними въ Грачевкѣ, куда доходили зловѣщіе слухи о злобныхъ погромахъ кругомъ. Наступило время учиться дѣтямъ и она рѣшилась переѣхать съ ними въ Воронежъ.

Погромы докатились и до любимой Андреемъ Ивановичемъ Грачевки и не пощадили его маленькаго клочка земли, гдѣ когда-то съ такой любовью онъ ухаживалъ за посаженнымъ имъ плодовымъ садомъ и огородомъ. Все было разграблено и уничтожено и фундаменты сгорѣвшихъ зданій были растащены по кирпичу. Къ счастью, это произошло въ отсутствіи семьи.

Слабое сердце Е. М. не выдержало всей тревоги жизни нашихъ дней. Получивъ телеграмму о тяжеломъ состояніи жены, Андрей Ивановичъ тотъ же часъ выѣхалъ въ Воронежъ, но уже не засталъ ее въ живыхъ—она умерла 23 сентября отъ разрыва сердца.

Отъ этого тяжкаго удара А. И. уже не могъ оправиться. Остро чувствуя утрату, онъ весь ушелъ къ дѣтямъ, замкнулся въ ихъ жизнь и первоначально рѣшилъ даже отказаться отъ дальнѣйшей политической дѣятельности и снять свою кандидатуру въ Учредительное Собраніе, чтобы не оставлять дѣтей однихъ и хотя нѣсколько смягчить имъ незамѣнимую утрату матери.

«Бѣдныя дѣвочки, какое время приходится имъ переживать въ такую раннюю дѣтскую пору. Потерять мать, остаться на время безъ отца, вдали отсюда и еще узнать, что ихъ любимое гнѣздо въ Грачевкѣ снесено съ лица земли, и все это за два мѣсяца. Впрочемъ, я такъ горжусь этими малышами, какъ они стойко переносятъ свое горе...». (Изъ письма къ своему отцу—Петропавловка, 30 ноября 1917 г.).

Только по настоянію своихъ друзей онъ отказался отъ мысли отстраниться отъ политической дѣятельности и рѣшился принять участіе въ выборахъ въ Учредительное Собраніе, затаивъ личное глубокое горе внутри себя.

Но смерть жены положила на него неизгладимую печать. Это уже не былъ тотъ здоровый, жизнерадостный, какъ прежде, бодрый человѣкъ. Глубокая печаль не сходила съ его лица. Скорбно-грустными глазами смотрѣлъ онъ на всѣ эксцессы озвѣрѣлой толпы.

Пробывъ двѣ недѣли съ дѣтьми и оставивъ ихъ на попеченіе своей тетки и 80-тилѣтняго старика-отца, онъ возвратился въ Петроградъ къ служенію на своемъ общественномъ посту.

Въ партіи началась усиленная подготовка выборовъ въ Учредительное Собраніе. Центральной фигурой, около которой сосредоточивалась вся партійная агитаціонная работа, былъ попрежнему Андрей Ивановичъ, выступавшій и разъѣзжавшій со своими докладами и лекціями на политическія темы.

Въ петроградскую городскую думу А. И. прошелъ въ числѣ немногихъ членовъ партіи Народной Свободы. Свои политическія выступленія, имѣвшія большой успѣхъ, онъ направляетъ главнымъ образомъ противъ большевиковъ.

— «Здѣсь въ политическомъ мірѣ наступило гнилое затишье,—пишетъ онъ женѣ 9 сентября.—П. Н. Милюковъ уѣхалъ на мѣсяцъ въ Крымъ отдохнуть отъ всей передряги послѣднихъ мѣсяцевъ. Послѣ корниловской трагедіи совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ получили очень крупное вліяніе и большевизмъ расцвѣлъ махровымъ цвѣтомъ. Въ городской думѣ я поневолѣ попалъ въ лидеры, и это очень тяжело. Кругомъ такія фигуры «демократіи», что просто жуть беретъ за городскія дѣла. Денегъ въ городѣ нѣтъ, долги ужасные. Что будетъ дѣлать управа, я не понимаю...».

Кризисъ власти въ лицѣ второго коалиціоннаго министерства послѣ корниловскаго выступленія закончился не скоро. Керенскій своей колеблющейся политикой уступокъ требованіямъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, съ одной стороны, и опредѣленнымъ положеніямъ, съ другой стороны, представителей партіи Народной Свободы, требовавшихъ сильной единой, общенаціональной надпартійной власти, терялъ сторонниковъ

въ обоихъ лагеряхъ и пытался образовать новый коалиціонный кабинетъ.

Сентябрьское демократическое совѣщаніе—«этотъ однобокій съѣздъ»,—какъ говорилъ А. И., долженъ былъ утвердить власть въ странѣ.

«Творится новый грѣхъ передъ народомъ, который многаго не понимаетъ и о многомъ не догадывается. Никакими словами о представительствѣ «организованной демократіи» не закрыть огромнаго разъединенія общенародныхъ силъ... Нѣтъ единства въ странѣ, а они усиливаютъ распадъ ея силъ... Нѣтъ сильной власти, а имъ хочется выдернуть изъ-подъ нея еще нѣсколько подпорокъ...».

Наконецъ, создалась власть въ видѣ третьяго коалиціоннаго правительства, но въ прочность и твердость его уже никто не вѣрилъ.

Былъ искусственно созданъ «Временный Совѣтъ Республики», такъ называемый «предпарламентъ». Имъ Керенскій надѣялся закрѣпить власть и жестоко ошибся. Разъѣдаемый внутренними партійными распрями, этотъ предпарламентъ не только не создалъ національнаго единства, но положилъ начало сверженію власти Временнаго Правительства. Первый ударъ былъ нанесенъ именно предпарламентомъ, вынесшимъ 25 октября наканунѣ подготовлявшагося большевистскаго возстанія резолюцію съ недовѣріемъ политикѣ Временнаго Правительства.

А 26 октября загремѣли пушки и пулеметы надъ Зимнимъ дворцомъ, гдѣ засѣдало Временное Правительство, и оно пало подъ напоромъ бушующихъ стихійныхъ силъ, никѣмъ не поддержанное...

Андрей Ивановичъ былъ не однимъ только свидѣтелемъ этихъ политическихъ событій, но и активнымъ ихъ участникомъ, и въ предпарламентѣ, куда онъ вошелъ, какъ представитель партіи, и въ имѣвшихъ мѣсто тогда межпартійныхъ совѣщаніяхъ партій, стоящихъ на точкѣ зрѣнія обороны страны. Всюду попрежнему онъ пытался вносить здоровыя государственныя начала въ политическую жизнь, но положеніе уже было безнадежно.

Ужасы предстоящей гражданской войны все время стояли у него передъ глазами. Онъ глубоко страдалъ за народъ, который не понялъ его. Заснула народная совѣсть. Здоровые эле-

менты народа недоумѣнно отстранились, отошли въ сторону. Страна вступила въ тяжелую мучительную полосу «углубленія революціи». При такихъ обстоятельствахъ наступили выборы въ Учредительное Собраніе.

А. И. ѣдетъ въ Воронежъ организовать выборы и партійную агитацію и кстати повидаться со своими сиротами-дѣтьми. Въ Воронежѣ, въ день выборовъ въ Учредительное Собраніе 12 ноября, въ театрѣ Ампиръ онъ выступаетъ передъ своими избирателями (кто зналъ тогда, что въ послѣдній разъ) съ полной патріотизма и глубокаго государственнаго смысла рѣчью, такъ очаровавшей и увлекшей всѣхъ. Это было послѣднее слово, которое слышали воронежцы отъ своего любимаго избранника. Громомъ аплодисментовъ и оваціями встрѣтили и проводили воронежцы своего любимца, не подозрѣвая, что они провожаютъ его на путь страданій, что онъ,—этотъ народолюбецъ,—будетъ объявленъ «врагомъ народа», онъ, всегда боровшійся за законъ и право, будетъ объявленъ «внѣ закона» случайными захватчиками власти...

А дальше... дальше пусть говорятъ эти жуткія страницы его дневника, «Какъ это было», что остался послѣ его смерти. Изо дня въ день онъ велъ его въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, томясь и тоскуя не только по своей семьѣ, но и по погибающей родинѣ-матери. Этотъ дневникъ уже вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Я привожу только выдержки изъ него, чтобы закончить мой очеркъ жизни этого полнаго обаянія и духовной красоты человѣка.

27 ноября.

«Утромъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Н. И. Астровымъ изъ Москвы. И дома, въ Воронежѣ, и въ Москвѣ всѣ отсовѣтовали ѣхать въ Петроградъ, такъ какъ большевики, навѣрное, меня арестуютъ. Мнѣ самому казалось, что это должно случиться, но я и въ Ц. К. [1]) и всѣмъ остальнымъ говорилъ: «Я долженъ ѣхать. Бываютъ моменты, когда личная безопасность политическаго дѣятеля должна отступить передъ его общественнымъ долгомъ. На 28-ое назначено открытіе Учредительнаго Собранія. Я и другіе, избранные въ члены Собранія, должны быть

[1]) Центральный Комитетъ партіи Народной Свободы.

въ назначенное время на мѣстѣ».—Поѣхалъ и хотя приходится писать теперь, сидя въ казематѣ неизвѣстно за что, все же не раскаиваюсь. Пусть населеніе знаетъ, кто срываетъ Учредительное Собраніе, кто насилуетъ свободу народа. Изъ нашего задержанія должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознаніе.

« ...Съ дороги я усталъ, плохо спалъ уже нѣсколько ночей, а потому съ радостью воспользовался любезностью А. М. Петрункевичъ переночевать у С. В. Паниной. Заснулъ, какъ убитый, и въ 7$^1/_2$ былъ разбуженъ голосомъ Н. А., которая говорила: «Вставайте, пришли съ обыскомъ».

28 ноября.

«Такъ начался для меня день великаго праздника Русской земли, день созыва Учредительнаго Собранія.

«Скоро красногвардеецъ и солдатъ вошли съ ружьями въ комнату, спросили мою фамилію, документы...

«Предписывалось у меня произвести обыскъ и поступить сообразно съ его результатами. Такъ какъ никакихъ вещей у меня не было, то и обыска не производилось, а за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ «результатовъ» г. Гордонъ объявилъ меня арестованнымъ.

«Пришлось подчиниться силѣ, и я отправился.

«По дорогѣ въ Смольный большевистскій жандармъ тономъ заправскаго жандарма цинично и лицемѣрно выражалъ сожалѣніе, что ему приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Подумайте, я арестую своего учителя Федора Федоровича Кокошкина. Какую прекрасную книгу вы написали,—говорилъ онъ съ ужимками и покачиваніемъ головы.—А все потому, что не хотите вы признать власть народныхъ комиссаровъ. Вотъ и г. Шингаревъ не хочетъ съ нами работать по финансамъ.—Гордонъ слащаво улыбался, кривлялся и былъ противенъ донельзя. Ф. Ф. и особенно Марія Филипповна принялись его стыдить; доказывали, что онъ, какъ и прежніе охранники, служитъ насилію, что его собственныя дѣти будутъ стыдиться поступковъ отца и пр. Ленинскій охранникъ съ неизмѣнно слащавой улыбкой возражалъ, что дѣлаетъ это ради блага страны.—А можетъ быть, дѣти и не поймутъ меня.—Подумайте, продолжалъ онъ кривляться, какихъ людей я арестовалъ.—Я молчалъ. Было про-

тивно говорить съ такимъ, съ позволенія сказать, гражданиномъ, видимо, находившимъ особое удовольствіе смаковать свою гнусную роль.

«Около часа ночи насъ передали караулу солдатъ латышскаго полка. Долго держали внизу, въ коридорѣ на сквознякѣ и повезли въ автомобиляхъ въ Петропавловку. Около половины второго мы были въ крѣпости и долго стояли на морозѣ, ожидая, когда и куда насъ засадятъ. Долгоруковъ и Кокошкинъ принялись объяснять солдатамъ, какое преступленіе они дѣлаютъ, лишая свободы членовъ Учредительнаго Собранія. Солдаты молчали, одинъ изъ нихъ сказалъ: «да мы что, мы лишь исполнители приказанія».—Такъ говорили и при царѣ,—сказалъ Кокошкинъ. Развѣ можно исполнять незаконныя приказанія.—«Вы—все!».—сказалъ я солдатамъ, «потому что только вами они и держатся. Безъ вашей вооруженной силы они—никто!».

«Было холодно и темно. Морозъ пощипывалъ ноги, говорили, что сразу ударило 12 градусовъ. Всѣ озябли, пошли въ караульное помѣщеніе погрѣться.—Какую бы вы рѣчь сказали въ Учредительномъ Собраніи?—спросилъ меня шутливо Долгоруковъ. «Я сказалъ бы рѣчь о томъ, какъ русская революція сама себя убиваетъ», отвѣтилъ я.

«Только около половины третьяго часа ночи мы были отведены въ Трубецкой бастіонъ и разведены по одиночнымъ камерамъ. Желѣзная дверь захлопнулась за мной, и я остался одинъ, усталый отъ всего происшедшаго, охваченный отвращеніемъ передъ новыми гасителями недавней русской свободы.

«Холодно, грустно. Въ сводчатой комнатѣ гулко раздаются шаги. Надо спать свою первую ночь въ тюрьмѣ.

«Около часа дня дали обѣдъ. Я не хочу пользоваться офицерскимъ столомъ и думаю испробовать ѣду изъ общаго котла. Офицерскій обѣдъ стоитъ 2 р. 50 к. Я хочу знать, какъ питаются тѣ, кто не имѣетъ денегъ для оплаты «привилегированнаго» стола. Обѣдъ изъ супа, съ небольшими кусочками мяса, 2 ложки гречневой каши и $1/2$ хлѣба—это все. 2 раза даютъ кипятокъ и къ чаю на день четыре куска сахара. Около 7 час. вечера ужинъ изъ одного пустого супа. Таковъ казенный паекъ. Для взрослаго человѣка, даже не рабочаго, онъ явно недостаточенъ. На немъ одномъ будетъ голодно.

«Совершенно темнѣетъ и заниматься немыслимо. Это самые

тоскливые часы. Караульный сказалъ, что раньше 6 часовъ электричество не горитъ. Зато горитъ всю ночь.

«Попробую ходить изъ угла въ уголъ, чтобы не сидѣть на кровати.

«Холодный асфальтовый полъ, выкрашенный масляной краской, очень не ровенъ. Одиннадцать шаговъ впередъ и назадъ... Долго продолжать такую прогулку было бы скучно, а свѣчей еще у меня нѣтъ. Приходится ждать свѣта.

«Наконецъ-то зажглось электричество. Можно взять въ руки газеты и хотя бы перечитать описаніе перваго дня занятій Учредительнаго Собранія. Какъ красочны и въ то же время ужасны эти сцены большевистскаго вандализма и безсилія «всенародныхъ представителей».

«Латышскіе стрѣлки, разгоняющіе всероссійское собраніе. Бездѣйственныя слова протеста, формула, гласящая, что мы—заключенные—свободны, звучитъ ироніей. Сила сломала право и ничего знать не хочетъ. Однако, правомъ она никогда признана не будетъ.

«Тяжело читать газеты.

«Итальянская грамматика куда занятнѣе. По крайней мѣрѣ не думать о томъ, что творится на Руси.

— «Поздно. Надо укладываться спать на свою холодную койку».

1 декабря.

«Въ 9 час. утра вставать совсѣмъ еще темно. Холодно больше, чѣмъ вчера. Даже въ тепломъ углу почти одинаковая температура.

«Сегодня день свиданій. Увижу Шуру [1]), быть можетъ придетъ и Юрій [2]).

«Передъ обѣдомъ неожиданный визитъ тюремнаго врача. Онъ вошелъ, въ военной формѣ, сдѣлалъ два шага въ камеру, предусмотрительно заложилъ руки за спину и сухимъ формальнымъ тономъ спросилъ: «Медицинская помощь не нужна?».

— Нѣтъ.

«Не знаю, воспользовался бы я такимъ предложеніемъ, если бы она была мнѣ и нужна.

---

[1]) Сестра А. И.—Александра Ивановна Шингарева.

[2]) Его сынъ—гимназистъ.

«Караульный внесъ щетку и глухо сказалъ:—для уборки.

«Я сталъ подметать полъ. Кстати, не будутъ попадаться подъ ноги какія-то шкурки отъ орѣховъ. Очевидно, еще отъ прежняго квартиранта остались.

«Въ сумракѣ пытаюсь писать дневникъ... Слава Богу, скоро пришла Саша и мы поговорили о всякихъ личныхъ дѣлахъ. Очень хочу получить къ себѣ въ камеру семейную группу. Хочу видѣть, хотя такимъ образомъ дѣтей и Фроню, которую уже никогда, никогда больше не увижу. И до сихъ поръ про эту смерть, про это нежданное и неизбывное горе не могу ни думать, ни говорить покойно. Судьба отказала мнѣ даже въ послѣднемъ утѣшеніи—проститься съ Фроней. Не могу повѣрить, что все это реально. Такъ и кажется, что вздрогнешь и проснешься отъ тяжелаго, кошмарнаго сна, что всего этого не было, не было, не было.

«Хуже всего то, что теперь никто не мѣшаетъ думать, и никакія дѣла не отвлекутъ отъ своихъ личныхъ тяжелыхъ думъ. 23 года жизни точно зачеркнуты сразу, и кругомъ такая пустота и внутри холодъ и пустота. Сознаешь, что вся твоя маленькая исторія теряется въ громадныхъ и трагическихъ событіяхъ страны, но отъ этого сознанія, когда остаешься одинъ, не легче.

«Дѣти... Да, хорошія они у меня и пока я могу лишь радоваться на нихъ. А какъ бы мы съ нею вмѣстѣ радовались успѣхамъ Аленушки, пріѣзду Володи, шумному веселью Юрія или Туси, словамъ молчаливой и вдумчивой Риты. Да, какъ бы мы радовались и какъ бы отдыхали вмѣстѣ отъ политическихъ тревогъ и ужасовъ современныхъ дней...

«Гремитъ желѣзный ключъ. Караульный принесъ въ оловянной мискѣ пустую, соленую похлебку на ужинъ.

«Еще одинъ тюремный день прошелъ».

3 декабря.

«Еще темно, но уже не спится. Среди полной тишины изъ коридора доносится звучный и мѣрный храпъ. Очевидно, бѣднякъ-караульный не вынесъ тяжести своего революціоннаго долга...

«Какъ жестокъ сонъ. Сегодня я видѣлъ во снѣ Фроню, дѣтей, все, какъ было прежде, все, чего уже нѣтъ и что далеко.

Сонъ не даетъ забвенія, а пробужденіе разрушаетъ его зыбкій обманъ...

«Самое хорошее время въ тюрьмѣ наступаетъ послѣ 7 час. вечера. Караульный внесъ пустую похлебку на ужинъ, чайникъ съ кипяткомъ и заперъ дверь до утра. Больше уже никто не потревожитъ. Не придетъ дневальный съ щеткой, не явится съ ненужнымъ визитомъ тюремный врачъ съ обычнымъ вопросомъ о медицинской помощи, не принесутъ посылки или газетъ, напоминающихъ о внѣшнемъ мірѣ. Въ коридорѣ воцаряется абсолютная тишина, только слышны глухіе шаги въ какой-то камерѣ, но вскорѣ и они замолкаютъ. Совсѣмъ тихо... Усѣвшись на кровать съ ногами (на полу стынутъ ноги) читаешь или думаешь одинъ въ тишинѣ, и мысли текутъ спокойно и глубоко. Тихо и на душѣ...».

4 декабря.

«День безъ газетъ. Но объ этомъ даже не жалѣешь. Вѣсти внѣшняго міра только раздражаютъ, хотя и не можешь отъ нихъ оторваться, когда приходитъ солдатъ съ новыми газетами. Оторванный отъ событій, лишенный какой-либо активной возможности проявить во внѣ свою волю, свою мысль, даже не зритель, а запертый въ четырехъ стѣнахъ «читатель» совершающихся событій—роль, мало подходящая для людей съ моимъ темпераментомъ и еще достаточно пригодныхъ къ работѣ.

«Вѣроятно, самое тяжелое сидѣть въ тюрьмѣ въ молодые годы, когда все направлено къ дѣятельной жизни, а насиліемъ принужденъ къ пассивно-созерцательному времяпрепровожденію.

«Съ воли» прислали массу вещей и съѣстныхъ припасовъ. Къ чему все это? Я и на свободѣ не очень цѣнилъ всякія удобства и снѣди, а здѣсь они кажутся совсѣмъ лишними. Скажу, чтобы ничего мнѣ не присылали. Скрасить тюремную жизнь ничто не сможетъ, а набивать ее мелочами не стоитъ. Суровая—она проще и легче воспринимается.

«Какое грустное дѣтство и юность для моихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Суровая политическая буря и личныя тяжелыя потери лишь бы не изломали ихъ юную жизнь. Это такое горе, которое для меня будетъ самымъ ужаснымъ. На мою долю выпало много счастія, много успѣха; жизнь прошла полно и интересно. Если теперь она наноситъ ударъ за ударомъ, то были и

лучшіе дни. Да, наконецъ, мнѣ и перенести теперь это легче. А имъ?

«Вѣра Давидовна говоритъ, что насъ могутъ выслать за границу. Но какъ я ихъ оставлю? А какъ ихъ я смогу взять, когда нѣтъ ни гроша, чтобы ихъ тамъ устроить. Лучше здѣсь отсидѣть, чѣмъ высылка».

6 декабря.

«У меня на столѣ плошечка съ вишнево-красными цвѣтами цикламена. Темные, круглые листья окружаютъ красивыя поникшія головки цвѣтовъ. Ихъ принесла вчера О. А. Кауфманъ. Въ сумракѣ тюремной камеры они выдѣляются страннымъ пятномъ. Эти цвѣты въ неволѣ такъ не подходятъ къ суровой простотѣ и пустотѣ комнаты. Они говорятъ о другой жизни. Цвѣты въ тюрьмѣ. Что можетъ быть болѣе неожиданнаго, несочетаемаго въ соединеніи этихъ понятій. Цвѣты такъ красятъ внѣшнюю жизнь, тюрьма сводитъ ее почти на-нѣтъ, почти къ предѣлу физіологическаго житія. Цвѣты—продуктъ солнца, тепла, свѣта и свободы. Въ тюрьмѣ сумрачно, холодно, пусто. Украсить тюрьму это противоестественно, украсить могилу—это понятно. И мнѣ хотѣлось бы эти вишнево-красные цвѣты поставить на далекую могилу. Она такъ бѣдна теперь. Въ послѣдній разъ, когда я былъ тамъ, она была занесена пушистымъ бѣлымъ снѣгомъ. Мнѣ было грустно, какъ никогда. Все скрыто подъ нимъ, все, что никогда не воскреснетъ къ жизни, все, что прошло и сразу оборвалось. Зачѣмъ? Почему?».

7 декабря.

«Все однообразно; день проходитъ какъ предыдущій, и завтра будетъ то же, что вчера. Только газеты будоражатъ и вызываютъ чувство мучительнаго безсилія. Нѣтъ имени негодямъ и лжецамъ, пишущимъ въ «Правдѣ». Даже свою неспособность справиться съ пьяными погромами и неистребимую слабость толпы, разнузданной и развращенной безнаказанностью и безсудностью, они сваливаютъ на контръ-революцію, корниловцевъ и калединцевъ. Подлые и жалкіе лгунишки, безъ чести и смѣлости говорить «правду». Самая отвратительная смѣсь партійнаго ханжества и безнравственности. Но самое ужасное—

это не ложь отбросовъ соціалистической партіи, а тотъ національный позоръ, униженіе и рабство, которые эти люди готовятъ для страны въ переговорахъ съ нѣмцами. Неужели и это еще придется вынести? Вчера говорили даже, что дивизія нѣмецкихъ войскъ войдетъ въ Петроградъ. Не хочется вѣрить въ этотъ кошмаръ измѣны и безумія. Надо кричать на всю страну..., но кругомъ только четыре толстыхъ стѣны, шаги часового въ коридорѣ и тишина тюрьмы.

«Опять принесли всякую массу свертковъ съ продуктами. И я снова пишу убѣдительныя письма, чтобы ничего не присылали мнѣ. Нужно такъ мало, и эти заботы друзей только удручаютъ».

8 декабря.

«Саша на свиданіи принесла нашу фотографическую семейную группу и письма отъ дѣвочекъ. Я едва удержался отъ слезъ, глядя на группу. Еще въ апрѣлѣ мы были вмѣстѣ, всѣ лица веселыя, Фроня очень похожа и жива. А что осталось теперь! У меня сжимало горло, и я съ трудомъ говорилъ. А тутъ еще письма дѣвочекъ. Полныя энергіи и возмущенія строчки Туси; она рвется въ Петроградъ. И трогательныя, не по-дѣтски серьезныя слова Аленушки. «Лучше уже умереть съ голоду, но въ Петроградѣ, а тутъ все равно мы умираемъ по кусочку, понемногу». Бѣдныя крошки! Но какъ ихъ привезти сюда. Съ кѣмъ ихъ оставить здѣсь. Я долго не могъ успокоиться и шагалъ изъ угла въ уголъ своей десятиаршинной клѣтки. Что сдѣлать? Что имъ написать?».

9 декабря.

«Какъ-то въ одномъ изъ разговоровъ въ Москвѣ въ Ц. К. опредѣляли составъ «большевистскаго» движенія, и нѣкоторые находили его состоящимъ изъ пяти элементовъ:

I. а) Это темная, политически несознательная, но озлобленная соціальнымъ неравенствомъ и хозяйственнымъ распадомъ страны, подъ вліяніемъ войны, рабочая масса;
б) не желающія воевать, распущенныя и развращенныя массы необученныхъ, молодыхъ и бездѣльныхъ солдатъ, оторванныхъ отъ здороваго с.-х. труда, въ томъ возрастѣ, когда

энергія все же ищетъ выхода и теоріи самыя крайнія всего легче увлекаютъ. Массы, столь же или менѣе сознательныя, чѣмъ рабочіе, и еще болѣе склонныя къ насилію и грабежу;

II. в) уголовные элементы тюремъ;

III. г) охранники и приспѣшники стараго режима, примазавшіеся къ большевизму;

IV. Германскіе шпіоны и германофилы;

V. Идеологи диктатуры пролетаріата, фанатики соціальной революціи, безумцы и адепты внутренней классовой войны.

«Масса рано или поздно образумится. Солдаты возвратятся домой, рабочіе изстрадаются отъ голода и безработицы большевистской разрухи и изувѣрятся въ своихъ безумныхъ вождей, уголовные постепенно снова попадутъ въ тюрьмы, охранники и монархисты, быть можетъ, съ помощью большевиковъ загребутъ жаръ ихъ руками и чего добраго добьются реставраціи; германцы, разложивъ Россію и надругавшись надъ нею, уйдутъ nach Vaterland или будутъ эксплоатировать новую «колонію», и только идеологи и безумцы никогда не поймутъ, что они сдѣлали и чьимъ орудіемъ они были. Они—самые интересные и самые ужасные изъ всей этой пятерной смѣси большевистской бурды. Они дрожжи и, какъ дрожжи, первые должны гибнуть отъ эффекта броженія, ими вызваннаго. Какъ могутъ вѣрить въ свое «дѣло». Могутъ, вѣроятно, по той же схемѣ, по которой скептикъ никогда не повѣритъ: Credo, quia absurdum.

«Но одного я не понимаю, то, чего не могъ понять никогда. Какъ эта вѣра въ величайшіе принципы морали или общественнаго устройства можетъ совмѣщаться съ низостью насилія надъ инакомыслящими, съ клеветой и грязью. Тутъ или величайшая ложь своему собственному богу, или безграничная глупость, или то состояніе наконецъ, которое англійскіе психіатры опредѣляютъ понятіемъ moral insanity—нравственное помѣшательство, неспособность различить добро и зло, слѣпота и глухота къ низкому, подлому, преступному».

13 декабря.

«Чѣмъ сумрачнѣе день, тѣмъ меньше свѣта въ моемъ бѣдномъ окнѣ. Но даже и тогда, когда солнце свѣтитъ такъ ярко, въ мои стекла не попадаютъ даже косвенно его лучи. Только

стѣна передъ окошкомъ дѣлается болѣе ясно очерченной, да кусокъ зимняго петроградскаго блѣдно-синяго неба говорятъ мнѣ о солнечномъ днѣ. Прогулка сегодня запоздала. Я не хотѣлъ идти гулять въ 9 час. утра, когда еще совсѣмъ темно, и я даже не успѣлъ выпить чаю. Грозили оставить безъ прогулки за отказъ идти въ срокъ, когда пришла очередь. Что дѣлать. Я все же не хочу гулять среди утреннихъ сумерекъ. Единственное удовольствіе—это любоваться яснымъ небомъ, деревьями, увѣшанными бѣлыми клочьями снѣга, его яснымъ блескомъ въ нашемъ дворикѣ. Сегодня, когда я вышелъ на прогулку, солнце уже заходило. Только проносившіяся облачка на свѣтломъ небѣ были окрашены красивыми розоватыми, голубоватыми отблесками блѣдной вечерней зари. Хорошо какъ на воздухѣ.—«Пожалуйте!» говоритъ караульный.

«15 минутъ прошли, надо возвращаться въ свою комнату.

«Вечеромъ неожиданно зашли ко мнѣ члены «Краснаго Креста»—Н. Д. Соколовъ, снявшій наконецъ свою черную шапочку съ головы, и еще другой—первый посѣтившій меня здѣсь—неизвѣстный мнѣ гражданинъ. Мнѣ предлагали хлопотать, принимая во вниманіе мои разныя болѣзни, перевести въ больницу. Я отказался покидать здѣсь моихъ товарищей и говорилъ лишь о необходимости позаботиться о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ, у котораго плохи легкія. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мѣнять мѣсто заключенія, къ которому уже привыкъ, на какое-либо другое. Лѣчиться? Но мои хроническіе недуги не излѣчиваются.

«Единственно, чѣмъ мнѣ работники «Креста» могли бы помочь, это достать мнѣ мандатъ объ избраніи меня въ Учредительное Собраніе. Въ Харьковѣ я прошелъ навѣрно; судя по газетамъ, прошелъ я и въ Воронежѣ. Это послѣднее, если такія свѣдѣнія вѣрны, меня радуетъ. Все же быть хотя бы и въ тюрьмѣ, но членомъ Учредительнаго Собранія отъ родной губерніи очень пріятно. Боюсь только, что исторія съ Учредительнымъ Собраніемъ будетъ кратковременнымъ и печальнымъ эпизодомъ въ исторіи второй русской революціи. Въ Смольномъ мечтаютъ уже о «Конвентѣ» или о перевыборахъ,—словомъ, о какой-то новой формѣ для поддержанія своей диктатуры. Какую ужасную опасность они готовятъ сами для себя. Демократія, которая такъ относится къ всеобщему избирательному праву, наноситъ всей своей доктринѣ непоправимый ударъ. «Если ужъ

диктатура, то диктатура государственниковъ и не соціалистовъ», скажутъ многіе, и этотъ соблазнъ скоро будетъ увлекать».

15 декабря.

«. . . . . среди обломковъ прошлаго и хаоса настоящаго какъ трудно двигаться и дышать. Въ процессъ революціи вплелась война или, вѣрнѣе, война развернула процессъ революціи до невѣдомой глубины. И это единственно, что меня тревожитъ. Выдержитъ ли государство тяжесть этихъ двухъ ударовъ? Государство, которое мнѣ дорого и цѣлость котораго для меня есть главное основаніе его будущаго расцвѣта и силы. Или революція и война, столкнувшись, схватившись въ смертельной борьбѣ, столкнутъ въ пропасть и государство, въ которомъ онѣ зажглись? Вотъ вопросы, которые не даютъ мнѣ покоя и разрѣшеніе которыхъ пока темно для меня.

«Вѣра въ государство, въ народъ, несмотря ни на что, во мнѣ преобладаетъ, но пока это лишь вѣра, а я хочу не только вѣрить, но и знать.

«Дни свиданій не даютъ мнѣ много радости. Я радъ видѣть только Сашу и Юрія. Остальные мнѣ безразличны. Люди приходятъ вовсе не для меня, а для себя. Безъ нихъ спокойнѣе. Одиночество тюрьмы имѣетъ огромную прелесть, съ которой будетъ жаль разстаться. Она положительно нужна, когда хочешь сосредоточиться. Отрѣзанный отъ общественнаго дѣла, которое передъ этимъ заполняло все, вдругъ остаешься только съ самимъ собой и переживаешь все прошлое, и горечь невозвратнаго сжимаетъ горло и подступаетъ къ глазамъ. Только ее я хотѣлъ бы, безумно хотѣлъ бы видѣть и не увижу никогда. Я былъ бы счастливъ въ тюрьмѣ остаться надолго, если бы не дѣти. Да, ихъ я здѣсь видѣть не хотѣлъ бы, но не быть съ ними—это тяжелое горе. Общественность всегда заслоняла у меня личныя дѣла, семью. Теперь, когда общественность вырвана, оторвать и семью—это такъ больно. Еще теперь, когда дѣти не совсѣмъ выросли, жить съ ними огромное счастье. Потомъ у нихъ начнется своя жизнь и останешься одинъ, но теперь терять дни въ одиночествѣ долго—невозможно. Дѣти—это самое большое счастье, которое существуетъ въ личной жизни. Я вообще не могу видѣть равнодушно дѣтей ни своихъ, ни чужихъ, а маленькихъ въ особенности».

16 декабря.

«Возвращаясь къ себѣ въ камеру, я съ изумленіемъ встрѣтилъ въ коридорѣ маленькую дѣвочку 4—5 лѣтъ, которая съ беззаботнымъ видомъ и веселыми глазками прогуливалась подъ нашими мрачными сводами. Ребенокъ, гуляющій въ тюрьмѣ! Оказалась она дочкой одного изъ караульныхъ. Въ другой разъ я ее засталъ за чаепитіемъ. Она преважно сидѣла за столомъ, еле доставая до него своимъ подбородкомъ и дѣловито грызла кусокъ сахару, запивая чаемъ. Окружающее ее занимало мало. Она была не робкаго десятка и не обратила на меня ни малѣйшаго вниманія, когда я потрепалъ ее по щекѣ.

«Мнѣ стало грустно, какъ никогда. Оставшись въ своей камерѣ одинъ, когда какъ-то особенно рѣзко щелкнулъ замокъ въ двери, я вдругъ понялъ всю глубину гнусности насильственнаго ареста и одиночнаго заключенія. Пассивность первыхъ дней начинаетъ проходить. Вѣроятно, въ дальнѣйшемъ станетъ чрезвычайно тяжело слышать этотъ щелкающій за тобой замокъ, видѣть свѣтъ въ этомъ высокомъ и тускломъ окошкѣ, упирающемся въ стѣну, оставаться среди этихъ глухихъ массивныхъ стѣнъ, куда не проходитъ ни единый звукъ съ воли».

17 декабря.

«Да, одиночество хорошо. Оно необходимо въ иные моменты, оно пришло ко мнѣ во-время, чтобы пережить и передумать все, что упало на голову за эти мѣсяцы. Но если бы можно было видѣть солнце, поля, если бы можно было уединиться не въ четырехъ стѣнахъ каземата подъ сводами тюрьмы, за запертой дверью. Насильственное одиночество можетъ стать мучительнымъ для всякаго, а для многихъ оно непереносимо съ самаго начала.

«Вчера у меня не было даже прогулки. Ужъ не знаю почему».

18 декабря.

«Уже т р и н е д ѣ л и прошло. Какъ незамѣтны онѣ и въ то же время какъ томительны. Безуміе хозяевъ Смольнаго все разрастается. Они думаютъ, что нанесли смертельный ударъ капитализму (или говорятъ это по крайней мѣрѣ, дурача другихъ), захвативъ банки. А въ результатѣ, разрушивъ и частный, и

государственный кредитъ, они лишь подготовляютъ намъ полную кабалу. Германскій капиталъ, организованный и сильный дешевымъ кредитомъ, легко захватитъ безъ соперниковъ всѣ наши рессурсы. Такой ходъ—тоже въ экономической конкуренціи, что на фронтѣ разрушеніе арміи. Кабала, кабала иноземной и безпощадной эксплоатаціи—вотъ, что ждетъ насъ. Чѣмъ больше разрушается наша промышленность и нашъ кредитъ, тѣмъ болѣе легкой добычей становимся мы для Германіи, превращаясь въ тотъ «навозъ славянскій», который нуженъ для культуры тощей нѣмецкой почвы. Боже, что за безуміе или предательство Смольнаго!».

«Маленькая дѣвчурка становится болѣе частой посѣтительницей нашего коридора. Сегодня я слышалъ ея топанье и ея дѣтскій голосокъ за дверью. Когда мнѣ принесли посылку отъ Саши, она стояла и смотрѣла въ двери моей камеры. Я протянулъ ей леденцовъ, она взяла и повторила, что ей сказалъ караульный—«спасибо».

«Въ капорѣ, изъ-подъ котораго выбиваются льняные кудри, въ шубкѣ и маленькихъ ботичкахъ, съ милымъ личикомъ и серьезными умными глазками, она стояла и смотрѣла на меня. Какія мысли пришли въ голову этому бѣдному ребенку, когда запирали двери камеры, гдѣ она видитъ въ коридорѣ десятки запертыхъ дверей, за которыми сидятъ люди. Можетъ ли она не понять, а лишь почувствовать горе и ужасъ прошлаго и настоящаго этой тюрьмы. Какія впечатлѣнія эти стѣны и своды, эти, запертые въ клѣтки, люди заронятъ въ ея душу? Она еще слишкомъ мала, но я слышу сейчасъ въ коридорѣ ея вопросы. Она что-то спрашиваетъ у караульнаго. Не могу, къ сожалѣнію, разобрать ея лепета. Что она спрашиваетъ? Что они отвѣчаютъ? Гулкое эхо свода смѣшиваетъ ихъ голоса. Я слышу потомъ, какъ она начинаетъ бѣгать и играть. Но прошли ли вопросы безъ отвѣта, или подвижность ребенка прошла мимо нихъ? Топотъ ножонокъ затихаетъ вдали, больше ничего уже не слышно. Мертвая тишина каземата снова вступаетъ въ свои нарушенныя на минуту права. Тишина».

19 декабря.

«А сколько въ этой тишинѣ мучительной неизвѣстности. Вчера узналъ отъ Саши, что помощникъ нашего коменданта

Павловъ подвергъ наказанію А. В. Карташева, посадилъ его въ карцеръ и былъ очень грубъ, угрожалъ расправой. Всѣ министры объявили голодовку, требуя арестованнаго Карташева освободить. Никто изъ насъ не подозрѣвалъ обо всемъ происшедшемъ, иначе мы тотчасъ же присоединились бы всѣ къ протесту. Негодяи! Воскрешать карцеръ за письмо къ сестрѣ, карцеръ къ лишенному свободы, больному, нервному, несчастному, но твердому духомъ человѣку—какая низость, какое варварство. И все это происходило въ нѣмой тишинѣ, гдѣ глохнутъ всѣ звуки, гдѣ замираютъ всѣ протесты, гдѣ никто не знаетъ, что дѣлается съ его сосѣдомъ. Министры узнали о происшедшемъ съ Карташевымъ только на совмѣстной прогулкѣ. Мы же лишены этого и до сихъ поръ гуляемъ поодиночкѣ. Почему? Не понимаю. Да, въ нашей тишинѣ и при теперешнихъ порядкахъ могутъ происходить молчаливыя трагедіи, безсмысленныя жестокости и издѣвательства. Вчера я видѣлъ во время свиданія Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Онъ, бѣднякъ, поблѣднѣлъ и лицо стало какъ будто немного одутловатымъ. Вотъ для его туберкулеза заключеніе—дрянная штука. Вообще все же долго быть въ одиночкѣ, даже въ нашихъ удовлетворительныхъ условіяхъ очень плохо для здоровья. Уже два дня какъ мнѣ не спится, не хочется ѣсть, голова тяжелая и пустая. Надо заставлять себя работать. Но, какъ у Romain Roland въ его Christoff невольно бредетъ въ голову соблазнительный вопросъ: A quoi bon? Зачѣмъ? Для чего? Я понимаю, что это минутная слабость, но она хуже поднимающагося иногда протеста, безсильнаго, но тѣмъ болѣе мучительнаго».

21 декабря.

«Кончилъ, наконецъ, 10 томовъ Jean Christoff. Постараюсь ограничить мою литературную пищу. Горе другихъ, даже вымышленное горе, терзаетъ меня. Каждая строчка будитъ воспоминаніе о собственной потерѣ, часто я не могъ читать совсѣмъ и какъ ребенокъ рыдалъ. Какъ это глупо, Боже мой, быть такимъ слабымъ, переживать вымыселъ, какъ собственную жизнь. Но что же дѣлать, если не могу до сихъ поръ овладѣть собой и малѣйшее прикосновеніе къ моей утратѣ дѣлаетъ боль невыносимой. Когда Саша принесла фотографію нашей группы, снятой въ апрѣлѣ, я не могъ рѣшиться взять ее съ собой въ

камеру. Я рыдалъ бы надъ ней всѣ дни, такъ тяжело видѣть этотъ былой отзвукъ всей нашей семьи, теперь разбитой и пустой безъ нея. Я еле могъ сказать Сашѣ, чтобы она унесла фотографію. Это, очевидно, реакція наконецъ упавшаго напряженія. Надо же взять себя въ руки снова.

«Какъ хорошо было гулять сегодня. Было пасмурно, шелъ мягкими, пушистыми хлопьями снѣгъ, и его бѣлая пелена покрыла всѣ дорожки и деревья во дворѣ. Было жаль уходить опять подъ своды тюрьмы.

«Сегодня прогулка была ранняя. Солнце, наконецъ-то снова я вижу солнце и голубое небо. Снѣгъ и морозъ окончательно закрыли мнѣ окошко камеры. Я думалъ, что на дворѣ сумрачно и туманно, а когда вышелъ, я былъ пораженъ картиной нашего двора. Какая сегодня красота. Небо ясно-голубое. Солнце золотитъ своимъ блескомъ одну изъ стѣнъ, снѣгомъ покрытую крышу и верхушки деревьевъ. Всѣ вѣтви увѣшаны искристыми шапками пушистаго снѣга, стоятъ, словно разубранныя въ праздничный нарядъ. Отъ мороза снѣгъ хруститъ подъ ногами и воздухъ чистый и густой. Хочется дышать, хочется не спускать глазъ съ голубого неба, гдѣ острой иглой и блескомъ золота сверкаетъ шпиль колокольни. Бодрый и радостный возвратился я съ прогулки. Но этимъ не ограничилась радость сегодняшняго дня. На свиданіе вмѣстѣ съ Сашей пришла С. В. Панина и что уже было совсѣмъ праздникомъ—это увидѣть въ комнатѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина, В. А. Степанова и ихъ посѣтителей. Такъ весело, такъ шумно провели мы время, какъ никогда. Только здѣсь цѣнишь всю прелесть общенія съ людьми, которыхъ любишь. Хотя все это продолжается нѣсколько минутъ, но эти минуты лучше многихъ монотонныхъ дней.

«Сегодня въ коридорѣ гуляетъ опять наша маленькая гостья. Оказывается, эта дѣвчурка—дочка нашего сегодняшняго караульнаго. Онъ попрежнему очень любезенъ со мной. Самъ подметалъ мою камеру, спросилъ, я ли тотъ Шингаревъ, который былъ въ Думѣ и много заступался за народъ. «Мы читали ваши рѣчи», сказалъ онъ въ заключеніе.

«Все время въ коридорѣ была моя дѣвчурка. Оказывается, ее зовутъ Руть (Руѳь?), ея отецъ—эстонецъ, и ей 4 года. Когда приносили ко мнѣ въ камеру ужинъ, она тоже пришла, уже безъ своего чепчика. Славная головка съ льняными волосами и тем-

ными глазами. Яблоко привело ее въ восторгъ. Мы сдѣлались друзьями, и она показала мнѣ свою игрушку: маленькую стеклянную банку. Игрушка такъ же бѣдна, какъ и ея мѣсто прогулокъ—тюремный коридоръ. Видѣть у себя въ гостяхъ такую крошку—это цѣлое событіе въ нашей жизни одиночнаго заключенія».

23 декабря.

«Солнце, солнце и сегодня. Верхушки деревьевъ и дымъ изъ трубъ свѣтятся нѣжно-розовымъ блескомъ. Золотая игла матово посеребрена инеемъ. Небо отъ мороза ясное и высокое. А въ камерѣ снѣгъ и морозные узоры совсѣмъ закрыли стекла. Темно, сумрачно. И не думаешь, какъ хорошо наружи».

24 декабря.

«На дворѣ метель. Даже у насъ, въ нашемъ маленькомъ дворѣ, сугробы снѣга. И снѣжная пыль залѣпляетъ глаза. Мое окно тускло совсѣмъ. Въ камерѣ холодно, и руки стынутъ, когда читаешь или пишешь...

«Принесли отъ Саши посылку и письмо отъ папы. Это единственная вѣсточка изъ внѣшняго міра. Я спокоенъ теперь, такъ какъ Юрій пріѣхалъ въ Воронежъ и вмѣстѣ съ сестрами.

«Сочельникъ. Какъ весело когда-то проводили этотъ день у насъ, когда вечеромъ дѣти собирались за елкой, пѣли, вертѣлись кругомъ. Я помню ихъ совсѣмъ маленькими. Ихъ надо было брать на руки, чтобы показать елку. Потомъ они выростали, и все же ихъ радость была такъ ясна и такъ свѣтла...

«Какъ глупо начальство тюрьмы. Мнѣ Саша принесла елочку, но ее не разрѣшили передать. Какая ненужная и безсмысленная дисциплина. Все же въ мѣшкѣ съ провизіей осталась одна маленькая вѣточка, совсѣмъ крошечная, а потомъ мнѣ передали и восковую свѣчку. Я разрѣзалъ ее на четыре куска, устроилъ елку и зажегъ. Она горитъ у меня на столѣ своими дѣтскими огнями... А слезы невольно катятся по щекамъ. Какое ужасное слово никогда!..

«Да, никогда не вернутся эти прежніе дни, когда мы были всѣ вмѣстѣ. Какъ много отнято у дѣтей, особенно у дѣвочекъ. Какъ они проживутъ безъ матери, пока выростутъ? Какъ замѣ-

нить имъ мать? Развѣ это мыслимо?.. Огоньки моей елочки горятъ. Я думаю о тѣхъ, кого здѣсь нѣтъ. О тѣхъ, кто дороже всѣхъ, и о той, которую уже никогда, никогда не увижу. Всего три мѣсяца вчера прошло со дня ея смерти. Три мѣсяца мучительной, безнадежной тоски».

25 декабря.

«Писать не хочется. Солнечный морозный день, совсѣмъ какъ святочный въ Воронежѣ, невольно манитъ вонъ изъ тюрьмы. Что-то случилось съ нашими кухарями. Для праздника насъ оставили безъ горячаго обѣда и выдали лишь по банкѣ консервовъ. Эта мелкая незаботливость (?) все же меня огорчила не за себя только, а за всѣхъ запертыхъ здѣсь въ клѣткахъ. Ѣсть мнѣ вовсе не хочется, да и скучно ѣсть одному, но эта не то случайность, не то намѣренная небрежность администраціи такъ чувствительна потому, что лишенные свободы вообще чувствительны ко всякой мелочи, къ тону голоса, къ жесту, къ малѣйшей небрежности ихъ содержанія. Поэтому такъ часты всякія исторіи и волненія въ тюрьмахъ. А тутъ на первый день Рождества оставить фактически безъ обѣда людей, запертыхъ въ каменныхъ холодныхъ стѣнахъ,—злая небрежность или гадкій умыселъ обидѣть беззащитныхъ. У меня все есть, я сытъ, но вѣдь здѣсь у многихъ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ въ Петроградѣ. Каково имъ на первый день праздника получить кусокъ чернаго хлѣба и ложку холодной каши. Мнѣ было больно за другихъ. Консервы я не люблю и спокойно отдалъ ихъ назадъ солдату.

«Вѣроятно, съ провизіей трудно. За послѣднюю недѣлю четыре раза уже у насъ былъ пустой супъ, гдѣ было немного муки, соли, иногда капусты или тоненькихъ ломтика (2—3) соленаго огурца. Очевидно, продовольствіе окончательно разстраивается. Неужели гарнизонъ т а к ъ можетъ питаться? Но тогда почему же вчера вечеромъ приходилъ какой-то чинъ спрашивать меня, не желаю ли я перейти на столъ «общественной» столовой. Значитъ, все же есть болѣе хорошая пища за деньги. Я отказался. Мнѣ ничего больше не надо. Всего, что мнѣ приносятъ, мнѣ больше чѣмъ достаточно. Мы все время обмѣниваемся съ Долгоруковымъ всякой провизіей, и онъ такъ добръ, что часто, идя съ прогулки, подходитъ къ моей двери

и здоровается. А я всегда забываю это дѣлать. Одинъ разъ попробовалъ, но солдатъ сказалъ, что это не позволяется. Пусть такъ.

«Какъ-то провели этотъ день въ Воронежѣ мои дочурки и Юрій? Какъ рѣдко вижу ихъ я во снѣ. И чѣмъ больше хочется ихъ увидѣть, тѣмъ больше ихъ образы исчезаютъ изъ сновидѣній. Никого, кого хотѣлось бы видѣть хотя бы во снѣ, не вижу я въ эти дни. И напряженіемъ воли этого не добьешся. Сонъ наступаетъ тогда, когда воля спитъ».

26 декабря.

«Какъ это смѣшно. Намъ выдали «праздничную колбасу, больше, чѣмъ по фунту на человѣка. Все же хотятъ этимъ «подкрасить» наше житіе. Солдатъ производилъ эту операцію съ довольнымъ видомъ. Однако горячаго намъ все же не дали. Около 2-хъ час. принесли только одну ложку холодной гречневой каши. Причины кухонной «забастовки» мнѣ остаются неизвѣстными. Колбаса точно нафарширована солью. Сегодня не только безъ обѣда, но и безъ прогулки. Это послѣднее много чувствительнѣе. Въ камерѣ очень надоѣдаютъ мнѣ сердцебіенія. Прежде они были такъ рѣдки, теперь, видимо, процессъ склероза за послѣдніе два мѣсяца очень подвинулся впередъ. Это такъ понятно. Первые сѣдые волосы появились у меня послѣ смерти Оги, теперь очередь за сердцемъ. Богъ съ нимъ. Я ничего не имѣлъ бы противъ прекращенія его неугомонной работы. Я никогда не боялся смерти. Два раза она заглянула мнѣ въ глаза, и я остался спокойнымъ. Послѣдній разъ это было, когда меня душилъ дифтеритъ въ 1895 г., но тогда мнѣ почти нечего было терять. А теперь... Я спокойно кончилъ бы свое земное бытіе, но дѣти!.. Я не знаю, что я имъ даю и дамъ, но все же хочется вѣрить, что со мной имъ будетъ легче прожить юные годы. Да, пока Аленушкѣ будетъ 20 лѣтъ, вотъ этотъ срокъ (9—10 лѣтъ) я хотѣлъ бы имѣть передъ собой. Больше мнѣ, лично мнѣ ничего не надо.

«Дастъ ли мнѣ этотъ срокъ судьба и склерозъ?».

30 декабря.

«И. И. Манухинъ зашелъ ко мнѣ съ какой-то дамой и между прочимъ сообщилъ, что меня переведутъ въ больницу. Мнѣ

будетъ грустно мѣнять свою камеру на новую. Мнѣ будетъ грустно оставлять Долгорукова здѣсь одного. Мнѣ грустно выходить отсюда не на свободу, а лишь въ новое мѣсто заключенія. Но всѣ на этомъ настаиваютъ, всѣ, и особенно Саша, думаютъ, что такъ лучше. Несвободный, я сталъ пассивнымъ».

31 декабря.

«Послѣдній день стараго года, и к а к о г о г о д а. Я помню, что въ прошломъ году для наступающаго новаго года я высказалъ въ статьѣ пожеланіе, чтобы въ 1917 году получили, наконецъ, осуществленія тѣ стремленія 17 октября 1905 года, которыя остались невоплощенными въ жизнь. Какъ далеко современная дѣйствительность опередила эти пожеланія и въ то же время какъ она ихъ разбила, какъ тиранія кучки замѣнила тиранію стараго самодержавія. Но эта новая тиранія, не признанная массою населенія, не только его угнетаетъ, но и разрушаетъ страну, разбиваетъ наши самыя лучшія надежды на демократію... Этотъ же годъ разбилъ и мою личную жизнь. Страна, я вѣрю, вырвется изъ новаго гнета и неминуемаго чужеземнаго ига. Мнѣ никогда не склеить разбитаго навѣки и отнятаго полнаго уюта семьи съ Фроней. Вотъ личный итогъ. И если такъ много надежды у меня на предстоящій годъ для Россіи, для себя прошлаго ничѣмъ не возмѣстишь. Боль то утихаетъ, то обостряется. Пройти она не можетъ. Итоги прошлаго подведены сурово и внезапно. Будущее можетъ добавить много горя, если исторія этого года повторится и въ наступающемъ. Для страны и для себя лично я желалъ бы одного и того же въ наступающемъ году: полной возможности мирной и спокойной созидательной работы. Для страны, чтобы залѣчить нанесенныя войной и революціей раны. Для себя я излѣченія не жду, но жить безъ свободной работы—это медленно умирать. Жизнь, сведенная къ житію, ужасна.

«Какъ хотѣлось бы повидать дѣтей, хотя немного отдохнуть среди нихъ и приняться за работу, не разставаясь съ ними. Какъ жаль даже эти немногіе дни сидѣть безсмысленно и безплодно здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ. Я не знаю, скоро ли кончится это глумленіе надъ свободой, эта жестокая и нелѣпая, по существу безцѣльная борьба съ миѳическими контръ-революціонерами, но я знаю хорошо: она не вызываетъ во мнѣ

личной злобы, но надолго оставитъ жгучую горечь и боль за поруганіе идейныхъ основъ свободнаго государства. Какъ много было прекрасныхъ надеждъ въ прошлые годы, которыя такъ жестоко разбивались дѣйствительностью. Теперь надеждъ немного, и онѣ очень скромны. Но оправдаетъ ли и ихъ дѣйствительность наступающаго года. Событія, повторяющіяся въ столѣтія разъ, необъятныя по своимъ послѣдствіямъ и невиданныя въ Исторіи по своимъ размѣрамъ, въ Россіи пришлись на долю поколѣнія безъ большихъ, геніальныхъ людей. «Народная» война, народная революція безъ героевъ, съ одной толпой, безъ плана и системы, съ одними рефлексами, какъ всегда въ толпѣ,—вотъ что заполняетъ передъ глазами современниковъ весь горизонтъ. Намъ не видно просвѣта, и никто не ведетъ по дорогѣ, да и некому вести. Больше, чѣмъ когда-либо, мы имѣемъ дѣло съ исторіей массъ и нѣтъ исторіи лицъ. Меньше, чѣмъ когда-либо, можно предвидѣть ближайшее будущее...

«А какъ одиноко и грустно такъ встрѣчать Новый годъ. Долгоруковъ обѣщалъ мнѣ постучать въ 12 часовъ въ стѣну. Это единственное общеніе, намъ доступное въ канунъ наступающаго года».

3 января.

«Сегодня снова безъ свиданій. Объясненія «пожаромъ»—выдумка. Просто-напросто нашъ начальникъ Павловъ мститъ за покушеніе на Ленина представителямъ буржуазіи. Какая эта гнусность издѣваться надъ заключенными такимъ образомъ. Такъ досадно ни вчера, ни сегодня не повидать Сашу и Володю и теперь ждать до пятницы, если «товарищъ» Павловъ надумаетъ разрѣшить свиданіе...

«Хорошо, что Шурѣ удалось передать мнѣ письма дѣвочекъ. Они такъ трогательно милы, эти письма, такъ занимательны, что доставляютъ огромное удовольствіе. Туся пишетъ, какъ говоритъ, живо и неровно. Рита сентиментальничаетъ и очень любитъ массу восклицательныхъ знаковъ, хорошо описываетъ и изображаетъ сценки. Аленушка пишетъ такъ серьезно и обстоятельно, что никогда не подумаешь, что ей 11 лѣтъ. Точно, ясно и просто она разсказываетъ всѣ свои дѣтскія забавы и занятія другихъ, какъ взрослая и съ трогательной деликатностью и наивностью ребенка. Сегодня ея два письма такъ

хороши. Съ ихъ письмами ко мнѣ въ камеру долетаютъ ихъ смѣхъ, веселье и незатѣйливая, простая жизнь у дѣдушки. Но какъ однимъ словомъ Аленушка оттѣнила и ихъ грусть. Онѣ зажгли свою маленькую елочку и «не плясали вокругъ, а молча смотрѣли на нее и потушивъ свѣчи, разошлись»... Да, такъ и я смотрѣлъ, молча и долго смотрѣлъ на свою елочку, вспоминая прошлые счастливые дни. Бѣдныя дѣти, сколько недѣтскихъ мыслей и недѣтскаго горя приходится имъ выносить за послѣдніе мѣсяцы.

«А сколько теперь такихъ дѣтей въ Россіи? А сколько еще болѣе одинокихъ, болѣе несчастныхъ и безпомощныхъ, чѣмъ онѣ, мои дѣвчурки...

«Холодно въ моей камерѣ. Такъ холодно, что трудно писать. Стынутъ руки, паръ сгущается отъ дыханія, съ окна текутъ сырые потоки по стѣнѣ, и даже на полу отъ нихъ образуется лужица. Эти послѣднія ночи никакъ не могъ согрѣться даже подъ двумя одѣялами и сверху накинутымъ пальто. Если долго сидишь, то застываютъ и руки, и ноги, приходится бросать книгу и усиленно маршировать изъ угла въ уголъ. Утромъ вставать—это цѣлое испытаніе. Не скоро потомъ согрѣешься. Не то топить стали хуже, не то зима все больше и больше даетъ себя знать».

4 января.

«Въ газетѣ «Правда» по поводу покушенія на «Ленина» напечатана кровожадная статья. Требуютъ «сто головъ» за каждую голову «народныхъ вождей». Какъ мнѣ кажется теперь и какъ казалось всегда, терроръ личный никогда ничего не достигаетъ. Если это дѣйствительное покушеніе, то можно ли убійствомъ Ленина или Троцкаго убить большевизмъ? Конечно, нѣтъ. Кромѣ того, само по себѣ это возмутительное и безнравственное средство не можетъ быть морально оправдано, оно практически нецѣлесообразно. Оно лишь подхлестнетъ упадающее настроеніе массъ. Поэтому приходится подозрѣвать, не подстроено ли это «покушеніе» нарочно, съ цѣлью именно подогрѣть симпатіи. Возможны и такія комбинаціи. Говорятъ, что среди нашего гарнизона будто бы было рѣшено въ случаѣ несчастья со Смольнымъ расправиться съ нами. Не знаю, вѣрно ли это. Что касается нашихъ сторожей, то у нихъ, по-моему,

скорѣе обратное настроеніе. Но, быть можетъ, въ крѣпости есть и иныя части...

«Послѣ прогулки я не сразу могъ согрѣться въ моей камерѣ. Часовъ около 4 пришла комиссія для освидѣтельствованія моего здоровья—нѣсколько врачей. Еще утромъ мнѣ сказалъ сторожъ, что меня переведутъ въ больницу. Врачи говорятъ то же. Не знаю, лучше это или хуже. Переведутъ, говорятъ, и Кокошкина. Но какъ же съ Долгоруковымъ? Мнѣ все-таки несмотря на нездоровье, тяжело его оставлять здѣсь. Въ «Н. Жизни» напечатано, что будто бы даже освободить насъ хотятъ. Конечно, это пустяки. Но безъ Долгорукова я рѣшилъ не выходить изъ заключенія, если бы такое постановленіе было сдѣлано».

Дневникъ обрывается 5-го января. А въ ночь съ 6-го на 7-ое января оборвали его жизнь. Пришли матросы, солдаты и красногвардейцы и тремя выстрѣлами въ упоръ убили его спящаго.

Онъ былъ живъ еще полтора часа и умирая мучился мыслью о дѣтяхъ.

Кошмарный вопросъ—«за что?»—давитъ всѣхъ насъ, живыхъ свидѣтелей его пламенной работы на благо народа и его вѣры въ него.

Такъ кончилась «Его жизнь и дѣятельность»... Я не хочу описывать картину убійства и не хочу говорить о физическихъ убійцахъ его.

Моральная отвѣтственность за содѣянное преступленіе лежитъ не на нихъ, а на тѣхъ, кто объявилъ его «врагомъ народа» и «стоящимъ внѣ закона».

— «Бѣдный, несчастный, обманутый народъ! Какими страданіями онъ будетъ расплачиваться за минутное довѣріе слѣпымъ вождямъ!»—писалъ А. И. въ своемъ послѣднемъ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости, не подозрѣвая того трагическаго конца, который его ожидалъ черезъ нѣсколько дней. За свою любовь къ народу онъ расплатился жизнью. Письмо это было получено уже послѣ смерти Андрея Ивановича. И въ этомъ письмѣ онъ вспоминаетъ знаменитую фразу г-жи Роланъ

на эшафотѣ: «О свобода, сколько преступленій совершено во имя твое!».

Тяжело переживать утрату такихъ людей, къ которымъ такъ примѣнимы слова поэта Некрасова: [1])

«Природа-мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни!».

---

[1]) Этими же стихами заканчиваетъ А. И. свой очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Пирогова.

XI.

— «Ихъ убила народная тьма. И мы должны зажечь въ массахъ благостный свѣтъ знанія!»—говоритъ воззваніе Комитета по увѣковѣченію памяти Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева и по обезпеченію ихъ семей.

— «Они погибли, стойкіе и испытанные друзья народа. Родина не смогла уберечь дорогія, нужныя для нея жизни. Темная, несчастная, искалѣченная, она допустила совершиться злому преступленію. Они погибли, люди, которымъ мы вѣрили, отъ которыхъ мы ждали такъ много въ дѣлѣ созданія новой Россіи.

«И всѣ тѣ, въ комъ живо чувство чести, сознаніе долга, всѣ тѣ, кто чувствуетъ себя гражданами Россіи, кто любитъ свою родину, кто умѣетъ цѣнить бодрую и стойкую любовь къ людямъ, кто работалъ и работаетъ надъ созданіемъ лучшаго будущаго, кто ждетъ и вѣритъ въ него,—всѣ они нравственно обязаны исполнить свой долгъ передъ погибшими. Русскій народъ долженъ достойно увѣковѣчить ихъ память».

Вотъ ближайшая задача, которая стоитъ передъ всѣми нами и мы должны ее выполнить.

Каковы же завѣты покойнаго и въ чемъ его вѣра?

— «Нельзя отвязаться отъ щемящаго чувства боли, стыда за родину. Съ тревогой и тоской каждый изъ насъ спрашиваетъ: «Что будетъ съ нами? Куда мы идемъ? Что случилось съ страной, съ нашей родиной? Какой злой духъ сковалъ народную волю, затемнилъ народную совѣсть? Что случилось съ народной душой?»—Вотъ рядъ вопросовъ, которые ставилъ Андрей Ивановичъ въ своемъ послѣднемъ выступленіи 30 октября. Онъ

выступилъ тогда въ Воронежѣ со своей послѣдней рѣчью «о текущемъ моментѣ». Этотъ «текущій моментъ» переживаемъ мы и сейчасъ и мысли, высказанныя Андреемъ Ивановичемъ тогда, близки намъ для настоящаго времени и такъ примѣнимы къ переживаемымъ событіямъ. Вся эта рѣчь звучитъ такимъ заключительнымъ аккордомъ ко всей его дѣятельности, что ею я и хочу закончить свой очеркъ.

«Повсюду мы слышимъ рѣчи о томъ, что Россія близка къ гибели. И многимъ изъ васъ кажется, что въ настоящее время нѣтъ уже ничего, что могло бы предотвратить эту надвигающуюся гибель. Чѣмъ вызывается этотъ скептицизмъ, въ силу чего мы наблюдаемъ такое уныніе, почти отчаяніе? Почему со всѣхъ сторонъ поступаютъ къ намъ жалобы на то, что теперь значительно хуже, чѣмъ было раньше и даже слышатся вопросы: «Да стоило ли въ самомъ дѣлѣ предпринимать то, что совершилось, если получились такіе плачевные результаты. Единственное основаніе, которое оправдываетъ такіе вопросы—это наша боязнь за родину. Видя надвигающуюся разруху, люди теряютъ равновѣсіе, теряютъ вѣру въ самихъ себя и въ будущее нашей родины и даже всплываютъ сомнѣнія въ вѣрности тѣхъ лозунговъ, которые дала намъ наука, партійная программа, которую выставила русская передовая интеллигенція на своемъ знамени въ дѣлѣ завоеванія свободы.

«Мнѣ понятно это волненіе, понятна эта боль, сжимающая сердце за Родину, я понимаю тѣхъ офицеровъ, которые обращаются къ намъ съ горькими воплями:—«Дайте же намъ возможность уѣхать въ Англію, въ Америку, во Францію, куда угодно, лишь бы не быть свидѣтелями того, что творится сейчасъ въ Россіи, и сражаться съ ея врагами, хотя бы въ чужихъ арміяхъ!...».

«Граждане, вѣдь прошло только шесть мѣсяцевъ съ момента революціи и поистинѣ можно сказать:—какъ мало прожито, какъ много пережито.—Эти шесть мѣсяцевъ стоятъ десяти лѣтъ. Бываютъ эпохи, когда страсти чрезвычайно велики и остры. Бываютъ моменты, когда событія исторіи несутся спокойно, точно широкая полноводная рѣка катитъ въ отлогихъ берегахъ. Бываютъ моменты, когда рѣка на своемъ пути разбиваетъ все, крушитъ и все несетъ впередъ, впередъ въ жуткомъ и страшномъ водоворотѣ. Вотъ передъ какимъ переворотомъ событій

и насъ поставила судьба. Все крутится въ этомъ водоворотѣ событій, какъ осенніе листья въ непогоду. Но при всей видимой случайности ихъ и неожиданности безпощадно повторяются шагъ за шагомъ формы и событія другихъ народныхъ движеній. Въ началѣ торжество сплоченной воедино страны. Борьба со старымъ строемъ, арестъ двора, затѣмъ горделивыя мечты демократіи объ освобожденіи всѣхъ народовъ, о всеобщемъ міровомъ торжествѣ революціонныхъ идей. Мессіанство. Потомъ борьба партій, жуткая междоусобица, взаимная подозрительность, недовѣріе другъ къ другу. Борьба партій достигаетъ крайняго напряженія—доходитъ дѣло до гильотины во Франціи—вспомните, граждане, какъ на-дняхъ Троцкому шумно аплодировали въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, когда онъ только упомянулъ о гильотинѣ.

«Граждане, вы чувствуете, какой ужасъ нарастаетъ, растетъ и крѣпнетъ. Вспомните у насъ и во Франціи эти розыски хлѣба для арміи и городовъ. А крестьяне громятъ, жгутъ усадьбы и прячутъ хлѣбъ, лишь бы не отдать его революціонному городу, ненавистному, далекому развратному городу. Хлѣбная монополія, твердыя цѣны у насъ и въ дни французской революціи. Тѣ же финансовыя затрудненія—тотъ же потокъ бумажныхъ денегъ, тотъ же безумный упадокъ ихъ цѣнности...

«Мнѣ рисуется такая картина: на предвыборномъ собраніи собрались граждане, ждущіе очереди подать свой голосъ. И вотъ на собраніи выступаетъ лишенный избирательныхъ правъ, низвергнутый Николай и говоритъ, приблизительно, такую рѣчь: «Граждане, вы свергли меня потому, что я не умѣлъ воевать, не умѣлъ управлять страной, что я терпѣлъ вокругъ себя предателей и измѣнниковъ. Ну, а скажите,—вы лучше обороняетесь? Ну, развѣ теперь не умножилось неисчислимое число предателей и измѣнниковъ? Вы говорили, что я не умѣлъ выбирать людей, что министры мѣнялись, какъ въ чехардѣ, и у кормила власти стояли льстецы и низкопоклонники. Скажите, у васъ стало лучше? Не такъ быстро мѣняются министры? Лучшіе ли они люди? Вѣдь вамъ никто не мѣшаетъ ихъ выбирать. Вы свергли меня за то, что я довелъ до разстройства транспортъ и создалъ въ странѣ разруху. Ну, а теперь,—скажите, развѣ вы сыты, одѣты, развѣ застрахована ваша безопасность, развѣ вы чувствуете себя дѣйствительно свободными гражданами,

развѣ вы увѣрены въ завтрашнемъ днѣ? Развѣ Россія сейчасъ не ближе къ гибели, чѣмъ была раньше? Развѣ получили вы то, о чемъ мечтали?».

«Скажите, что отвѣтили бы вы, граждане, низвергнутому вами Николаю? Нужно ли вамъ въ самомъ дѣлѣ сожалѣть о совершившемся? Нѣтъ, граждане, ни на минуту сомнѣніе не должно омрачать вашу душу! Нѣтъ, у васъ не должно быть сожалѣній о прошломъ! Да, правда, мы во всемъ всегда обвиняли верховную власть. Мы сознательно съ ней боролись. Да, мы свергли ее, но скажите, неужели для того только, чтобы уничтожить боевую мощь нашей арміи, неужели для того, чтобы брататься съ врагомъ на фронтѣ, неужели для того, чтобы разстрѣливать мирныхъ гражданъ въ столицѣ? Вѣдь не для того же, въ самомъ дѣлѣ, мы свергли старый режимъ. Я понимаю, что эти вопросы могутъ охватывать душу, туманить нашъ мозгъ, смущать душу, душу людей даже испытанныхъ борцовъ изъ нашихъ рядовъ, которые въ ужасѣ отступаютъ и думаютъ, что правда ли, что это та демократія, которой мы поклонялись, которую мы призывали?

«Подойдемъ же къ этому жуткому моменту съ холоднымъ разумомъ и съ пламенной надеждой, что не все еще погибло. Совершенно не обычны событія, переживаемыя нами, и велико страданіе государства. Правда, мы наблюдаемъ параличъ власти, правда, что это можетъ смутить самые сильные политическіе умы. Но «безуміе» проходяще. Вѣдь должны же мы знать, что демократія всегда демократія со всѣми ея достоинствами и съ недостатками. Не сознательные граждане, а взбунтовавшіеся рабы, по мѣткому выраженію Керенскаго, передъ нами, принесшіе съ собой отъ стараго режима свои заржавѣвшія цѣпи, рабы съ отсутствіемъ политическаго воспитанія—несчастные, темные, малосознательные—они переживаютъ новый процессъ съ огромнымъ трудомъ. Скажите, развѣ тотъ анархо-синдикализмъ, что въ Россіи называется большевизмомъ, развѣ онъ продуманъ, развѣ продуманы тѣ бунтарско-земельныя реформы, такъ недалеко ушедшія отъ пугачевщины? Государственные инстинкты у насъ крѣпки, но сознательной гражданственности нѣтъ. Но кто виноватъ въ томъ? Развѣ народъ, который не жилъ, которому не давалъ старый режимъ жить нормальной политической жизнью? Кто душилъ просвѣщеніе и сознательно

держалъ народъ въ темнотѣ? Вотъ почему на вопросы Николая, если бы онъ ихъ кому-либо предложилъ, мы должны бы были твердо, прямо и смѣло отвѣтить: «это самодержавіе виновато въ нашей разрухѣ, это старый режимъ сознательно держалъ народъ въ невѣжествѣ, въ темнотѣ, не давая ему правильно развить свои духовныя богатыя силы, это старый проклятый режимъ мѣшалъ народу идти по пути прогресса къ свѣту и знанію! Вѣдь правда, вспомнимъ, граждане, тѣ условія, въ которыхъ пребывалъ нашъ народъ. Еще въ 1862 году, еще до введенія земскихъ учрежденій, членъ рязанскаго комитета Волконскій, провидѣвъ своимъ духовнымъ взоромъ возможныя послѣдствія неумѣлаго устройства мелкой земской единицы, произнесъ пророческія слова. Онъ говорилъ, нельзя отрывать народъ отъ интеллигенціи, нельзя создавать изъ нихъ обособленное сословіе, нельзя оставлять крестьянъ подъ опекой. Оставаясь въ себѣ самомъ, онъ будетъ только развивать въ себѣ вѣками накопившуюся въ немъ злобу къ помѣщикамъ и не понимать общенародныхъ государственныхъ задачъ. Настанетъ время, когда мы уже не сможемъ пойти съ ними рука объ руку, какъ бы мы сильно того ни захотѣли.

«И вотъ оно наступило, это страшное, это предсказанное Волконскимъ время. Эта оторванность, эта рознь сказалась гораздо ярче, глубже, сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Искусственно поставленный въ обособленныя условія существованія, народъ оказался чуждъ интеллигенціи и видитъ въ ней сейчасъ своихъ враговъ. Вотъ почему, когда рухнулъ старый строй, какъ подгнившій дубъ, когда народъ былъ призванъ къ самостоятельной жизни, онъ почти не пошелъ за своими естественными руководителями, онъ не съ тѣми, кто въ силу логики событій долженъ былъ бы направлять его, но вмѣсто того охотно бросился въ объятія разныхъ темныхъ силъ и фантазеровъ интернаціоналистовъ, забывшихъ родину, не постыдившихся льстить народу и обманывать его несбыточными надеждами, потакать его самымъ низменнымъ чувствамъ и страстямъ. Но вѣрьте, граждане, схлынетъ эта волна, смоется съ ея гребня наносная муть, успокоится взбаламученное море и наступитъ торжество тѣхъ государственныхъ идей, которыя руководили нами, когда мы приняли участіе въ револю-

ціи. Не вѣрьте, граждане, тѣмъ, кто говоритъ, что Россія погибнетъ. Такой колоссъ, такая страна погибнуть не можетъ и не должна. Не повторяйте сами и не слушайте другихъ кричащихъ о гибели Россіи. Если не погибла Русь въ тѣ смутные годы, когда 300 лѣтъ тому назадъ врагъ проникъ въ самое сердце страны, когда на Руси царила полная анархія, когда Россія представляла собой союзъ мятежныхъ городовъ, такъ развѣ можетъ погибнуть теперь Русь, развѣ не аналогичны нашимъ переживаніямъ переживанія современниковъ смутнаго времени.

«Граждане, вѣдь муки революціи, это—неизбѣжныя муки родовъ. Въ февральскіе дни родилась новая Россія, правда, родилась въ мученіяхъ и страданіяхъ, но вѣдь это страданія не безнадежнаго больного. Это болѣзнь юнаго возраста. Нѣтъ, передъ нами не разлагающійся трупъ и даже не приговоренный къ смерти больной, а родившійся въ мукахъ ребенокъ, которому предстоитъ еще долгая, свѣтлая жизнь. Народъ нашъ молодъ, юнъ, ему свойственны увлеченія и ошибки бурной юности. Развѣ мать предается отчаянію, видя, какъ ея ребенокъ тянется ручонками къ огню, какъ невѣрными шагами онъ пробуетъ бѣгать, падаетъ и ушибается. Нѣтъ, она лишь съ улыбкой остерегаетъ его, зная, что придетъ время и онъ научится распознавать вредъ и пользу. Нашъ народъ еще молодъ, онъ полонъ силъ и бодрости, и ему не трудно будетъ стряхнуть съ себя эти путы, это навожденіе, охватившее его въ дни освобожденія. Онъ выведетъ свою страну изъ создавшихся временныхъ тяжкихъ затрудненій къ свѣтлому будущему.

«Насъ пугаютъ засиліемъ большевиковъ, повсюду слышатся рѣчи о надвигающемся торжествѣ анархіи. Но я напомню вамъ картину, популярную въ подпольяхъ 70-хъ годовъ. Она изображала собою пирамиду, широкимъ основаніемъ которой служили народныя массы. Поверхъ этихъ массъ располагались тѣ слои населенія, которыя учили, лѣчили этотъ народъ и правили имъ. И, наконецъ, поверхъ всего покоилась фигурка въ коронѣ. Таковъ былъ символъ самодержавія. Онъ прочно стоялъ на широкомъ фундаментѣ. Революціонный ураганъ свалилъ эту пирамиду, она упала на бокъ, и то, что вѣнчало ее, оказалось теперь въ самомъ низу, а нижній слой пирамиды—народъ—высоко вознесся къ верху. Она лежитъ на широкомъ

общемъ основанiи, на равномъ для всѣхъ уровнѣ. Такъ должно символизироваться народоправство.

«Чего же добиваются большевики? О чемъ мечтаетъ Луначарскiй? Они хотѣли бы поставить пирамиду на ея вершину основанiемъ кверху. Это диктатура пролетарiата! Судите сами, развѣ можетъ быть устойчиво такое положенiе. Развѣ долго можетъ простоять эта пирамида на верхушкѣ. Если бы этимъ наивнымъ мечтателямъ и въ самомъ дѣлѣ удалось бы создать диктатуру пролетарiата, не ясно ли, что эта, противная законамъ механики попытка рухнетъ при первомъ же дуновенiи вѣтерка. Итакъ, мы не должны бояться этихъ угрозъ и не должны вѣрить въ ихъ осуществленiе. Если въ настоящее время намъ, кадетамъ, бросаютъ обвиненiе, яко бы мы не успѣваемъ идти въ темпъ съ текущими событiями, то вѣдь нужно намъ помнить, что наша программа составлялась не на время революцiи, и не ея ошибки мы призваны защищать. Надо помнить, что наши лозунги имѣютъ не минутное значенiе. Мы непоколебимо вѣримъ въ ихъ правоту, мы не отказываемся и не откажемся отъ нихъ, ибо знаемъ, что это тѣ основанiя, на которыхъ должна и будетъ строиться жизнь свободной Россiи.

«Мы вѣрили и будемъ, и должны вѣрить въ демократiю, несмотря ни на что, несмотря на ея заблужденiя. Ея темнота—наше общее горе и общая бѣда. Вѣра въ народъ и единственно правильный путь политической жизни—это управлять черезъ народъ—это было и останется нашимъ девизомъ до конца!».

Вы видите, какъ этотъ человѣкъ и на закатѣ жизни оставался вѣренъ себѣ, своему идеалу.

— «Не вѣдали, что творили», сказалъ бы А. И. про своихъ убiйцъ, ибо его любовь къ людямъ была всепрощающа и непоколебима.

И ни къ кому другому, какъ къ нему самому, такъ не примѣнимъ его страстный призывъ:

— «Всѣ, кто мучится скорбью родной земли, у кого душа горитъ и сердце сжимается отъ ея страданiй, кто не забылъ родины,—пусть идетъ къ народу со своимъ укоромъ, со своимъ призывнымъ словомъ; не нужно искать какихъ-то

«нечеловѣческихъ» для этого словъ. Всякія слова слабѣе совершающагося ужаса.

«Нужно будить совѣсть, звать на помощь, ободрять уставшихъ и испугавшихся, стыдить равнодушныхъ.

«Это долгъ всѣхъ гражданъ, это ихъ общій долгъ».

Этотъ долгъ Андрей Ивановичъ Шингаревъ всей своей жизнью и мученическою смертью выполнилъ до конца.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

7 р.

Складъ въ к-вѣ М. и С. Сабашниковыхъ,
Москва, Плющиха, 55.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.